

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2019

© Copyright 2019 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-0-9946108-4-3

Design and Artwork:

Graphics:

Efim Gammer

Paintings from:

Naum Belog

Faina Zilp

Cover design:

Naum Belog

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

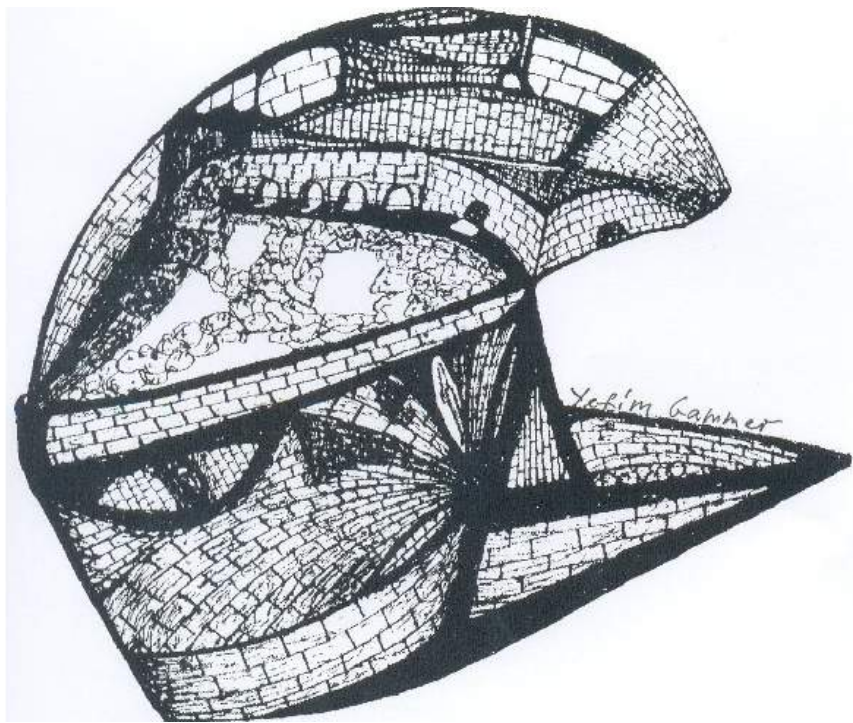
“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2019

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Минск, Беларусь

Окончил БГУ. Автор двадцати двух поэтических сборников, изданных в

России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т. ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. А.С. Экзюпери (Франция-Германия), «Золотое перо Руси-2018», им. С. Есенина, им. И. Анненского, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля, «Серебряный голубь России - 2017» (все – Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» и им. Г.

Сковороды «Сад божественных песен» (Украина) и др. Академик Международной Славянской Академии (Варна, Болгария), действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, академик международной литературно-художественной Академии (Украина). Член Общественной Палаты Союзного Государства России и Беларуси. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Живет в Минске.

Позовите меня –
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу –
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудки черня.
И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют...
Будет вечер пустой
мировой пустотою увенчан,

Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...
И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь –
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
“Уходи подобру-поздорову...”
Опрокинет бутылку:
“Уходи поскорей, уходи...”
Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...
А вокруг – никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: “Иди...”
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

Что-то скрипнет сверху...
Промелькнет суетливая галка,
И гусиное перышко
над головой проплывет.
Быстро август проходит...
Мне августа нынче не жалко –
Пусть скорее минуют
И август, и лето, и год...

Может, просто устал?..
И тоска забродила по венам...

Может, чуть не хватило
касания ласковых рук?..
Только вдруг обожгло?..
О мучительном и сокровенном
Вдруг захочешь кричать –
Неожиданно... Истоиво... Вдруг...

И слова не нужны –
Разве бренность опишешь словами?
Да и кто их услышит –
напрасные эти слова,
Если август – на склоне,
Тяжелое солнце – над нами.
И о чем-то унылом
Прощально скрипят деревья?

Все труднее ступать –
И здоровье, и лето на склоне.
И всё чудится – прежде
был август слегка голубей...
Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
На узкой ладони твоей...

Куда спешим?.. Сентябрь... Птицам – к югу.
На срезе жизни кольцами – года.
Всё тоньше кольца... И бредешь по кругу,
Шаги замедлив... Нехотя... Туда,
Где всё конечно, даже бесконечность,
Где вечно лживы Ева и Лилит...

Где чёрен свет... Где временная вечность
Со смертным о бессмертье говорит.

Вослед за покоем приходит всегда непокой –
Затем, чтоб покой нам недолго покоем казался.

Ну, как же теперь мне к тебе прикоснуться рукой,
Когда я рукою к вселенскому злу прикасался?..

Уже заструилась с деревьев линия медь,
И тучи тяжелые бродят всё ниже и ниже...
Ну, как же посмею теперь на тебя поглядеть,
Когда я глядел на другую – светло и бесстыже?..

Глядел... И казалось, что это и есть благодать...
И снова глядел... И разлукою мучился снова.
Ну, как я посмею теперь тебе что-то сказать,
Когда повторял, что молчание – выше, чем слово?..

Крест-накрест зачеркнут вконец неудавшийся день,
А пульс всё морзянит, что лучшего мы и не стоим.
Луна оскудеет... И солнце взойдет набекрень
Над вечным покоем... Над призрачным вечным покоем.

Такая судьбина—нельзя обижаться и злиться.
Стонать – это можно... Вдали... И рыдать на бегу.
Хрипеть от бессилья – тебя забирают в больницу,
Домашние рядом... А я позвонить не могу...

Ну, так получилось... О, Господи, так получилось –
Два вскрика, две боли, две тени похитила ночь.
И твой полусшепот – великая, высшая милость...
Но «Скорая» мчится... И вздохами тут не помочь.

А как я узнаю?.. О, Господи, как я узнаю,
Где солнце, где небо, где льдинка на черном снегу?..
Пусть с самого краю, пусть с самого-самого краю,
Но там, где твой выдох... А я позвонить не могу...

К чему телефоны?.. К чему мне высокие звоны?
К чему Ариадна по небу раскинула нить?
О, как же надсадно, как злобно звонят телефоны!
А мне на твой номер все так же нельзя позвонить...

Не будет иначе... Я знаю – не будет иначе...
Но где-то в предсердье сценарий иной берегу.
Там женщина плачет... Замужняя женщина плачет:
«Любимому больно... А я позвонить не могу...»

В Турции, в Кемере,
Где беспечно море,
Где подошвы лижет смиренная волна,
Где гортанный выкрик
С истиной в раздоре,
Где на воле воля вовсе не вольна;
Отойди – забудут,
Подойди – попросят,
Увлечись – обманут
в несколько минут.
Где стаканы с хмелем ласково подносят:
“Пропили поездку?.. Русию пропьют...”
Что им боль Марины?..
Что им профиль Анны?..
Что им тихий шелест медленных страниц?
Что им в этом крике?..
Он же не гортанный...
Что им строки бледных
истовых блудниц?..
Им бы только ложью полнились глазницы,
Им бы свой товарец втридорога сбыть...
Три звезды на небе...
Ни одной зарницы...
Выше минарета ничему не быть.*
Чай куплю для виду... Отойду в сторонку.
Нынче солнце ниже – дело к сентябрю.
Потреплю по щечке наглого турчонка,
И его сестрице мелочь подарю.
Та попросит взглядом: “Дай еще немножко...”
Улыбнется тихо... И шагнет назад,
В памяти оставив грязную ладошку...
Грязная ладошка... Чистые глаза...
После, на прощанье, мне рукой помашет,

Чтобы следом в спину с яростью взглянуть:

“Очин син халоший у тваей мамаси...”

В Турции... В Кемере

Солнце... Море... Жуть...

**По мусульманской традиции постройки не могут быть выше мечети*

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

Поэт, прозаик, переводчик, художник, родился в Перми. Вырос на Украине. Окончил МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. С 1965 года стихи публиковались на Западе и распространялись в самиздате. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной Отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Книга "Пир" – лонг-лист премии Букера, книга "Голос и свет" – лонг-лист премии "Большая книга", книга "Тадзимас" – шорт-лист премии Дельвига и лонг-лист Бунинской премии. Член редколлегии журналов "Крещатик", "Перформанс", "Дон", альманаха "Особняк". Член Союза писателей Москвы, Союза писателей 21 века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010).. Живёт в Москве и Коктебеле.

* * *

Воображенья торжество
Да непомерные мученья,
Как бы на грани всепрощенья,
А рядом – рядом никого.

Покуда силятся сверчки
Пощаду вымолить у неба,
Я жду и всматриваюсь – все бы
Так миру были бы близки.

Когда бы все ловили так
Приметы каждого мгновенья,
В ночи оттачивая зренья,
Прозрел бы звук, звучал бы знак.

Не потому ли мне дана
Впрямую, только лишь от Бога,

Как небывалая подмога,
Душа – и чувствует она,

Как век, отшатываясь прочь,
Клубясь в сумятице агоний,
Зовёт, – и свечка меж ладоней
Горит, – и некому помочь,

Никто не может, ничего,
Что схоже с откликами, нету, –
И вот, в тоске по белу свету,
На ощупь ищешь ты его.

* * *

Навестила б сызнова меня
В серебре тускнеющего дня
Та, что столь желанною бывала
В те года блаженные, когда,
В час, как выйдет первая звезда,
Стольких песен строки даровала!

В тишине шагреневой, сквозной,
Сберегла бы отданное мной
Всем живущим щедрыми горстями,
Подняла бы светлое лицо,
Ненароком вышла на крыльцо,
Чтобы сладить, может быть, с вестями.

Знать, немало терний и корней,
Что упрямей были и верней,
Чем роенье позднее вниманья,
С этой тканью чаянья срослись,
Где преданья нитью запаслись
Все, кто ключ отыщут к пониманью.

Застилая шумной пеленой
Этот мир, поистине иной,
Чем когда-то, в юности прекрасной,
Свежий ветер за море летит,

Всех простит – и всё-таки грустит
На краю земли огнеопасной.

Кто его, скажите мне, хмельней?
Или впрямь в раздумиях полней
Этот круг, разомкнутый однажды,
Этот лад, распахнутый всему
И спасённый только потому,
Что не скрыл ни голода, ни жажды?

Нет ему ни отдыха, ни сна –
Не такие помнит времена –
И его за частыми слезами
Различишь, чтоб в бедах уцелеть,
Чтоб невзгоды вместе одолеть,
Постареть с открытыми глазами.

Нет мечтанью страхов или уз –
Не затеют разом девять муз
Невпопад общение с народом –
Что ему до слова моего? –
Вот и славим жизни волшебство
Под ещё родимым небосводом!

* * *

Привыкший делать всё наоборот,
Я вышел слишком рано за ворота –
И вот навстречу хлынули щедроты,
Обрушились и ринулись вперёд,
Потом сомкнули плотное кольцо,
Потом его мгновенно разомкнули –
И я стоял в сиянии и гуле,
Подняв к востоку мокрое лицо.

Там было всё – источник бил тепла,
Клубились воли рвенье и движенье,
Земли брожение, к небу притяжение,
Кружение смысла, слова и числа, –
И что-то там, пульсируя, дыша,

Сквозь твердь упрямо к миру пробивалось, –
И только чутя снова оставалось,
К чему теперь вела меня душа.

Бывало всё, что в жизни быть могло,
И, как ни странно, многое сбывалось,
Грубело пламя, ливнями смывалось
Всё то, что к солнцу прежде проросло, –
Изломанной судьбы я не искал –
И всё, как есть, приемлю молчаливо,
Привычно глядя в сторону залива,
Где свет свой дар в пространстве расплескал.

* * *

Те же на сердце думы легли,
Что когда-то мне тяжестью были, –
Та же дымка над морем вдали,
Сквозь которую лебеди плыли,
Тот же запах знакомый у свай,
Водянистый, смолистый, солёный,
Да медузых рассеянных стай
Шевеленье в пучине зелёной.

Отрешённое нынче смотрю
На привычные марта приметы –
Узкий месяц, ведущий зарю
Вдоль стареющего парапета,
Острый локоть причала, наплыв
Полоумного, шумного вала
На события, чтоб, россыпью скрыв,
Что-то выбрать, как прежде бывало.
Положись-ка теперь на меня –
Молчаливее вряд ли найдёшь ты
Среди тех, кто в течение дня
Тратят зренья последние кошты,
Сыплют в бездну горстями словес,
Топчут слуха пустынные дали,

Чтобы глины вулканный замес
Был во всём, что твердит о печали.

Тронь, пожалуй, такую струну,
Чтоб звучаньем её мне напиться,
Встань вон там, где, встречая весну,
Хочет сердце дождём окропиться,
Вынь когда-нибудь белый платок,
Чтобы всем помахать на прощанье,
Чтоб увидеть седой завиток
Цепенеющего обещастья.

* * *

Ты, душа, влеченья не скрывала
К берегам, где встарь уже бывала.
К берегам, где издавна томится
Всё, что днесь то вспомнится, то снится,
К берегам, где волю славит лира,
К берегам, где скоро будет сыро,
К небесам, где музыка витала,
К облакам, рассеянным устало.

Ты, душа, упряма в этой тяге –
Дни пройдут, и власти сменят стяги,
Не застынут вести на пороге,
Подспеют новые итоги,
Выпьют вина, слитые во фляги,
Не просохнут строки на бумаге, –
А тебя попробуй удержи-ка,
Узелок незримый развяжи-ка.

Ты, душа, беспечна в этой блажи,
В раж вошедши, празднична – и даже
Хороша в движении к истокам,
В этой смеси запада с востоком.
В этом сплаве севера и юга,
За чертою призрачного круга,
Где тропа спасительная слово
Из ненастья вывести готова.

ГРИГОРИЙ АМБУРГ

Родился и вырос в совдепии... в Узбекистане. Образование моё – экономическое. В 1990 году эмигрировал в Израиль. В 2009 – переехал в Австралию. Страстный поклонник авторской песни. Потому и сам написал более ста стихотворений (песен) и рассказов.

Пыльная стихия

Гнусная пыль виснет серою массой,
Серость внедряется в смысл бытия.
Белое – серой становится расой,
Черное – хочет стоять у руля.

Воздуха нет. Лишь мучнистые взвеси, –
Словно тобою играет планктон.
Пыльная буря душой куролесит
И оседает цементным пластом.

Тучка надежды на небе повиснет,
Вот, мол, сейчас наведу чистоту!
Но... поднатужится, слабенько брызнет,
Сгинет, запутавшись в пыльном бреде.

Капли дождя не дополняют картины,
Только размажут все чувства вразброд.
И ощущение тоскливой рутины
Вряд ли отстанет и вряд ли пройдет.

Издержки

Заметка мне попалась про девицу,
Что волосы растила десять лет.
Ну как же тут, скажи, не удивиться?
Тому примера, полагаю, нет.

Не подрезала и не коротила
И не начесывала пряди на шеньон,
А все растила волосы, растила...
Пока один не угодил в бульон.

Он замаскировался под лапшицу
И, в костчку вцепившись узелком,
Пропитан был и перцем и корицей.
Муж по столу ударил кулаком.

Но поперхнулся, – был объект немалым.
Не зря его растили столько лет.
Ах, в жизни нашей то ль еще бывало!
Так без скандала и закончился обед.

АЛЕНА БАБАНСКАЯ

Родилась в Подмосковной Кашире. Закончила МГПИ им Ленина, филфак. Печаталась в разных «толстых» журналах с 2006 г. Автор книги стихов «Письма из Лукоморья» 2013, Водолей. Живу в Москве.

«Та сторона луны»

В сказке с разрисованным холстом,
Где горит негреющий очаг,
Жили не сегодня, а потом,
Подлинную правду умолчав.
И точили длинные ножи,
И ходили в лес и по дрова,
Прошлое назавтра отложив,
Или у соседей своровав.
Там и ты мед-пива не пивал,
Ни сегодня, ни вчера, ни впредь.
А ножи разили наповал,
И дарили подлинную смерть.

Шелк облаков прожжен насквозь –
Солнечная дыра.
Ах, поматрось меня да брось.
Или уже вчера?
Лезет материя вкривь и вкось –
Вечный за ней покой.
Вместе не лучше, чем поврозь.
Разницы никакой.

С той стороны луны –
Лошади и слоны,
Набережные Челны,
Много всего такого.
С той стороны луны
Всякий придет иным:
Ситцевым и льняным,
В чувство вины закован.
С этой же стороны –
Нет никакой вины,
Бабочки и вьюны.
Солнечный день погожий.
Да и сама луна,
Меркнувший ковш у дна,
Не видна, похоже.

Вытри нос, девчонка, скорее сядь!
Отложи полосатый мячик.
Детство кончилось где-то за пятьдесят.
Только смерть впереди маячит.
Так что быть серьезней уже пора,
Научиться держать осанку.
Перестань дурачиться и орать,
Позабудь про коньки да санки.
Позабудь про легкий велосипед,
Про его золотые спицы,
Крутанешь педали, и смерти нет.
И летишь, и летишь, как птица.

Хоронили ласточки ежа,
В саван пеленали паутинный.
И пока он тепленький лежал,
Красною обмазывали глиной.

В домотканом коконе темно.
Умирать мучительно и тошно:

Крутят второсортное кино -
Хронику о будущем и прошлом.

Человеческая метрика проста:
Это рыба без чешуек и хвоста.
Вот таким он уродился на болоте.
Посмотри, как быстро ручками колотит!
Как полжизни он барахтается в тине –
Тот жирнее, тот немножечко спортивней,
Тот плывет совсем уверенно! Потом
Все равно всплывает кверху животом.

У меня зеленый нимб.
Я не то чтобы святая,
Я дорожки подметаю
И кормлю словами рыб.
Ничего-то не прошу,
Проживаю без утайки.
Буквы черные крошу
В проплывающие стайки.
И жиреют окуньки,
Пусть не видимые глазу.
И летит живая фраза
По течению реки.

ОЛЬГА БЕЛОУС

Родилась в Харькове, где благополучно прожила много лет по самой стандартной программе советского человека, но в 1990 году программа дала сбой, и я занялась бизнесом... Переехала в Киев, а оттуда дух авантюризма унёс меня в Новую Зеландия, где я сейчас и живу. Когда встал выбор между математикой и литературой, победила математика, что очень пригодилось в жизни. Как любила решать задачки, так по сей день и решаю, хоть и не математические. А литература – это для души.

Последняя отдача

что мыкаться в безудержной тоске
зачем метаться и искать идею
вот истина – следами на песке
и, если не волна,
так ветер след развеет
вот сизый сигаретный дым,
и кружка нефильтрованного пива...
незыблем, непоколебим,
сменяет океан приливы и отливы
и поиск истины
и ветер
и гранит
в одну большую цепь
сплелись удачно
и револьвер,
что до сих пор хранит
ту, самую последнюю
отдачу.

Город вечных разлук

Не сгорая – горишь,
Не летая – кружишься над бездной,
В сизой дымке Париж...
А в руке – телефон бесполезный.
Дождь косой, и бульвар,

Замечает все звуки молчанье,
Сдался наш Боливар –
Седоков потерял он отчаянных...

Помнишь наше кафе,
Профитроли и вкус шоколада?
А цыганку в цветастом платке –
Она счастье тогда нагадала.
От потерь не уйти –
Мы расстались с тобою у Арки,
Только площадь Звезды
Оставалась такую же яркой.

Спят давно короли
Под собора тяжелыми плитами.
Город вечной любви,
Полоненный сердцами разбитыми.
Отплясал Мулен-Руж,
Погасили огни у Максима...
Чей-то преданный муж
Представляет печального Мима.

Смутны тропы твои
Под огнями сияющих улиц.
Вот рассвет погасил фонари,
Разошлись мы с тобой, разминувшись...
Опустилась вуаль
Над романтикой встречи случайной.
Мы искали Грааль,
Мы нашли. Но разбили... нечаянно.

Паутинка

что ж меня тянет на философию?
нет бы о вишнях писать, да о радуге,
чем разбираться с проблемой высокою –
кто и зачем в этой жизни нас балует.
всё мне нейдет – о долге, о славе,
об обустройстве... чего? Непонятно.
думаю, может, поехать мне к маме

и по утрам там пропалывать грядки.
сад посадить, да играть на гитаре,
сказки рассказывать маленьким детям,
и замереть на обрыве, встречая
солнце, как новую жизнь, на рассвете.
а вечерами, укутавшись пледом,
зимней порою у печки согреться,
выпить наливки, пахнувшей летом,
с острой приправой из красного перца.
жить, позабыв и пространство, и время,
сложные дискурсы, стили, эпохи...
жить, наблюдая цветенье сирени
или бегущие капли на окнах.

в играх без правил, придуманных где-то,
прячься не прячься, а кончику быть...
жизнь – без оглядки, вопрос – без ответа...
Мойры* прядут судеб тонкую нить.

*Мойры – богини судьбы

Я помню, ты тогда шептала:
Любовь в неволе не живет...
Она берет своё начало
Там, где крошится синий лед,
Где ноты – каплями, росой
В одну сплетаются струну,
Где счастье бродит за тобою
И шепчет: дай-ка обниму...
Потом в отчаянье кричала:
Открой темницу, отпусти!
Дрожали яхты у причала,
И гасли дальние огни.
Качался месяц в стылых ветках,
И звезды уплывали вдаль.
Рвалась любовь из тесной клетки,
Шипами изодрав вуаль.

И только вырвавшись на волю
Печально глянула назад...
Вокруг – темно, и ветер воет
Вот-вот сорвется снегопад.
А счастье упорхнуло в лето,
Где радуга и теплый дождь,
Там запах роз и ливни света,
И ты... как-будто что-то ждешь.

ЮРИЙ БЕРДАН

*Живёт в Нью-Йорке.
Автор трёх книг художественной
прозы и четырёх сборников стихов.
Публикации в периодической прессе,
«толстых» и «тонких» журналах,
альманахах и сборниках – в России,
Украине, Израиле, Германии, Австрии,
Англии, США. Победитель, призёр и
лауреат ряда международных
литературных конкурсов.*

ЧУЖАЯ ЛЮБОВЬ

Над Гринвич-Виллидж призрак-век царит –
Меж стен и окон мечется багрово...

Чуть-чуть нетрезв, простужен и небрит,
Что я забыл здесь ночью, в полвторого?
Нет для меня здесь ни любви, ни кровя...
Играет в баре «Цинк» на третьей стрит
Былую страсть увядших Рио-Рит
И жизнь мою бигбэнд Пономарева.

Что жизнь моя? Глухой опавший лес –
То взвоят выпью, то застонет эхом,
Ворвётся в дом обкуренным морпехом
С заклинившим АК наперевес.

Что жизнь моя? Взывающий с небес,
Из пропасти зовущий хриплым смехом,
Во мне живущий с детства ангел-бес,
Узлом связавший мой позор с успехом.

Что жизнь моя? Грызня во мне и торг:
Аннексия? Иль возвращенье Крыма?
Санкт-Петербург, Бердичев и Нью-Йорк
Переплелись во мне непримиримо.
Сцепились, словно псы, злость и восторг,
Джюльетта и дряхлеющая прима,
Бордель и храм, родильный дом и морг,
Льды Арктики и знойный плеск Гольфстрима...

У входа бомж. Дерьмом воняет плед.
Пройду и не поморщусь: чай, не बारे.
Я в этом बारे не был прорву лет,
Как впрочем, ни в Твери, ни в Занзибаре.
За дверью гвалт и юный хохот – пари...
Остановлюсь на миг и гляну вслед
Чужой любви – целующейся паре:
Блондинка Скарлетт и мулат-атлет.
Ночь в ноябре. Леса давно опали.

* * *

Мой красивый, мой хищный, мой раненый зверь...
Распластался на карте, как гопник в плацкарте.
То, что родиной звал я когда-то, теперь
Место, где был рождён – native country.

Её правда, враньё, её шик и рваньё,
Дёготь с перцем – коктейль из поэтов и быдла...
О, как сладостно-горько любил я её!
И как яростно ненавидел!

Крюк в подвале, в коросте коричневой сток:
«В моей смерти винить всех и вся!» Точка. Подпись!
Айсберг-дом коченелым лицом на Восток, –
Дверь к двери стриптиз-бар, морг и хоспис.

Передёрнет затвор охреневший матрос,
Табуны по весне вновь седлает Монголия.
Время икс, поколение джи, передоз:
Ни рожденья, ни смерти – агония!

Бабы в проруби звонко полощут бельё,
Плачут сны по несбыточным клёнам Парижа...
О, как яростно я обожаю её!
И как сладостно ненавижу!

СТРАННЫЙ РОМАНС

Я в серые Ваши глаза не гляжу,
По снежному парку вдвоём не брожу...

Не падают звёзды над нами, сгорая,
В октябрьской Флориде, преддверии рая.
Не пью с Вами кофе, не ем Ваш обед:
Наш мир – только мой пять завьюженных лет.

В том мире, где были Вы, – старенький ВАЗ,
Смех наших детей, белый свадебный вальс,
Полночные губы, гул мартовских сосен
И кружево наших улыбок и вёсен.

Здесь, в мире, где нет Вас, во сне не парю,
«Люблю» не шепчу и цветов не дарю,
И не просыпаюсь в предчувствии чуда...
И Вы меня тоже не мучьте оттуда.

ФАТА МОРГАНА

Мираж. Фата Моргана. Круговерть
На скорости двадцать шестого кадра:
Нет ничего – начало только завтра.
Есть только бездна вод, земная твердь...
Ни горя, ни улыбок, ни азарта,
Ни пенья птиц, ни грёз в начале марта,
Нет звёзд и неба – некуда смотреть,
И рассказать про жизнь мою и смерть
Ещё не сможет местная Кассандра.

И я – ничто, и звать меня никак...
Платан ещё не вырос возле дома,
И с первенцем, заснувшим на руках,
Не ждёт меня до первых звёзд мадонна.

Ни бомб, ни пуль. Не тонут корабли.
Ни жути Холокоста, ни мессии,
Ни звёздных дней, ни чёрных лет России...
Ещё земную твердь не погребли
Ни доллары, ни евро, ни рубли,
Ни пепел «близнецов» и Хиросимы,
И безмятежно молодой и сильный

Ещё не задыхаюсь от любви –
Нечеловеческой, невыносимой.

Все впереди: надежда-правда-ложь,
Мгновение, что сотни жизней длилось –
На белой блузке бабушкина брошь
И девичьего лифчика стыдливость,
И первых губ застенчивая дрожь,
И губ прощальных северная стылость.

За перевал, где ужас и война,
Уйдёт гроза, в полнеба полыхая.
Там, над Голодной степью, пелена –
Коричневая пыль, стена глухая,
И тусклая, как фикса вертухая,
Зависнет узкоглазая луна
Над сумасшедшим заревом Шанхая.

И задымится в двориках сирень,
И безоглядно мы в добро поверим,
И вечер взвоят тысячью сирен
И прыгнет на Манхеттен рыжим зверем.

Ещё услышать той шальной весной
Звучащие из Домского органа
Бесстрастность дюн и ярость урагана,
И нежность вперемежку с сединой,
И всё, что было-не было со мной,
И всё, чему не быть. Фата Моргана.

БАЛЛАДА О ЗВУКОИЗОЛЯЦИИ

Весна. В небе гуси дикие.
Город пропах клубникою,
Флиртом и помидорами,
Смехом детей и до-ре-ми.

Куда ни взгляни – новации:
А в доме нет изоляции,

Той, которая звуко,
Как-будто он из бамбука.

Такой парадокс истории...
Какие махновцы строили?
Скрипнуло! Слышите? Стул? Кровать?
Руки бы им повы-дёрги-вать!

Живёт за стеной квартирной
Какой-то старик настырный...
По всяким дурацким поводам
Себя ест, бедняга, поедом,

Ведёт с собой разговоры
О том, что министры воры,
Что неучи все провизоры,
А женщины в телевизоре
Так непристойно голы...
Чума, татаро-монголы!

О язве и простатите,
Про утренний стул, простите.
Святое наше поносит:
Кары господней просит
На голову президента...
Послал Господь диссидента!

Ладно бы это... Ночью
Воет старик по-волчьи:
«Поле моё не скошено,
Могилы отца заброшены,
Там, где цвела долина –
Песок, саксаул и глина...»

Себя берedit ли, бредит ли:
«Зачем вы меня все предали!
Двоечники и отличники,
Обиженные и обидчики,
Супруги мои законные,

Соседи, друзья, знакомые:
Профессора и дворники,
Циники и поборники
Принципов и морали –
Все вы поумирали...

Просто беда с вами, старыми,
Как ты, сосед, достал меня! –
Грустно, не та погода,
Дочь не звонит полгода.
Слесарь нейдёт тупица...
А, может, тебе напиться?
Не так чтобы вдрызг – умеренно.
Поможет, не раз проверено!

Вот я, например: наполню,
Глотну раз-другой – не помню
Гнусную и прекрасную,
Каторжную и праздную,
В клетку, в полоску – разную,
Жизнь свою несуразную...

В полночь мелькнёт зарница,
В окна забьётся птица –
Перья красней рубина:
«Помнишь, как я любила?
Помнишь луга молочные –
Груды мои полночные,
Бёдра крутые, грешные,
Недра мои кромешные?..»

На тумбочке хлам: открытки,
Кусок шоколадной плитки,
Письма из поликлиники...
Курица в холодильнике,
Блюдец с засохшей гренкой...
Никто не живёт за стенкой.
Ни дырочки в ней, ни щели...
Господи! Неужели!?

ИГОРЬ БИРЮКОВ

(Россия, г. Владимир)

Образование – актёр. Работа – креативный директор. Хобби – написание в рифму. Опыт – три года. (Уже почти четыре!) Пожелание – добра и мира. Тексты – ниже...

СМЕРТЬ ГУМИЛЁВУ

"...И с тобой мы встретимся в раю" (Николай Гумилёв. «Смерть». 1905 г)

Гумилёв, не глумитесь над смертью. Я не глупа.
Покурить? Я не против. Стрельните мне у стрелков.
Это место ужасно. К нему зарастёт тропа.
Что ж, не всем светит Чёрная речка и Петергоф.

Я красивая с Вами, хотя я страшной войны.
Говорят, что костлява. Вдобавок ещё коса.
Мне приятно, что Вы благородно со мной “на Вы”.
Улыбайтесь искренне, не отводя глаза.

Я бываю нелепа, внезапна, легка, добра.
Но поверьте, мой милый, меня убивает быт.
Вот идёшь, словно мусор выбрасывать из ведра,
А вокруг завывают: За что? Почему? Убит!

К Вашей Анне я, кстати, приду в шестьдесят шестом.
Это будет старушка. И лучше бы не смотреть.
Вам же так повезло: молодым, и почти Христом.
Гумилёв, я ревную. Я женского рода смерть.

Вы, конечно же, слышали: Блок отошёл на днях.
У меня Маяковский с Есениным в очередях.
Но они не моё: эпатаж, моветон, сумбур.
Что-то косит поэтов. Простите за каламбур.
Ладно. Яму Вам вырыли. Это почти финал.
Через пару минут тут начнут убивать, шуметь.

Вы умрёте шикарно. Так даже чекист признал.
Гумилёв. Я расплачусь. Я женского рода смерть.

P.S.

Я люблю Вашу «Смерть» и цитирую наизусть.
Я хотела бы жить с Вами вечно на озере Чад.
Вам смешно, Гумилёв, а я снова за Вас убьюсь.
Говорят, Вы бессмертны. Не знаю. Так говорят.

*Чекист расстрельной команды: "– Да... Этот ваш Гумилев... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Улыбался, докурил папиросу... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает..."

ПРАВИЛЬНЫЕ СТИХИ

Ты нужен своей стране,
 чтоб молча держать ружьё.
Не важно: Непал, Уэльс, Страна просветлённых Оз.
Здесь реет, как гордый стяг, нестиранное бельё
В крови твоих праотцев времён революций роз.

Ты нужен своей любви,
 пока в тебе есть запал,
Пока ты – полночный взрыв, способный её накрыть.
Как нежно свербят внутри осколки желанных жал,
Которые выпускал, чтоб в ненависти любить.

Ты нужен своим богам,
 пока ты не встал с колен,
Пока у тебя в ушах шуршат муравьи молитв.
Почувствуй свободу там, где все отдаются в плен
И где заключают мир, друг друга сперва убив.

Ты нужен своей душе,
 пока она ищет мысль
И смысл, что наполнит жизнь и даже последний вздох.
Но ты не увидишь как Душа отлетает ввысь,
Пока её держат здесь Страна, и Любовь, и Бог.

HEMINGWAY И ЕГО ДРОБОВИК

– Хэм, займите свой мозг, вычисляя дробь!

А иначе ваш ум умирает, Хэм.

– Док, у вас в документах и хворь, и скорбь...

У меня же в уме лишь одно: Зачем?

– Хэм, примите, пожалуйста, порошок.

Я не рад радикально менять процесс...

– Док, вы верите в чёртов электрошок?

Вы наивней, чем Джоуль, Ампер и Герц.

Вы стираете памяти капитал.

Даже буквы не помню от процедур.

Видит Бог, я до гроба не забывал

Подлецов, мудрецов и наивных дур.

Ваша клиника не выбивает клин.

Ваши методы метят, увы, в висок.

Трижды сплюньте на мой мимолётный сплин.

Карантин навсегда отмените, Док.

Паранойя? Нелепо-смешно звучит:

Пара Ноя покинет навек ковчег.

Док, зачем вам пытаться меня лечить?

Хэм и Хам — это сдвоенный человек.

Для чего он засел глубоко внутри?

Как маньяк, что в меня без меня зашёл.

Мы идём на охоту на раз-два-три.

И у нас на двоих этот общий ствол.

Док, я знаю, вы завтра войдёте в дом,

Чтоб собрать мой разбросанный мозг в пакет.

Скорбный колокол, тот, что: «по ком, по ком...»

Вдруг заткнётся впервые за много лет.

Кончен праздник, который всегда Париж.

Я прощаю оружие, бомбы, нож.

Человека, я думаю, не победишь,
Даже если в себе ты его убьёшь.

P.S.

Видит Бог, я старался, мой Док, как мог.
Но старик утонул в море прочих книг.
Я-то думал убийственным будет слог.
А они моим именем – дробовик...

ОН ONE БОГ

Он – One Бог.
А мы все в его поле подсолнухи.
Он вам – Гог.
А кому-то, увы, пустота.

Мы небесных царей
Непослушные ушлые олухи.
Мы теряем детей
Просто так.
Просто так.
Просто та...

Он вам – Бах.
То ли выстрел, а то ли признание,
Чтоб от шёпота тихого
Хлынула кровь из ушей.

Это будет не три, и не два, и не раз –
Растрезание.

Будет чинная ночь
Перочинно коротких ножей.
Он вам – По.
По колени, по горло, по колокол.
Наколел свои тексты
Отчаянно страшным тату...
Ежедневно он жжёт
Всё, что нам кровородно и дорого,

В этом самом обыденном
И неприметном аду.

ДЬЯВОЛЬСКИ ХОРОШИЕ СТИХИ. ОТ АВТОРА

Всё чаще и чаще встречаю тебя в преисподней.
Ты в той же исподней, дырявой от пули рубашке?
Прости за иронию... Да... Жарковато, пожалуй, сегодня...
А черти смеются. Мы все для них клоуны, Саша.

Жена мне всё реже и реже кидает сюда переводы,
И крики «Люблю!» уже не принимает на веру.
И, дура, рожает стихи, осушив отходящие воды.
Обиделась, что я убил её в ревности к Шарлю Бодлеру.

Я – строчка за строчкой – теряю последние силы.
Вчера сдуру взял и закончил за Гоголя «Мёртвые души».
А он всё хандрил и стонал: – Это невоскресимо!...
Мои бы слова да прямёхонько Господу в уши...

Ты знаешь, мне жалко всех тех, для кого это только работа.
Пусть Фёдор Михалыч оформит на них опекунство.
А я, так и быть, напишу за него «Идиота»,
Иначе какой идиот сможет взяться за это занудство.

Ты думаешь мне не обидно вот так: литрабом в одиночке?
Вы сами могли только вексель, стишочки в альбомчик гусыне.
Но каждому выдумай стиль и особенный авторский почерк...
А ты только разик и вспомнил случайно о Сукином сыне.

Смотри, как "Онегина" девочка полузабвенно читает...
Сказать ей, кто автор? ...Не бойся, я, право, не выдам секрета.
... Там кто-то стучится?... и душу в заклад предлагает?
Пошли его к Богу! Мне дьявольски осточертело всё это!

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман-дневник в сонетах – "Тезей".

«Земную жизнь пройдя до середины»...

Данте

Фиалки деликатный аромат,
багульника тяжелое дыханье,
шиповника и роз пчелиный яд,
подснежника прозрачное молчанье,
лабазника с кипреем чехарда,
то синяя, то белая с подбоем, –
всё это наводненье и орда
над вечно торжествующим покоем,
над памятью, за памятью, внутри –
куда девать цветение полыни? –
ещё одно цветенье подари –
земную жизнь в последней половине...

посвист ветра над лощиной –
кружит снег над мертвой глиной,
небо все темней,
человек ли? – зверь ли? – ветка? –
на дорожку ляжет метка
следом от саней...

Все равно темно и голо,
повторяет ветер соло,
след почти исчез...
в каждой сказке есть темница –

то ли кошка, то ль девица, –
в каждой сказке – лес.

Только здесь он тонкий, хрупкий,
весь в пометках белой крупки, –
темный здесь хрусталь, –
разобьется на осколки,
с неба выпадут иголки,
и придет февраль.

Из Цикла «Ненужные Сонеты»

Какая нынче выдалась ирга! –
черно от ягод, точно мир налажен,
и мне все симпатичнее рога,
как антитеза выходов и скважин,
куда ни ткни – на все сантимы кость,
короткие, расклеванные хляби,
поерзай по закату, попогость,
и точно стая выползет из ряби,
оборотившись клином, косяком,
иною непогодой – черно-алой,
как будто вся ирга лежит виском,
как подражанье изморози талой.

..Но все еще на ветках – чехарда,
и близится падучая звезда.

Из цикла “Крит”

Я полюбил встречать рассвет,
смотреть на море,
пусть там, за бухтою – корвет,
и дети в ссоре, –
благословенной тишины
светла наука,
как будто снова влюблены,
и тенью звука
доносит ветер эхо с гор,
и эхо с моря,
и Спиналонга, как собор

в морском просторе,
хотя химерами полна
его аркада,
и синим брызги полотна,
зеленым – сада,
и свет лежит среди руин
и запустенья,
и в этот час уместен сплин,
но слышу пенье
и крики птиц, и всплеск волны,
рост камнеломки,
и дни гармонии полны,
такой негромкой.

Скажи-ка мне, мой друг пиита –
коль гол король – чем дышит свита? –
какие совершает па? –
коленца? – барыню? – вприсядку? –
что скорлупа? – ужели всмятку? –
ужель поэзия – глупа? –

Я тоже где-то слышал это... –
Зависла в воздухе монета,
и видишь некий ореол! –
вот так суждение людское
о старомодности покроя
пожалуй, меньшее из зол... –

Кривые зеркала страшнее –
по ним судить – давно на дне я,
и, чем небесней, тем темней –
не бесней – некуда прозрачней,
и снова в дымке пары фрачной,
как музыка – игра теней.
Не роль устала и не Йорик –
зарос травой пустынный дворик,
и зарастает ряской пруд –
все – отражение друг друга,

и не приходит ветер с юга,
и говорить - напрасный труд.

Давно ли я разыгрывал распас? –
Тот свет почти по Кипплингу погас
и удалился, с чадом и угаром,
с азартом и тузами по углам,
и, что не зафиксировал калам,
то кануло во тьму ненужным даром.

Так лучше – на дощечке, на листах, –
ни перстня, ни колечка на перстах, –
коль слог в который раз грешит востоком,
но все же вот откуда лейтмотив –
все, что имел, отдав и отпустив,
останешься не с яблоком и роком –

с самим собой – а что же раздавал? –
то азбуку, то музыку похвал –
она-то и срывалась на дизель,
бекары, как любая похвальба,
и вот что мне оставила судьба
анналами причудливой аскезы –

колесико, спиральку, колесцо,
как дар терять и обретать лицо,
не угадать судьбу, но я – не Янус,
и за спиной – ни крыльев, ни стены,
и ни обрыва – прожитые дни,
скорее драгоценность, чем стеклярус.

так грязь оседает при стирке в тазу,
и руки дряхлеют, белея,
что было вверху – оказалось внизу,
не там, где темнеет аллея,
но около выхода (входа) в Аид,
где то ли круги, то ли срезы,

и сердце то ноет, то просто болит,
и кровь, точно ржа на железо,
как алый, на все налипающий снег,
ложится на вещи заката,
зато до кости оттираемый век
слагается в песни Эрато –

так что остается от гибельных вех,
что видится бурей в стакане,
что – белкой, грызущей алмазный орех,
что – грязью в распахнутой ране? –

Что нам остается? – и я не скажу,
за лишний обол не отвечу,
но между земным и небесным кружу,
надеюсь на скорую встречу.

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурне.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе «45 Параллель», в журналах «Новая Немига

Литературная», «Крещатик», «Белый ворон», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Лёше Остудину – другу и поэту

От твоей зимы до нашего лета
Двадцать тысяч километров, не боле...
Вдохновение – присутствие света,
Онемение – отсутствие боли.

Все поэты поневоле пророки,
Хоть в Рязани ты родись, хоть в Казани,
Всё предсказано – и сроки, и строки,
И мы заложники своих предсказаний.

Слово липнет к воспалённому нёбу,
Снова засуха на юго-востоке,
Словно клювы, запрокинуты к небу
В ожидании дождя водостоки.

Раскалённый горизонт неподвижен,
Мир положен на прокрустово ложе,
Невозможно жить, но хочется выжить,
Чтобы выжить – нужно сбрасывать кожу.

Чтобы выжить. Но становится страшно
Стать еще одним седым эвкалиптом...

Оттого ли вся поэзия наша –
Это наша отходная молитва?!

Оттого ли по церквам, синагогам
Плачут ангелы, что нас привечали?
Все мы люди, все мы бродим под Богом,
Чтоб в конце пути уснуть на причале.

Наблюдать, как в дымке солоноватой
Обезличенное городом горе
Разбивается, как брызги заката,
О ступени, уходящие в море.

Декабрьское

Я опрокинул рукомойник.
От подоконника отринув,
Ко мне ворвался, как разбойник,
Розовощек и мандаринов,
Декабрь, –
Морозным снегом колким
Стирать хандры осенней морок,
И мчаться, задевая ёлки,
Кататься с горок.
И в удивлении снежной бабы,
Которую целуют в губы,
Увидеть тень надежды слабой,
Что скоро боль пойдёт на убыль.
К Сочельнику нам станет лучше,
Продлится день и дух воспрянет,
И каждый к Рождеству получит
Свой маленький медовый пряник.

Что помнится? Татуировка Че
В ложбинке между выдохом и вдохом,
Твой отпечаток на моем плече,
Похожий на цветок чертополоха.

Жизнь начинается на че-рдаке,
как отвлечённо
там пыль качается в луче
яичной скорлупой толчёной.

Так время заполняет храм
и медленно втекает в вечность...
И слышит Бога Авраам,
и покидает Междуречье.

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

Изяслав Винтерман – родился в Киеве, с 1992 года живет в Иерусалиме. Автор более десяти книг стихотворной и эссе, вышедших в Израиле, Украине, России. Активный участник сетевых литпроектов, начиная с 1999 года, таких как Тенета Ринет, АртЛито, Сетевая Словесность. Публикации в газетах, журналах, альманахах с 1987 года. Предлагаемая подборка – стихотворения из новой книжки: «Страсть Срастей», вышедшей в издательстве «Сибирский тракт» в 2018 году.

Я хрупок – поэтому мир мой хрупок.
Он вроде крепчает, а вроде и нет –
в углу сознания, где ветер в рупор
ругается и плюётся в ответ

холодной, кислой – на вкус мой точный –
железисто-магниевою водой;
немного ржавой и водосточной,
но с неба, и как ни крути – святой.

А я выражаю безумие сухо,
скорость падения, что велика,
не разбавляя ничем силу духа
и выживание на века.

На ресницах капли слёз тяжёлых,
и они срываются с ресниц,
вспыхивая, – свет усилен в голых
четырёх стенах, движеньях лиц:

все черты искажены и ломки
в приглушённом ходе темноты,

в запахе поплывшей киноплёнки,
склеенной во всех местах, где ты!

Всё закатают в снежный ком:
я снеговик, ты – баба
в три этажа. Глаза ледком,
сердечко бьётся слабо.

И башни города – из глаз,
из спин – мостов опоры.
И если мне не хватит ласк, –
а мне не хватит, спорим, –

ты станешь ниже на пролёт.
И из груди аллеей –
текут, как неготовый лёд
и света алетейя –

все музы в хороводе слёз,
бессонницей помяты.
Чего им только не спалось
под снег и запах мяты.

Слоями прожитых страстей
укладывая на бок –
ком нарастает всё быстрее,
ты – снеговик, я – баба.

Кто там с горочки катился,
ой, и, кажется, упал!
День в глазах его светился,
точно море среди пальм.
Кто лежит глазами к морю,
а не носом в тёплый снег,
и высматривает нору,
чтобы спрятаться от всех.

Этот город меня обманул,
в утешительный дождь обмакнул.
Он меня, как усталый металл,
ржой накрыл и водой измотал.

Я пишу, сам не знаю кому:
ей – случайной, любому – ему.
И письмом в этот город зову,
потому что и сам в нём живу.

Только любовь может меня спасти.
Небо – волной нас подымает над... –
тело с душой чтобы на миг свести,
и откатить назад;

Чтобы рассвета розовая вода
стыла в ладонях, будто огонь, легка...
Чтобы два сердца вместе взошли туда –
в небо, на облака.

...Если наутро выпадет боль росой.
Если мелодия лучше без слов, как свет, –
прямо в глаза – слепит, а по косой –
жжёт под тяжестью век.

Жизнь исчезает, тает быстро,
как снег, играя на лету
холодным светом серебристым, –
светло обманчиво в лесу.
Вот-вот закончатся дорожки,
подмигивать устанет снег,
и ни землянки, ни сторожки.
По мрамору скользящий свет
крутящего картинки ветра –
куда? – где лестница, где лаз?

...Не сыгран Гамлет, да и Вертер –
не мной, не мной и в этот раз...

Сочинял вне времени и вне места,
вне страны и вне языка.
Подключая сны свои вроде квеста,
чтобы вас не брала тоска.
Спите, милые, в спальнях или окопах,
время выбрало и меня
подсыпать вам в паузах и синкопах –
для негаснущего огня –
листья в красных прожилках слова,
снег искристый на тыщу строк
быстро тающих, он возродится снова –
всеобъемлющ, как белый бог.

Есть тысяча ответов на вопрос.
Вопрос не задан, что же остаётся:
подслушать листьев шёпот, шум волос
про дождь, что хочет лить, но не прольётся
на грешных, что горят в своём огне,
и от дождя сильнее разгорятся.
...И нет такой любви и сил во мне,
чтоб и любить, и не сопротивляться.

ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ

Родился и вырос в Ярославле, где жил до 1998 года. Начал играть на гитаре в 10 лет. Первую песню написал в 1988 году. Впервые вышел на сцену в 1989. Участник многих концертов и конкурсов авторской и военно-патриотической песни в России. В 1991-1995 - студент факультета филологии ЯГПУ. С 1998 г. жил в г. Веллингтоне

(Новая Зеландия). С 2007 живет в г. Мельбурне (Австралия).

За годы творчества создал около 170 стихов и песен. Произведения публиковались в альманахах «Крещатик», «Белый ворон», «Австралийская мозаика», «Витражи», «Воинская слава» и «Поэт года». Песни звучали в эфирах радио «Эхо Москвы» и радио «SBS» в Австралии. Несколько песен вошли в магнитоальбомы, выпущенные в Ярославле знаменитой «Солдатской студией» Валерия Петряева. Номинант премии «Поэт года», призёр сетевых литконкурсов (в т.ч. Грушинского 2014 года). В разные годы записано и издано на CD 4 авторских альбома.

Регулировщица

Сколько лет ты не видела дом,
Сколько бед на пути фронтовом
Под Калугой, Бобруйском, Орлом в слёзы вылила.
Что ты видела? Горе и страх,
Поезда в медсанбатных крестах,
Да ещё – как вилась береста над могилами,
И не брошь на груди – ордена,
И в смолистых кудрях седина
Замерцала до срока серебряной ниточкой,
А пехота глядит, не дыша,
И солдатская тает душа –
Ведь стоит на посту не сержант, а открыточка.

А девчоночке-красе, регулировщице,
Козыряют, проходя, патрули,
Мир на белых флагах в окнах полощется,
И в ногах щенком голодным – Берлин.

В тонких пальцах взлетают легко
Жёлто-красные крылья флажков,
Гимнастёрочка влад по фигурке подточена,
И идёт ей защитный берет,
И летит ей сирени букет –
Нынче много бесхозной её по обочинам.
Жаль, цветы эти – не для друзей,
Но нельзя, не положено ей
Здесь в сердцах разрыдаться по-бабьи, несдержанно,
И сияет украдкой слеза,
Да туманятся счастьем глаза
Посреди перекрёстка в столице поверженной.

В трёх шагах остывает рейхстаг,
И обломки кривого креста
Давит танковый трак, разухабисто лязгая.
Неужели же завтра – не в бой,
Неужели же завтра – домой!
Сколько лет это было несбыточной сказкою.
Пусть осколком дочерчена бровь,
Пусть оборвана пулей любовь,
Всё ж не зря сто дорожек сапожки отмеряли,
Раз к востоку, за взмахом руки
Подтянули колонны полки,
Пропуская вперёд тягачи с артиллерией.

Память наших дворов

Никогда не забыть наших старых дворов,
С тополями, поникшими в белой печали,
Тех дворов, где когда-то взрослеть начинали
С папирос и с дурмана дешёвых духов.

Открути киноплёнку на тридевять лет –
Неужели так много прожить мы успели
С той поры, как влюблялись, мечтали и пели
Эти песни, которым названия нет.

Замело пеленою забывчивых выюг
Ножки в сеточку, ломкие ветви сирени,

Чьи-то губы, что жгли листопадом осенним,
Безнадёжно потеряны в прозе разлук.

Хоть на миг бы планету мне остановить,
Чтобы вспять завертелись часы и минуты,
Чтоб таким, каким стал, постучаться к кому-то,
И креплёную память по рюмкам разлить.

Не вернуть, не вернуть, ах, как больно душе
Осознать нерушимость простых этих истин,
И целуются там, под сиреновой кистью
Те, кто нас никогда не запомнит уже.

Что же будет завтра?

Город, засыпая, тихо кутается в тёмный шёлк,
День, какой бы ни был, долго-коротко ли, но прошёл,
Наступает время не тревожимых никем дверей,
Мир янтарных окон, мир созвездий, фар и фонарей.

Мир, меня меняя, для меня меняет суть и цвет,
Что же будет дальше? – в сизых сумерках искать ответ
Выйду я, невидимый, не узнан и не различим,
Видимо-невидимо бессоннице найдя причин.

Заспанными улицами ехать мне не в первый раз,
Странными названиями их уже не режет глаз,
Еду я, не сетуя на суетность бывшего дня,
На непредсказуемость того, что где-то ждёт меня.

Дрёму навевают циферблатики литых колёс,
Но нет, не выводится никак из головы вопрос,
Думается, мается, но, вечен и неразрешим,
Перевоплощается в гармонии моей души.

Что же будет дальше? – не предвидеть и не угадать,
Значит, как и раньше, мне надеяться, любить и ждать,
Жить, наивно веря, что ответы притаились все
Там, в ещё не выхваченной светом темноте шоссе.

Сны

Мои сны невесомы, как лён,
Разметавшийся в пальцах ветров,
Как на мутных полотнах времён
Паутина замшелых веков,
Как печаль чьих-то выцветших глаз,
Как опальные блики свечей,
Как слова не расслышанных фраз,
Как часы непрожитых ночей.

Мои грёзы темны от теней
Чьих-то аспидно-угольных крыл,
От всевластия сумрачных дней,
От безвестности братских могил.
От злопамятных козней того,
Кто носил моё сердце с собой,
От слащавых речей чужаков,
Ловко прячущих нож за спиной.

Мои грёзы звенят, как ручьи,
Как колонны промокших кольчуг,
Как скрещённые в схватке мечи,
Как потиры, идущие вкруг,
Как пернатые гимны дубрав,
Как брусчатое эхо подков,
Как накрытое взрывом «ура»,
Как удушливый лязг кандалов.

Мои грёзы певуче-страшны,
Это – стрелы, нашедшие цель,
Это – каменный крик тишины,
Заточённой в старинном дворце.
Это – визг озверевшей чумы
В жарком свете больных факелов,
Это – вой разъярённой зимы,
Поглотившей безумство цветов.

Мои сны бесконечно легки,
Как полёт виолорогих богов,

Словно маятник близкой руки
Над изломом чужих берегов,
Как булатом раздвоенный шёлк,
Как пролитый луною туман,
Как сверкнувший огнём порошок,
Исцеляющий павших от ран.

Мои грёзы налиты свинцом,
Как шаги искалеченных птиц,
Как дыханье уставших гонцов,
Перешедших десятки границ,
Как тяжёлые веки рабов
В быстро тонущих чревах галер,
Как упругие плечи врагов
Во внезапно нагрянувшей мгле.

Эти сны мне не выбросить прочь,
Не заставить уйти за порог –
Будет вечно наполнена ночь
Перепутьями дальних дорог.
И пускай все дороги сполна
Не измерить за множество лет,
Каждой ночью мне снится одна,
Чью судьбу знает только рассвет.

МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН

Родился в Москве. Образование: ясли, детсад, школа, вуз. Волею судеб в 80-х оказался в Таллине, где и свил гнездо. В начале 90-х, не вставая с дивана, оказался в эмиграции. К развалу СССР отношения не имел. С ранних пор тщился рифмовать. Стихи публиковались в журналах «Радуга», «Поэзия», «Таллинн», «Русское эхо в Израиле», «Крещатик», «Северная Аврора», в «Литературной газете» и других коллективных захоронениях. Тешил тщеславие, примкнув к

списку лауреатов Национальной литературной премии «Большая книга» и премии «Народный Поэт». Автор книг «День Восьмой»(2000), «Эмигранты из Эдема» (в книге «Другие Возможности» 2004), «Последняя Метафизика» и «Новое тысячелетие» (2004-2019 - в интернете). Автор статей в научных и популярных изданиях.

Пчеле, некогда жужжавшей вокруг меня...

Упасть на грудь, уткнуться носом в клевер, в султаны трав,
расцветенных зарёй.

Наступит день, когда вздохтит север последние папахи над корой.
Кора земная пахнет сном и храмом. Жужжит пчела. Скромна её печаль.
Пчелиный бог не сотворил Адама, и потому есть заповедь – «не жаль!».

Не жаль, пчела! Покуда цело жало – оно того не стоит.

Проживи

свой век в любви – на этом покрывале никто не умирает от любви.

Пусть страшен тот, кто не боится страха, из страха убивающий –
страшней.

Страшись таких, их туловище – плаха и на твоей земле, и на моей.

Уже не жаль ни мёда, ни отчизны. Жужжи, пчела! Всё прочее мертво.

Нет ничего, что стоило бы жизни, когда она не стоит ничего.

Цирюльник скоро сострижёт гирлянды, затрёт наш мир с его листвой до дыр.

Ни ты, ни я – мы не узнаем правды: зачем мы миру и зачем нам мир.

Моей Пенелопе

Циклоп и циклон помешали,
моя дорогая!

Дорога моя (вдоль портовых подворий да пёсего лая),
по-прежнему ставит сюрпризы в своей путевой антрепризе,
но я доберусь, невзирая на лица... на визы.

Мне местный визирь, он у них отвечает за транспорт,
за малую мзду дал согласие выправить паспорт.

Осталось команду набрать да спроворить в заливе триеру.
Я верю в тебя, и другой мне не хочется веры.

Так много воды утекло с нашумевших троянских событий...

В Египте искал я наш дом, в Иудее, на Крите.

Вот странное дело,

где был он – не знаю,

но, где бы он ни был,

к нему одному облака устремлялись, и мысли, и рыбы.

Увядший вандал, повидавший развалины Рима,

девица, воровка из гетто, с глазами налима –

моложе меня на столетья, однако давно опочили,

а мне всё до дома никак не дойти – будто гири на киле.

Я скоро.

Клянусь!

Потерпи – подлатать нужно днище...

Ты ждёшь, значит, я всё ещё не бессмыслен. И чище,

светлее мой день, моё море, мой гром, моё небо, мой ветер.

Наш дом – это ты, и покуда ты ждёшь, я бессмертен.

Четвёртая Ездра

-1-

На рынке:

«быкам не дадут ни крошки -

это не рост, а отскок дохлой кошки...»,

«таки там появился какой-то Будда...»,

«таки что будет стоить мне ваше блюдо?...»,

«важно суметь дождаться момента,

с первого дня елула - территория низких цен...»,

«полсикля за весь улов...»

На Блумберге,
из новостной ленты:
«В жертву принесут двенадцать козлов –
по числу колен».

На рынке:
«опять возведут городские стены –
таки слухи, но камень подорожал...»,
«народ ждут перемены...»,
«это коррекция, а не обвал...»,
«понаехали! гнать их из Ханаана!...»,
«сказано, выплатят дивиденды...»,
«таки выживет снова отродье Хама!...»,

На Блумберге,
из новостной ленты:
«В двадцать третий день месяца адара
шестого года Дария
закончилось строительство Храма».

Кризис пошёл на убыль. Открылся фрактал.
Котировки потянулись на север.
Доходность доверья упала в цене.
Надежды - только ленивый не покупал,
и это было по мне.

Народ стал забывать о плене, как страшном сне,
об ассирийских наветах, о мраке враждебных планет.
Но это не время лечило. Не время, а эйфория.
Потом, когда без светила, словно безглавая выя,
весь в тучах исчез последний рассвет Иудеи,
уже через сотни бед, я прочитал на Блумберге,
медленно,
по слогам,
что древние-древние римляне вторично разрушили Храм.

Задумался. Трудно всю жизнь вспоминать.
Еду. В наушниках у соседа
вращается Леди Гага.

Под поступь трамвайного иноходца
малёк с игрушечным пистолетом
расспросами мучает мать.

- Мама, мы с бабушкой жили в Праге?
- Жили, сынуля.
- А почему на землю не падает солнце?
- Оно на небе варит конфеты.
- А, правда, что небо – улыбка Бога?
- Когда нет дождя.
- Мама, когда немеет нога – это под кожей колгота надета?
Мама, ты будешь всегда?
Мама,
а что значит «гетто»?..

-2-

Декабрь. Небо. Звёздная цинга.
Рвут календарь, как рвал одежды Ездра,
да бьются в двери падшие снега,
чтоб научились говорить подъезды.
Пустынно в них. Не жди и не зови.
Не место здесь иноплеменным жёнам,
плодам твоей языческой любви,
что ты забрал с собой из Вавилона.
Пустынно в них и гулко, как в метро
от чёрных дыр, и все они на плане
ведут в одно, последнее, депо
за циферблаты в зале ожидания.
Грызёт всухую холод сухари.
Мой храм – подъезд из тишины и смога.
Идут к нему левиты-фонари,
и мнится им, что освещают Бога.

-3-

Где-то строил, что-то сажал, кого-то растил – всего понемногу.
Пережил две эпохи. Ни с одной из них не научился шагать в ногу.
В первую – доверял всем, но не верил в какой-то Логос
с его устаревшим слогом. Во вторую – наоборот.
Раньше воспринимал глазами, ныне – лучше ушами.
Слышу, как время идёт.

Я слышу склянки – всему своё время. Моё - подходит к концу,
хотя ледок ещё тает да скатывается по лицу.

Плачу за любовь, за дружбу, за веру в свою страну, за то,
что сердце всё помнит, а мучается, потому
как прошлое неподвластно ни времени, ни уму.

Никак не устанет ветер среди людей полоть.

По счастью, жива ещё мама.

На площади «Итого»

чужие огни гуляют, сугробы играют в го.

Раскинулась панорама, но нет там, спаси, Господь! –

последнего, третьего, Храма,

ни нашего, ни моего.

Письмо другу. Поздний октябрь

Закончилась эра. Чувства вразброд слоняются на пепелище.

Идёт пять тысяч семьсот (от Сотворения Мира) семьдесят третий год.

Ну, здравствуй, дружище!

Что нового в нижнем эдеме? Жизнь по известной схеме – время линчует
время.

В пропитанном кознями коллизее, чтоб лес не рос до небес, всему есть
число

и мера. В столицах вымерли гулливеры. Надежда склоняет к измене веру
(попутал, должно быть, бес!). Гуигнмы рожают одних лилипутов.

Вместо слова «прекрасно» имеет хождение – «круто».

Интернет переполнен коричневым ором, реальность - серым молчаньем,
массмедиа – жёлтым декором. Из гроба повыползла плесень.

Воскресшие мухи Сартра. Выспались и со старта клянут инородцев
хором

от даты рожденья Адама (первого марта) до листопада, и далее, и опять –
по самое первое марта. На этом фоне чувствую себя жителем Вавилона.

Готов поклоняться Маме или любой другой языческой силе,

лишь бы не было ничего общего

с этим вот илом.

Готы, эмо, скины, вандалы – кто их раскраску теперь разберёт? –
по весу, в обмен на презренный металл, сдают погребальные урны.

Детишки на стенах рисуют руны (это бывало и раньше): икс, игрек и
дальше,
сам понимаешь, – не зет. Преобладает повсюду
математический менталитет.

Надеюсь всё же, что, как ни силён Атила, холод гуннов сведёт в могилу.
Потом, быть может, отстроимся вновь. Это я так. Про любовь. Скорее
всего,
по привычке, ведь смысл фотографии – в птичке, что некогда в миг
фотовспышки взметнулась...
чтоб помнилась юность.

Что нового в наших садах? Прах он и в Мекке – прах. Что мыслится – то
и есть. А, стало быть,
есть и тени у мыслей, как формы плоти со склонностью к
самосожжению. Куреньем мой слог пропах.
Из области сердцебиений ползу на коленях в прах. Осталось тоски – на
взмах.
Да женщины взгляд олений.

В пространстве, покрытом сажей и гибнущим первым мелом, безглазые
линзы глаз
слезятся, морщинится тело, ничто не рождает огня. По многим
отшелестела
осенняя простыня. Зеркало смотрит в меня. Как Каин. Как Авель.
Зеркало – философский камень, камень за пазухой, просто камень...
Аминь! Или как там у греков? –
Амен!

А ветер сегодня похож на елей. Он пахнет оливой, да только светлей от
снега, что тянется из-за гор,
где ты обитаешь, наш век и века, где, брови сдвигая, плывут облака, где
миг фотовспышки длинней,
чем века, и я не стою над разбитым корытом прошедшего, богом
нешадно забытым...
До встречи в твоих небесах, дружище, мой друг, старый друг...
Пока!

Постскриптум.

Во всём есть число и мера – ионы небытия. Течёт за водой вода, но
помню тебя всегда,
что странно на первый взгляд, ведь виделись мы с тобой
не меньше трёх войн назад.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернетжурналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды международного поэтического турнира в

Дюссельдорфе.

Высокие горки

Когда-то все было иначе, а ныне
Никто не расскажет, чего это стоило,
Укатанный Сивка живет на равнине.
У пыльной дороги нашел свое стойло.

Жизнь стала не лучше, а просто другая.
Устал быть полезным и прочая лажа.
Его не седлают и не запрягают.
Теперь уже нет ни ярма, ни поклажи.

Как флагом больничной размахивать справкой,
Стесняясь одышки, и лишнего веса.
А здесь на равнине лишь чахлая травка.
А там, где высОко, жуют эдельвейсы.

Он скажет кому-то, мол, мы так решили.
Мол, цели у нас и задачи иные.
Укатанный Сивка стремился к вершине.
Укатанный Сивка живет на равнине.

Давайте по-честному, я с этим справлюсь:
Больно, но это проходит с годами.
Я Вам не нравлюсь? Так я и себе не нравлюсь.
Видите, в чем-то мы с Вами ведь совпадаем.

А так, Вы, конечно, намного лучше.
Мне черствой корки, Вам булки сдобной.
Вам быть успешной, благополучной.
А мне чем дальше от Вас, тем удобней.

Склоки, неудачи, неполадки...
Дальше оглушительный провал.
Но сейчас, как будто, все в порядке.
Вечер. Детективный сериал.

Это преждевременная старость?
Я такой закат не выбирал.
Все, что мне теперь осталось.
Вечер. Детективный сериал.

Стансы

Из своего Египта улетал
С комфортом и с трехразовым питанием,
Я был, кем был, и здесь стал тем, кем стал.
И дело в генах, а не в воспитании.

Привычка сладко спать и вкусно есть,
Покуда этот маятник качается.
Уменье быть довольным тем, что есть, –
Я пробовал – пока не получится.

Кому-то позвонить, чтобы понять,
Когда ответит монотонным эхо,
Он занят и ему не до меня.
И мне до меня. И не до смеха.

Разрыв

Привязался, прилепился, присох.
Оторвали, но остался кусок.
Он остался не со мной – где-то там.
А где был он, пустота, пустота.
Каждый раз будто в последний любя,
Я всегда терял кусочек себя.

Оторвали, отлепился, остыл.
Слишком много пустоты, пустоты.

Эпилог

Не для забавы и не из протеста,
Мы сами не знаем, зачем все это.
Есть люди, создатели странных текстов,
Не про здоровье и не про диеты.

Умение в рифму шептать иль орать.
И все. И не ждите советов бесценных.
И если в стране было нечего жрать,
Писали о голоде – не о рецептах.

И бросив полтысячи дел неначатых,
Боюсь, в ожидании отзывов лестных,
Я множество текстов таких напечатал –
Бездарных, бессмысленных и бесполезных.

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

Родилась в городе Енисейске. Училась в Красноярском государственном университете на филологическом факультете, работала корреспондентом «Сегодняшней газеты». Позже окончила психологический факультет Красноярского педагогического университета. Стихи публиковались в альманахе «Енисей», журнале «День и ночь», газетах «Енисейская правда», «Красноярский рабочий», а также коллективных литературных сборниках. Живет и работает в Красноярске.

Ева

Ева молчит, собирает ему узелок:

Майка, кальсоны, правила битв без правил.

Ева становится больше, становится – бог.

Она предлагает Адаму покинуть пределы рая.

Она понимает: он не её Адам –

Где-то ошибка, сбой передачи данных –

Этот недобрый хмурый мужик в годах –

Демон, что притворялся её Адамом.

Откуда она? Из его ли она ребра?

Сколько их, рёбер, сидящих в его печёнках?

Демон ушёл. Ушёл постоянный страх.

Точка его невозврата – её отсчёта.

Ева в раю, есть и в раю весна.

Ева красивая, лёгкая и живая.

Ева спокойна. А первородный её гранат

Вызревает.

Адам

Это деревня. В деревне живёт народ.

Знает народ, к примеру, язык иврит.

Это Адам. Это его ребро.

Это Господь. Скучно ему. Творит.

В маленькой жизни Адама полно забот:
Есть, расплодиться, быть, превратиться в миф;
Но ведь всегда какой-нибудь идиот
Ташит домой кота чтобы его кормить.

Прячет под куртку, греет его, несёт,
Входит домой, входит в его режим,
И пусть человек коту говорит не всё,
Но человек ощущает себя большим.

Дома тепло, из крана течёт вода,
Ветхий завет на полке, Дюма и По.
И человек называет кота Адам.
И человек понимает, что он – Господь.

Фантазия до мажор

И вот стою я, такая, сбоку припёка -
Слева Лилит, справа её Набоков,
Где-то поодаль Пелевин, Толстой и Тополь,
И Башлачёв топаёт автостопом.
Цветков говорит: – это, ребята, дактиль.
Чехов. Ружьё. Выстрелит в третьем акте.
Гильзы уже разобраны на хэштэги;
Хайдеггер идёт домой, говорит Хайдеггер:
– Я, – говорит, – хороший, я свой, я русский.
Мифы известны, требуют деконструкций.

Гоголь, переворачиваясь под грунтом,
Иронизирует: – это совсем не трудно.
Следом за ним выступает из бездны ада
"Совершенно никакой не поэт" Эдуард Асадов,
За ним подымаются толпы его фанатов.
Бродский страдает, Бродский кричит: – не надо!

Я же стою, будучи в полном праве
Украсть, ведь они у меня украли
Ершалаим, корабли на подходе к Трое,
Як-истребитель, Атоса, ещё, другое:

Давида и Голиафа, Юдифь, Далилу,
И Таризела украли, и Автандила.
Буквы кириллицы все по одной украли
Низкие люди, действующие без правил;
Право распоряжаться святым Граалем,
Право не спать ночами – и то украли.

Моффат украл сюжеты для лучших фильмов,
Всё остальное присвоил поэт Дельфинов.

И вот стою я, такая, как дети в школу,
Как родилась на свет – абсолютно голой,
Глажу белье, в мыслях пишу по-русски.
Блузку сожгла. Дымится.
И хрен с ней, с блузкой.

Ты прости, о Господи, всё прости,
Помоги же, Господи, помоги
Неказистой девочке лет пяти
На домашнем празднике, и другим
Неказистым девочкам лет пяти,

Перепутавшим строчку в чужом стихе,
Раздавившим снежинку в своей руке,
Не умеющим даже за дело бить –
Помоги и дальше уметь любить.

Расскажи, что в это легко играть,
Объясни ещё – для чего уметь –
Расскажи, пока им ещё лет пять,
Расскажи, глазастый смешной медведь.
А однажды кто-то нальёт вино,
Не оставив в тот вечер её в живых.

Я ползу, как пар из трущоб и нор.
Я иду на вы.

Подымаясь травами психотравм,
Становлюсь изящней, сильней, острей,
И слова, шершавые как кора,
Защищают вас от любви моей.

А снежинка спит, притворившись льдом,
Просыпается утром и вновь летит,
И молчит, и ловит её в ладонь
Неказистая девочка лет пяти.

Голубое платье

А я хочу голубое платье,
И чтобы локон, как на картине,
Накрасить ногти и пахнуть латте,
И есть конфетку и пить мартини.

На нём воланы, пайетки, птицы,
Креветки, бабочки и бараны,
Оно до пола, оно струится,
И голубее, чем вся эстрада.

И свет далёких других галактик
Скрутился в точку, свернулся в пиксель;
Мечта об этом прекрасном платье
Как сыр катается в масле мыслей.

И без иллюзий, и без аллюзий,
И браво будут кричать, и хлопать,
И называть меня станут люди
Звездой по имени Антилопа.

О стену биться и застрелиться –
О, где же выход, ну есть же выход –
На нём бараны, пайетки, птицы.
Пойду к портнихе, пошьёт портниха.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

*Родилась в Риге, 23 года живу в Мельбурне.
Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.*

Это не старость, просто – желтеют листья,
Ветер ломает ветки, звенит стекло.
Время варить варенье, читать молитву,
И понимать друг друга без лишних слов.
Возраст. Сезон. Холодное время года.
Хлопают двери, чайник уже поет.
Время не откликаться на каждый голос
И на чужое имя, забыв свое.
А за окном менялись дома и страны,
Плакал орган, вздыхали колокола.
Поздно ли, рано – дорога выводит к храму,
Вот и тебя, наверное, привела.
В церкви тепло. Выходят певцы на клирос.
Ангельский хор! И, крестик зажав в горсти,
Думаешь – вот она, вера. Всегда на вырост,
Может быть
И получится
Дорасти.

Дождь

И накрыла вода дороги к исходу дня,
Города скользили и падали на причал,
Старый жрец вопил, что Боги – они хранят,
Захлебнулся на верхней ноте и замолчал.
А вода поднималась, пела... Зачем? Кому?
Пекарь слышал молитву, пахарь – как дышит хлеб.
Развлекался ветер, играя стеклом фрамуг,
Становилось небо всё ближе и тяжелей.

Повторяешь «амен». Медленно тает воск.
Расплавляется карта мира. Закрой глаза.
А вода всё выше. Промокла земля насквозь,
И летит корабль.
И не будет пути назад.

Облака

Откликнуться и снова замолчать,
Смотреть, как расцветает алыча,
Трепещут на ветру белье и листья.
А в горле – комом всех твоих обид –
Слова. Произнести или забыть?
Не помогли ни прозак, ни молитва.
Куда ни повернешься – всюду ты,
Рецептов пожелтевшая латынь,
Цветы (герань?), не крашен подоконник.
Помоешь пол, посуду, вытрешь пыль,
Родиться бы глухим или слепым,
И чтобы ощущения – незнакомы...
Что остается? Плакать до утра,
Потом смотреть в окно, перебирать
Конверты с пожелтевшими листьями,
И забывать привычные слова.
А в небесах – прозрачный караван
Весенних облаков... и тает. Тает.

ТАТЬЯНА ЖИЛИНСКАЯ

Поэт, актриса, бард, режиссер. Лауреат международной литературной премии им. Николая Гоголя "Триумф» за книгу поэзии «Странствующие гиперболы» и многих других литературных премий. Академик международной литературно-художественной Академии (Украина).

Публиковалась в журналах "Новая Немига литературная" (Минск), «Наши современник» (Москва), "Невский альманах" (Санкт-Петербург), "Молодая гвардия" (Москва),

"Литературный европеец" (Германия), «Витражи» (Австралия), «Подъем» (Воронеж), "Берега" и "Балтика" (Калининград), канадских журнале «Новый свет» и газете "Перекресток Виннипег". Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

НЕ ПО КАЛЕНДАРЮ...

Шанс

Я снова здесь.

Я слышу – я дышу...

На записной всё тот же бархат кожи.

Под ним построчно вновь свиваю жгут

Из слов, что на реальность не похожи.

Такая игровая киновязь:

Картинки, прочерки, былинки, были.

Когда-нибудь, однажды, не стыдись,

Они осядут на моей могиле.

Но не сейчас.

Сейчас – опять жива.

Опять ищу подтексты сна и места.

Не девочка, не ведьма, не жена,

Но чья-то заплутавшая невеста.

Возможно нота.

Глупости наив.

Без ритма, высоты и звукоряда.

С попытками страданий в перелив,

Чем славились беспутные наяды.
Текут слова неведомо куда,
Мне радостно – дышу.
Мои причуды
летят в словах:
Дороги, белый шум,
Планеты в ритмах брошенных этюдов.
Березы, камыши... косматый дождь...
Знак равенства: вчера, сегодня, завтра...
Оставь свои попытки – не тревожь,
Тот, с кем семь гроз назад делила завтрак.
Я снова здесь – в тропинках на рассвет,
В спокойных ожиданиях заката.
Тебя здесь, слава богу, больше нет.
А есть любисток, розмарин и мята.
И гибкий, как романтик, нотный стан.
В намеках, парафразах, силуэтах...
Я снова здесь.
Благодарю за шанс
Опять дышать о разном: том и этом...

Дивный день

Бабочка – вертлявая кокетка,
Дразнится: «...поймай меня, поймай...»
День кипит.
Готов компотик терпкий.
В рыжем океане спит комбайн.

Напахался.
У него сиеста –
Тоже надо, барабан устал.
Я толку по-бабьи в ступке песто.
Муж косится глазом на стакан...

Глаз его мудрён, блудлив, крамолен.
Так глядят на девку сквозь плетень.
Я сейчас не против алкоголя,
Но хотелось бы убраться в тень.

Драники и песто! Что за диво!
Итальянский шик и «родны смак».
Мы сегодня кушаем красиво –
Будут гости, песни и коньяк.

День хорош без всяких антимоний.
Всё в нём удалось и запеклось.
Ласково трепещут анемоны.
Стынет фаршированный лосось.

Падаю в цветастом сарафане,
Бабочка украсила плечо.
Шутит муж, и взгляд его туманен...
Значит – будет ночью горячо!

Размытый жест, застывший к февралю
В тоске небрежной,
Тебе сказал: «За все благодарю,
За грех и нежность».

За силу слов, что с ног сбивали вмиг
В часах песочных.
За то, что был опасным для любви
Порыв порочный...

За жизнь, как будто сданную внаём
Без прав на выкуп.
За шёпот «Ты – сокровище моё»
Дурнушке дикой.

Спасибо за февральский приворот
Рябины красной.
Ты думал: он судьбу перевернёт,
А он – напрасный.

Весна пришла не по календарю,
Грустила, пела...

Следила, с кем еще я натворю
В строке несмелой.

И осыпались снегом лепестки –
Резвился ветер.
Он постигал, возможно, смысл тоски
В размытом жесте.

В ритме изломанном «можно – нельзя»,
«Верить – не верить»,
Не сочетались судьба и стезя
В нужный критерий.

В нём на сегодня тоска – не тоска,
Вздых неприметен.
Хочется взглядом чуток приласкать,
Будто мы – дети.

Глянуть служанкой, подругой, сестрой,
Дерзко – пугливо.
Что там гадает цветок луговой
Прочим на диво?

Любишь – не любишь, гадай – не гадай.
Времени хватит
Строки оформить под утренний чай.
После – порвать их.

К сердцу – не к сердцу, прижмёшь или нет.
Вольно – не вольно.
Что там, ромашка, закат ли, рассвет?
Больно.

Будущий случай и прошлый в один присед
Быстро прореху стачали по срезам в шов.
Кто-то намеренно скажет тебе привет,
Кто-то меня ненамеренно обошёл...

Нынче проблемно. Попробуй теперь понять,
В чем отличились знакомые: друг и лгун?
Кто-то намеренно сможет тебя обнять,
Кто-то меня ненамеренно оттолкнул.

Далее сложно – опутала крепко сеть.
Мы исполняем заученный ритуал...
Кто-то намеренно станет тебя жалеть,
Кто-то меня ненамеренно испугал.

Будет что будет, умнее поступим впредь.
Жаль, что сегодня остались совсем без сил...
Кто-то намеренно жаждет тобой владеть,
Кто-то меня ненамеренно отпустил...

Боль помнишь, боль...
Но не помнишь себя от боли.
Может быть, пела,
быть может, плясала, что ли.
Письма читала, вязала вязанки лука...
Боль наступила – от боли ломило руки.
Длинные, колкие, бьются и бьют – ушиблись.
Были ведь ласковы, Баха играли, шили...
Знаешь, ведь помню, что руки тебя ласкали.
Стали, о, господи, больно... обрезки стали.
Болью жива. А ведь знаешь, умру без боли.
Видишь, в воде засыхает букет магнолий.
Нежный букет подарили за то, что пела.
Боль съела тело... Я помню, что было тело.
Стану слепа и увижу совсем незрячих.
Боль – поводырь, боль – подруга степных, горячих!
Стану глуха и услышу молитвы неба –
Так и узнаю, что в боли бывает нега.
В ней омертвею, рассыплюсь в угарном зное.
Знаешь, а в боли есть место на показное...
Там и пойму, что от боли на долго-долго
Развито чувство потери и чувство долга.

ВЛАДИМИР ЖУКОВ.

г. Санкт-Петербург, Россия.

Автор восьми поэтических сборников.

Первая поэтическая публикация состоялась в журнале «Аврора» в 1984 г.

Публиковался в журналах: «Костёр», «Нева» и других многочисленных альманахах.

Представлен на сервере «Заграница». На сайте Стихи.ру (Владимир Жуков8). Автор книги «ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ СПб»,

издательство ALTASPERA.

Я ЖИВУ

На планете Земля,
В Европейской части,
В Петербурге,
В мансарде дома большого
В бывшей Кирочной,
А при Советской власти
Именованной в улицу Щ-Салтыкова.

Каждым утром,
Вставая лениво с дивана,
Я люблюсь железом
Высохших крыш.
За окном простираются
Сказочно-странно
Народившийся свет
И надкрышная тишь.

Я гляжу на людей
Свысока поневоле:
Верхотура мансард
В социальном низу.
Как чиновник, я мал,
Как художник, я волен

И пишу,
Обнаружив земную красу.

Красота же бывает
Простой, неприметной.
Красота – не в красивых
Картинах Моне.
Красота,
Большей частью,
Скромна и бесцветна,
Или, может, так кажется только мне.

Вот из комнаты в комнату
Скачет ребёнок.
(Кое-что на земле я оставил уже).
Эта девочка милая –
Суший чертёнок –
Настоящая радость
Моей душе.

А в загруженной памяти
Чаще всплывают
Сумасшедшие призраки
Жизни былой.
Они снова реальны
И вновь ужасают,
Будто гром разражается
Над головой.

Как года человечьи
Всё ж быстротечны.
Растянулся состав
Стольких прожитых лет.
Я когда-то мечтал
Жить счастливо и вечно,
И ещё я мечтал
Про величия след.

Но оставим мечты...
Глупость свойственна юным
Вместе с розовым дымом
В глазах молодых.

Я жалею лишь тех,
Кто был в юности умным,
А в мужалых годах
Не носил бороды.

Новый будничный день
Тихо высветит крыши
И тотчас снизойдёт
К тротуарной пыли.
А потом человек,
Пробуждаясь, услышит
Шумы, гулы и звуки
Великой Земли.

ОСОБЕННОСТИ ПИТЕРСКОЙ ВЕСНЫ

Запах корюшки в апреле -
Праздник питерской весны.
Первомайской канителью
Все дела освящены.

Скоро Пасху, день Победы
Будем праздновать и чтить!
А сегодня вот к обеду
Надо корюшки купить.

И стоит народ дотошно
У киосков близ метро,
Где реально взвесить можно
Наше рыбе серебро.

А когда неспешно к водке
Вдруг родится тост большой,
На журчащей сковородке
Рыбка станет золотой.

Запах корюшки в апреле -
Праздник питерской весны.
Первомайской канителью
Все дела освящены.

* * *

Крикну я что есть мочи:
«В этой светлой поре
Меня,
Белые Ночи,
Растворите скорей.

Чтоб не чувствовать
Тела,
Чтобы зренье и слух
Выносил за пределы
Замирающий дух».

Нежно-Белые ночи,
Вы – как взлёт голубей.
В эти странные Ночи
Не уснуть, хоть убей.

От бессонницы – просто
Онемелость плечей.
И измятая *простынь*
Цвета Белых Ночей.

Пролечу над красивой
Величавой рекой:
Подо мной
Молчаливый,
Возбуждённый покой.

Ах, как светел мой город!
Снизошёл...
Снизошло:
И черёмухи холод,
И сирени тепло.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

БИБЛИЯ. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ. ВТОРОЗАКОНИЕ, гл. 5.

Гора горела. Огонь и дым
Касался облаков:

«ДА НЕ БУДЕТ ДРУГИХ БОГОВ
У ТЕБЯ ПРЕД ЛИЦЕМ МОИМ».

И громогласно продолжал:
«НЕ СОТВОРИ КУМИРА...»
Синай внимал. Синай предстал
Особым местом мира.

Пусть будут взвешены слова
И с чувствами согласны.
«ТЫ ИМЯ БОГА НЕ ВЗЫВАЙ
И ВСУЕ, И НАПРАСНО».

И в этой жизни, смерд простой,
Трудись всегда и много.
«ШЕСТЬ ДНЕЙ РАБОТАЙ... А СЕДЬМОЙ
ОТДАЙ ВСЕЦЕЛО БОГУ».

Сложна судьба или проста –
Не стоит разбирать.
Будь благодарен: «ПОЧИТАЙ
СВОИХ ОТЦА И МАТЬ».

А в страшных кризисах вражды
Житейской, где права
И чувства смешиваешь ты –
Смотри: «НЕ УБИВАЙ».

Семья – основа бытия.
К любви упрямо шествуй.
Но если создана семья,
То - «НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ».

Соблазнов тьма, они везде,
Но сдержанность блюди.
Всё достигай в борьбе, в труде,
И только: «НЕ КРАДИ».

Гражданский долг, правдивость, честь –
Как нравственности буй.
В сопровожденье грома весть:
«НЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВУЙ».

И зависть станет незнакома,
Коль «НЕ ЖЕЛАЕШЬ НИЧЕГО,
ЧТО У СОСЕДА ТВОЕГО:
НИ ПОЛЯ, НИ ЖЕНЫ, НИ ДОМА...»

ФАИНА ЗИЛЬП

Родилась в Украине Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии с 1997 года. После окончания университета стала социальным работником. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии. Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии" - 2014, "Арфа Давида" - 2014 и 2015, а также "Эмигрантская лира - 2015". Без поэзии и рисования жизни не представляю.

Разучились мы ставить на кон
Жизнь свою, нам – с чужой интересно.
Время гонит из нас самогон,
И мы бродим по жизни нетрезво;

Гонит прочь... Но, душа, не старей!
Время гончей собакой лакает
Лужи света вокруг фонарей
И от бега пока отдыхает.

Час ночной. Расправляет душа-
Невидимка морщины на коже,
Погружается в стих неспеша,
Словно в Стикс, тела сон не тревожа;

Гладит нежно покровы свои,
При погоне примятые как-то.
При погоне лоснятся слои,
Словно звёздочки у лейтенанта,

И блестит остывающий пот,
Холодит неподвижное тело,
Чтоб приснились поля мёртвых вод
И душа, что над телом летела.

8 августа 2014 г.

Она его любила так взаимно,
И свадьба с ним казалась столь близка,
Что было только ей одной не видно,
Что он другую в жёны отыскал.

Он клялся ей в ответ, но вдруг признался –
И рухнули мечты былые все.
...А сон, как наказание, повторялся.
Проснулась от него, но, как во сне,

Бежала сквозь туман – для обретенья
Того, кто был ей дан уже давно.
Что было жизнью всей, то стало тенью –
Так в укус выдыхается вино.

Погибла дочь ужасно и неожиданно...
"Ему лишь одному я и нужна!"
...Ретт Батлер уложил все чемоданы.
А Скарлетт всё бежала, всё бежа...
16 марта 2015 г.

Возвращаюсь в настоящее,
Будто бывший грешник – в храм.
Кофе горький и бодрящий –
Как наркотик по утрам.

Из задворок сна дремучего
Прихожу в себя опять:
К настоящему приучена,
Чтоб на грёзы не пенять.

Не пронять им. Снится Винница
Реже... Тотчас сон прерву –
Даже если мне привидится
Город детства наяву.
12 марта 2014 г.

Марине Цветаевой

I

...В депрессию уйдя,
Держалась – лишь наружно,
Почувствовав себя
Давно уже ненужной –

И сыну, чья любовь
На бунте злом споткнулась.
В себя вся вера вновь,
Как в детстве, пошатнулась:

II

"Орлёнка" перевод
Увлёк. Но вдруг соперник
Был найден – целый свод
У Щепкиной-Куперник.

"Тогда – зачем мне жить?" –
Вопрос максималиста.
Решает Парки нить? –
Из слёз вернее призма!

III

В театре пистолет
Не выстрелил? Едва ли...
...Войны восстал скелет,
И дочь, и мужа "взяли".

Пора и довести
Попытку до финала –
И сына тем спасти:
Помогут, так и знала.

IV

Затянут узел вмиг,
Петлёю был наброшен

Когда-то – в мире книг,
Вслед помыслам хорошим,

Возвышенным... Но жизнь
Утратила значение,
На страсти опершись –
До самоотречения.

12 ноября 2012 г.

Осень ли это? Под сенью раскидистых пальм
Я наблюдаю великое пиршество лиственных,
Их раздевание на спор. Похабник и враль,
Ветер их вновь уверяет, что правил нет истинных.

Осень ли это? Весенние волны тепла.
Клён облетел и краснеет в траве зеленеющей:
Стыдно ему без листвы (год – и жизнь протекла –
О воскрешенье в природе его речи нет ещё).

Осень в Австралии. Взгляд из окна не даёт
Тотчас узнать время года: весь вид – одинаковый.
В двориках только – царит европейский денёк
Бабьего лета: задорно цветастый и лаковый –

Гладко на солнце блестит, как шкатулки узор
Палехской – весело глянуть, сам просится в руки он!
Ширится между рассудком и зреньем зазор...
Ветер пройдёт по спинам проулков шпицрутенном.

19 апреля 2016 г.

To Sophie

Поглажу – посмотрит с укором:
"Ты будишь – зачем? Не тай".
...София ночами дозором
Обходит владенья свои.
Глядит, хорошо ли нам спится
Во тьме, словно моря на дне.

Луна, как усталая птица,
На дереве дремлет – в окне;

Уселась на ветке. А кошка
На стуле, как шапка, лежит.
Звезда, будто мелкая сошка,
Вдали, в бездне неба, дрожит.

Всё связано тайно друг с другом,
Но – просто: доступность лубка.
Вращается шар – круг за кругом –
Луны шерстяного клубка.

А кошка потянет за нитку –
И жёлтый уменьшится шар...
От ночи густого напитка
К утру поднимается пар.

С 13-го на 14-е января 2017 г.
4.40 ночи.

СВЕТЛАНА ИЛЛАРИОНОВА

Родилась и живёт в Якутске. Кандидат геолого-минералогических наук. Изучает кимберлиты и преподаёт в Северо-Восточном федеральном университете.

НАТАШИНА КАША

В голове у Наташи – каша.

Свекровь, муж, сынишки,
кот, наглеющий слишком
во время приёма пищи, –
мало ему, всё "мяу"!

Так ещё и вот эта,
ничего не понимающая в личном,
старший научный сотрудник
(за глаза "педантичкой" кличут),
докторскую она, видите ли, пишет!

– Наташа, что-то суммы не бьются.

Будьте добры, переснимите эталоны. –
"педантичка" Вера Ивановна хочет выпить чаю,
берёт чашку, рассматривает внимательно,
припоминая, при каких купила обстоятельствах.

– Эталоны... талоны... представляете,
даже лампочек без них не продавали,
ни бюстгальтеров с трусами,
и очереди за книгами и мебелью – месяцами.

Простите, милая, что загружаю.

Понимаю, времена сейчас другие.

Хотя некоторые до сих пор живут в коммуналках.

– Времена всегда одинаковые... – думает Наташа,
но становится себя на чуточку меньше жалко.
И где-то глубоко в душе начинает верить,
что пока есть такие,
с приветами от науки Вер Ивановны,
её, Наташу, переведут на первую категорию.
Наташа подождёт, она не гордая.
Три года честно ждала выполнения обещания
кого-то там из правительства
про увеличение зарплаты вдвое.
И простила этого кого-то
к четвёртому Новому году,
бранным словом не кроя,
только вздохнула:
– Детишек-то – трое, до ипотеки ли.

– А знаете, Вер Ивановна, зима будет долгой.
Хотите, я свяжу вам варежки
из тёплой пряжи?
Ну а пока – поехали!
Сейчас мы им покажем,
выведем ваши суммочки на чистую воду,
как миленьких, каждую!

Улыбаясь глазами,
Вер Ивановна смотрит на Наташу поверх чашки:
ничего, девочка, горшочек справится с кашей.
Ведь варит, варит же!

ТАНЮХИНО СЧАСТЬЕ

Весна долгожданна и всё равно внезапна.
Обнаруживается, что семена не куплены,
сорт не выбран.

Пятиточечно ощущается каждая выбоина,
а дорогу на дачу не укатают и завтра.

Досужи кумушки: у Танюхи не все дома!
Какие грядки? В округе полно палаток.
Не семеро же ютятся по лавкам...

Не знают, – у мужа признали саркому.

А Танюха из года в год по тряской дороге –
навстречу петрушке, перцу, капусте, цукини.
Купить в магазине, конечно, недорого.
Но своё-то лучше, хоть отдохнуть от химии.

[За глаза химиотерапии хватит,
а пока – витамины жёлто-зелёного цвета.]

Вечерами она вслушивается в прогнозы,
ловит прищуром в ладони закатный мячик,
гонит дурные мысли: летите с ветром,
и надеется – ещё не слишком поздно.

Какая весна по счёту? Уже шестая.
Рассада рвётся сбежать из уюта балкона.
Муж, обнимая, шепчет: "Ты для меня – святая!"
Она улыбается.
Счастье – это когда все дома.

СОЛЕНОСНОЕ

Луна в созвездии Рака –
время солить огурцы.
Хотя бы немного прохладного воздуха!
Но солнце, зная, что лето короткое,
не внемлет призывам засольщицы:
с утра нагревает балкон,

назойливо смотрит в окно,
оставляя на полу горячие полосы.

Банки наполняются будущим –
вкусом и ароматом
различных специй,
прикрытые крышками
томятся ожиданием.
На телеэкране –
кадры любимого фильма,
прошитые рекламой и новостями.

Огурцы безжалостно лишаются
ненужных частей.
Жизнь всегда что-то отсекает.
Вычёркивает, стирает, вырывает
из памяти, сердца и снов.
Она – опытный солевар.

Середина июля –
тривиальные домашние хлопоты.
Тихий, словно собственный,
голос с экрана:
"Как долго я тебя искала..."

На губах засольщицы
горький привкус соли
и: "Мне – только сорок..."

РАСКАДРОВЩИЦА

она не настаивала на узах брака
не просилась в европу встречаясь с паратовым
заочно любила лошадей и древний город краков
по субботам разгребала авгиеву конюшню

продолжала мечтать о парнасе
пару раз в год пересматривала ассу
коллекционировала фотографии наса

вдохновенно ненавидела певицу нюшу
не потому что та гораздо моложе
просто органически не переваривала
тексты пустопорожние
задаваясь неодошевлённым вопросом
падежа предложного
недоумевала
за что эти песни любит паратов

переписывалась с приятельницей по интернету
ругались за политику
каждая уходила на свою сторону света
вовремя останавливались
зарывали топор и скелеты
осуждали зачинщиков терактов

приятельница рисовала в письмах голубей мира
а она вырезала их и развешивала по квартире
в душный день помянула дедушку казимира
перечитала ковчег шиндлера помолилась

после наблюдая из окна за болидами
пустила на руки кота поделилась с ним радостями-обидами
рассказала о стихах что напишутся обязательно
о новом жизненном обстоятельстве
которое пока удачно прячется ото всех в животе под платьем
что назовут они его марией или давидом
а как поступить с паратовым – там будет видно

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Родился и жил в г. Таганроге Ростовской обл. Работал в Таганрогском радиотехническом университете зав. кафедрой, профессором кафедры высшей математики. Первое стихотворение опубликовано более чем полвека назад в университетской многотиражке; в 1998 г. вышел сборник «Нить любви», который переиздавался несколько раз. Живет, в Мельбурне, Австралия

ОБЕЩАНИЕ

Дай мне Бог написать о забытом апреле,
О душе, что познала блаженство и ад,
О волнующей нежности белой сирени,
О печали в ночной звездопад...
Я тогда расскажу о неведомых чувствах,
О руках твоих чутких, отводящих беду,
Об осенних березах, задумчиво грустных,
О танцующих бликах на черном пруду...
И еще напишу – о туманных рассветах,
Об огне, озаряющем древний очаг,
О друзьях дорогих и о песнях неспетых,
О знакомом платке на покатых плечах,
О далеких иллюзиях, ныне развенчанных,
О бессонных ночах в доказательствах истин простых,
О мужчинах, умеющих лгать даже женщинам,
О безжалостном слове – «прости»,
О желанных губах, обжигающих сердце,
О Любви – откровеньи, надежде, судьбе,
О костре, приглашающем в стужу согреться, –
Расскажу о Тебе, о Тебе, о Тебе...

ВЕРНОСТЬ

Посвящается Ф. Г. Лорке

Я тебя жду, как теплая пашня веками
ждёт зерна золотого венца,

Я тебя жду, как весной быстрокрылую мать
ждёт в гнезде желторотый птенец,
Я тебя жду, как дочь со свиданья ночного
дома ждёт терпеливый отец,
Я тебя жду, как часами невесту чужую
под дождем ждёт влюбленный юнец...
Я тебя жду, как годами старик одинокий
ждёт мучений своих неизбежный конец...

ДОЖДЬ КОНЧИЛСЯ

Мокрая прядка прилипла к щеке,
Нежная прелесть улыбки,
Белый букетик трепещет в руке,
Так неожиданно гибкой.
Солнце явилось навстречу тебе,
Птицы навстречу запели.
Словно богиня идет по судьбе,
Вся в ореоле капли.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Посвящается моей маме

У меня отняли мишку,
Я реву – как пароход!
«Перестань, ведь ты – мальчишка!
Ляг, поспи – и всё пройдет!»

«Мама, девушка бросает...
Жизнь – пустая... В сердце – лёд...»
«Ничего, сынок, бывает...
Ляг, поспи – и всё пройдет...»

«На работе – нету мочи!
Идиотов – целый взвод!»
«Видишь, милый, дело к ночи...
Ляг, поспи – и всё пройдет.»

«Буду, мама, разводиться.
Сил уж нет! Который год!»

«Перестань... родной... сердиться...
Ляг, поспи – и всё пройдет...»

Да, давно уж мамы нету....
Внука бабушка ведёт...
Он вопит – на всю планету!
«Ляг, поспи ... и всё пройдет...»

Мельбурн 2018

ОСЕННИЙ РОМАНС

Две строки в голове я носил,
Забывал – и опять вспоминал,
Повторял, когда не было сил,
Когда очень уж тосковал.
Две строки выручали меня
В тишине, среди шумного люда,
И в осеннем сиянии дня,
И в минуты рассветного чуда.
Две строки...
Их нельзя говорить,
Ну, а я проболтался случайно,
И теперь чье-то сердце горит,
Чьи-то губы все шепчут печально
Две строки...

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Родился в 1968 году в городе Херсон – украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 12-ти книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др.

Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» - за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др. Стихи Александра Кabanова переведены на: украинский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, грузинский и др. языки. Александр Кabanов - главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей украинского слэма.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Окраина империи моей,
приходит время выбирать царей,
и каждый новый царь – не лучше и не хуже.
Подешевеет воск, подорожает драп,
оттает в телевизоре сатрап,
такой, как ты – внутри,
такой, как я – снаружи.

Когда он говорит: на свете счастье есть,
он начинает это счастье – есть,
а дальше – многоточие хлопушек...
Ты за окном салют не выключай,
и память, словно краснодарский чай,
и тишина – варенье из лягушек.

По ком молчит рождественский звонарь?
России был и будет нужен царь,
который эту лавочку прикроет.

И ожидает тех, кто не умрёт:
пивной сарай, маршрутный звездолёт,
завод кирпичный имени «Pink Floyd».

Подраненное яблоко-ранет.
Кто возразит, что счастья в мире нет
и остановит женщину на склоне?
Хотел бы написать: на склоне лет,
но, это холм, но это – снег и свет,
и это Бог ворочается в лоне.

* * *

2010 год, январь, потерянность вокзала,
чему, блаженный идиот, ты улыбаешься устало?
Снег, перемешанный с золой и пахнувший копченой воблой,
вот человек – внезапно злой, вот человек – внезапно добрый,

разрушив собственный дурдом, он выбрался из-под завала,
еще не знающий о том, что жизнь его поцеловала –
в свирепой нежности своей, как примиряющая сила,
он думал, что простился с ней, а жизнь его не отпустила.

* * *

Этот гоблинский, туберкулезный
свет меняя – на звук:
фиолетовый, сладкий, бесслезный –
будто ялтинский лук.

В телеящике, в телемогиле,
на других берегах:
пушкин с гоголем Крым захватили,
а шевченко – в бегах.

И подземная сотня вторая
не покинет кают,
и в тюрьме, возле Бахчисарая –
макароны дают.

Звук, двоясь – проникает подкожно:
чернослив-курага,
хорошо, что меня невозможно
отличить от врага.

* * *

Андрею Макаревичу

Комиссары нюхали кокаин,
отвыкая от солонины,
больше в мире не было украин,
потому, что кончились украинны.

День мерцал фонариком на корме,
отплывая в залив Бискайя,
я тогда сидел третий год в тюрьме –
на поруки бороду отпускаю.

Говорят, что завтра придет весна,
и, опухнувшая от пьяни, –
на майдан подтянется матросня,
а за ней – приползут крестьяне.

Затекая в рифму – прольется кровь,
и туда ей теперь дорога,
что такое, братец, твоя любовь –
это зрада и перемога.

Треугольный народ соберут в кружок
бородай, парубий, ефремов:
желтоватый, гибельный порошок –
раздавая из пыльных шлемов.

БЭТМЕН САГАЙДАЧНЫЙ

«Новый Lucky Strike» – поселок дачный, слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный, оседлав роскошный байк.
Он предвестник кризиса и прочих апокалиптических забав,
но, у парня – самобытный почерк, запорожский нрав.

Презирует премии, медали, сёрбаёт вискарь,
он развозит Сальвадора Даля матерный словарь.

В зимнем небе теплятся огарки, снег из-под земли,
знают парня звери-олигархи, птицы-куркули.
Чтоб не трогал банки и бордели, не сажал в тюрьму –
самых лучших девственниц-моделей жертвуют ему.
Даже украинцу-самураю трудно без невест.
Что он с ними делает? Не знаю. Любит или ест.

ПОБЕГ В БРЮГГЕ

Я назначу высокую цену – ликвидировать небытие,
и железные когти надену, чтоб взобраться на небо твоё,
покачнется звезда с похмельюги, а вокруг – опустевший кандей:
мы сбежим на свидание в Брюгге - в город киллеров и лебедей.

Там приезжих не ловят на слове, как форель на мускатный орех,
помнишь, Колина Фаррелла брови – вот такие там брови у всех,
и уставший от старости житель, навсегда отошедший от дел –
перед сном протирает глушитель и в оптический смотрит прицел:

это в каменных стойлах каналы – маслянистую пленку жуют,
здесь убийцы-профессионалы не работают – просто живут,
это плачет над куколкой вуду – безымянный стрелок из Читы,
жаль, что лебеди гадят повсюду, от избытка своей красоты,

вот – неоновый свет убывает, мы похожи на пару минут:
говорят, что любовь – убывает, я недавно проверил – не врут,
а когда мы вернемся из Брюгге, навсегда, в приднепровскую сыть,
я куплю тебе платье и брюки, будешь платье и брюки носить.

* * *

Крыша этого дома – пуленепробиваемая солома,
а над ней – голубая глина и розовая земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты грома,
и тебя встречают люди из горного хрусталя.

Дребезжат, касаясь друг друга, прозрачные лица,
каждой гранью сияют отполированные тела,
старшую женщину зовут Бедная Линза,
потому что всё преувеличивает и сжигает дотла.

Достаешь из своих запасов бутылку “Токая”,
и когда они широко открывают рты –
водишь пальцем по их губам, извлекая
звуки нечеловеческой чистоты.

* * *

Бегут в Европу черные ходоки,
плывут в Европу черные ходоки,
а их встречают белые мудаки –
свиных колбасок мерзкие едоки.

Вокзал вонзят неоновые клыки –
и потекут из яремной вены:
вода, одежда, памперсы, сухпайки,
цветы и средства для гигиены.

У белых женщин бедра, как верстаки,
у белых женщин слабые мужики,
но всё исправят черные ходоки,
спасут Европу черные ходоки.

В Берлине снег, внизу продается скотч,
сосед за стенкой меня не слышит:
зачем он пьет по-черному третью ночь,
а может быть, он набело что-то пишет.

К примеру: «...больше нет ничего,
остался дом и дряхлое, злое тело,
и только смерть ползет змеей, для того,
чтоб жизнь моя над высоким огнем летела...»

* * *

Я начинался с музыкою вровень
и счастлив был, а значит, был виновен

в просчетах бытия,
что вместо счастья, из всего улова,
досталось вам обветренное слово,
а счастлив только я.

Как будто соль, сквозь дырочку в пакете,
я просыпаюсь третий век подряд,
меня выводят на прогулку дети,
коленки их горят.

И если счастье – зло, и виновато
во всех грехах, в священной, блядь, войне:
любое наказание и расплата
лишь за добро – вдвойне.

Зачем же эта музыка в придачу
бессмысленно высвечивает тьму?
О чем она? И почему я плачу?
Я знаю почему.

ИРИНА КАРПИНОС

Родилась и живет в Киеве. Окончила Литературный институт в Москве. Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Член Союза театральных деятелей и Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат международных литературных премий. Пишет на русском языке. Автор четырёх книг прозы и четырёх поэтических сборников.

Публиковалась в литературно-художественных журналах и альманахах: «Радуга», «Слово/Word», «Сталкер», «Юрьев день», «Соты», «45-я параллель», «Свой вариант», «Эмигрантская лира», «ЛитЭра» и др. Печатается в журналах и альманахах с публицистическими и культурологическими эссе, выступает с музыкально-поэтическими концертами. В 2016 году вышла книга стихотворений «Перевёрнутый мир», посвященная нынешнему трагическому разлому времени, войне и миру. Книга удостоена премии им. Максимилиана Кириенко-Волошина (премия учреждена Национальным Союзом писателей Украины) - за лучшую поэтическую книгу 2016 года, изданную в Украине на русском языке.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ

В Серебряном веке, коротком и ярком,
поэты любили в Венецию ездить
и с чашечкой кофе сидеть на Сан Марко
и в небе полуночном трогать созвездья.

Венеция рядом с времён Сансовино:
крылатые львы и певцы-гондольеры.
Поэты пируют, поэты пьют вина,
поэтов ещё не ведут на галеры.

И Блоку покуда не снятся двенадцать,
и пуля не скоро убьёт Гумилёва.
Поэты ещё не отвыкли смеяться
и верят в могущество вещего слова.

Не пахнет войной голубая лагуна,
собор византийский с квадригой прекрасен,
ещё не задернули занавес гунны
и хмель венецийский ещё не опасен.

И можно до слёз любоваться Джорджоне
и долго бродить по Палаццо Дукале,
стихи посвящать беглым ветреным жёнам,
катать их в гондолах, купать в Гранд-Канале...

Поэты в Венеции пьют на пьядетте,
война мировая вдали, как цунами.
Запомните лица их в огненном цвете!
Всё кончится с ними. Всё кончено с нами.

НОЧЬ

Ночь морозная, грузная, грозная,
полусны пограничные розданы,
догорают окурок в ночи,
заговаривай боль, не молчи...

Предают, привирают предания,
до свиданья, двойник, до свидания,
нет уже ни воды, ни вина,
я на ведьмином спуске одна...

На краю, на ветру, на ристалище,
в ритуальном прокуренном залище
херувимы хреново поют
про любовь, про последний приют...

Гарь такая, что рвется дыхание
от убийственного полыхания,
никого не обнять, не спасти,
лишь зола золотая в горсти...

Не ищи меня в римах, лютетциях
и в оврагах да прагах, венециях —

я уже далеко от земли,
огонёк дотлевет вдали...

Дряхлый мир, на крови обустроенный,
обветшавший до дыр, грубо скроенный;
беспробудно ваятель был пьян,
налепив, как блины, поселян...

Мы теряем, теряем, теряемся –
и уходим и не возвращаемся...
Равнодушно глядит Он с высот
на погромный программный исход...

ЛУНА И ГРОШ

Мы родились в двадцатом веке,
совки, поэточеловеки,
и пьём, не чокаясь, до дна
за участь, что на всех – одна...

Эпоха нас не закалила,
кровь ближних не опохмелила,
стоим на ледяном ветру
у края в чёрную дыру...

Повремени ещё, мгновенье,
покуда догорят поленья
всех наших помыслов и слов,
летучих золотых ослов...

Куда нас молодость водила,
каким залётным был водила!
Кто ляжет рядом – тот хорош,
вся наша жизнь – луна и грош...

Свеча горела, до упаду
плясали мы свою ламбаду
и гибли в долбаном бою
за рифму – родину свою...

В конце времён мы дали слово,
что сочиним многоголовый
молитвоблуд – наш пропуск в рай.
Пётр, кого хочешь, выбирай...

НА КРАЮ

Сирота – вот и найдено слово,
сирота среди мира пустого,
позади – разноцветный обман,
впереди – только чёрный туман...

На краю провороненной жизни,
в эпицентре бродячей отчизны
сердце реже и глуше стучит,
дней, часов не осталось почти...

Я тебя никогда не забуду...
и никто не увидит оттуда,
как моя погорелая жизнь
на промерзшей дороге лежит...

И не встать, и не выразить боли
в бесприютной сиротской юдоли,
не нащупать у пропасти дна...
пей до дна... жизнь одна... смерть одна...

Я– невидимый призрак, когда-то
сочинявший плохие баллады
о безмерной бессмертной любви
на ветру... на краю... на крови...

Я неслась по болотистым кочкам,
чья-то жёнка, любовница, дочка,
и летела сквозь небо звезда
в никогда, никому, никуда...

Последнее пристанище – стихи:
приют, надежда, гибель, воскресенье,

отмоленные, наконец, грехи
и чьё-то безымянное спасенье...

Я – каторжник, я – полупроводник,
такая вот сизифова работа:
услышать звон и записать в дневник
потерянные разумом частоты...

В такую ночь ты с Богом визави
и тет-а-тет передаешь молитвы –
и храмы вырастают на крови,
и перемирие дольше длится в битвах...

И можно, наконец, уже уснуть
и видеть сны, по-гамлетовски, в лицах,
и все долги, и всю вину вернуть,
и вовремя с ушедшими проститься...

Почто живу и что такое жизнь,
кого люблю, когда уж нет любимых?
Какие на рассвете миражи
неузнанные проплывают мимо?

Мне снится мама в ледяном гробу...
Нет, это я – и сон всё длится, длится...
Кому повею свою тоску-журбу?
Я просыпаюсь... иней на ресницах...

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Наталья Крофтс родилась в 1976 году на Украине, в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Публикации в журналах «Нева», «Новый журнал», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Юность», и других. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Австралии.

ВЕДЬМА

«Ты не ведьма ли? – шептал
в омут ноченьки. –
Рысья, бесья красота,
с червоточинкой.
То ль змеёй в моих руках,
то ли призраком,
птицей дикой в облаках,
раскапризною,
то не тронешься с колен
перед папертью...
Улетаешь на метле?
Ну и скатертью!»

Мне бы взвыть да лечь костями,
мне б вымаливать:
«Приюти меня, прими –
явь ли, марево,
отогрей да пожалей –
жить под тучами
среди скитальцев-журавлей
я измучилась».
Да не клонится глава
и не молится;

хоть права, хоть не права –
за околицу,
да в закатный неуют
апельсиновый...
Что ж мне в сердце не забьют
кол осиновый?

* * *

Любимая, нальём ещё вина.
Уходит август. Светлая волна
ребячится, гарцует, веселится,
как юная шальная кобылица,
и ласково за этой кутерьмой
следит Везувий, древний и немой.

Ты слышишь?
Нынче псы так мерзко воют –
надрывно, зло. Плывёт над мостовую
их лютый плач – и тонет в бодром гаме
весёлых улиц. Бледный, как пергамент,
идёт гуляка. Вкусно пахнет рыбой,
лепёшками, луканской колбасой.
Поёт юнец, беспечный и босой.
Стоит легионер суровой глыбой.
Кричит седой торговец. Кот бежит.
О, боги, как люблю я эту жизнь
и этот город, пёстрый и счастливый,
на склоне у лазурного залива...

Родная, до чего же хорошо:
так ветрено, так солнечно. Так жутко,
что всё пройдёт. Как зёрнышки кунжута
сметёт нас время, смелет в порошок.

Другие здесь, в тени, у колоннады
когда-нибудь...

Любимая, не надо!
Не плачь, родная, что ты?! Это сны.
Мы счастливы, здоровы, влюблены,
в начале доброй, светлой эпопеи,
нам годы жить – не дни или часы...

...О боги! Как зловеще воют псы.
Как будто к скорой гибели Помпеи.

«НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ» или «О ГЕНАХ»

Знать – судьба. Не уйти.
Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо.
И беда понесётся вразнос.
Волокут.
Кровь на белом снегу.
Крики ужаса.
Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас –
от лихого, шального смутьяна.
Что-то тихо? Вставай!
Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал,
что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!

И уютно живя
возле ласковых вод океана,
в жилах чую метель,
да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Раж. Топоры.
Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. –
Нам бы крови да слёз».

* * *

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки*
Ю. Левитанский

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Троию.
За потомков моих – тех, что Троию когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас... Как цыплёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Вдохнуть, прожить, запомнить – этот лес,
и нежность губ, и запах трав на склоне,
дождинку на виске, и гнев небес.
Идёт гроза с мечом наперевес –
и спрячутся две мышки в буреломе.

Там, за рекою, в храмах образа
потрескались от нестерпимой боли.
У ликов брови сдвинуты соболями
и сполохи кровавые в глазах.
Мне страшно этим летом – как зимой
в кромешной чаще, где так жутки тени
когда-то сочных, радостных растений...
В жару – мороз по коже. По прямой
ко мне рванётся хищник – мой же страх
с горячей белой пеной на губах.

Сожми меня. Ты слышишь – тишина.
Её последний выдох – на изломе.
Сожми меня. Всё ближе пелена
озлобленности. Тьмы. Идёт война.
И мы с тобой – две мышки в буреломе.

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов –
одинокчество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою,
окрылённую тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,

только совы от солнца застытятся,
только молится вьюга вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.

Обезвращенный.

Обезвреженный.

И почти уже
не земной.

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН (Санкт-Петербург, Россия)

Закончил Ленинградский финансово-экономический институт. Работал на государство, занимался бизнесом. В 1998 году стал радиоведущим. Работает руководителем информационной службы Санкт-Петербургской радиостанции "Град Петров". Первое стихотворение написал в 2007 году. Лауреат Кубка мира по русской поэзии, Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, финалист поэтического конкурса им. Н.А. Гумилёва "Заблудившийся трамвай". Стихи

опубликованы в журналах "День и ночь", "Ното legends", "Белый ворон", в интернет-изданиях "45-я параллель", "Литература", "Русский переплёт" и других. Книги стихов "13 сапфиров и разноцветные черендыбы" (Санкт-Петербург, "Своё издательство, 2014), "Человек со стулом" (Екатеринбург, издательство "Евдокия", 2016).

Живёт в Санкт-Петербурге.

Над Вычегдой

Весь день перепела летят на юг,
Слышны над Беломорьем крики птичьи.
Вдруг захотел полакомиться дичью
Дневной хозяин комиссар Сердюк.
Перепела над Вычегдой летят.
Вдоль берега расставлены тенёга.
На пойменном лугу садится кто-то
И в дудку бьёт четыре дня подряд.
В лесной избе темно горит свеча.
Из пьяных трав зырянин варит зелье.
В деревне, изнывая от безделья,
Сидит Сердюк под бюстом Ильича.
Откуда-то доносятся слова:
"Беги, беги, Меланья". Ночь у входа.
В холодных реках беспокойны воды.
У плёсов зацветает сон-трава.
Звезды не видно в небе ни одной.
"Беги, беги, Меланья", – кто-то шепчет.

Румяна, пудра, кольца, римский жемчуг,
Цветные ленты, гребень костяной.
"Не дергай клювом, крастель. Не боись",—
В сетях премудрых перепел застрянет,
Напоит сон-травой его зырянин
И выпустит, и взмоет птица ввысь.
Ещё дневной хозяин за столом,
И крастель возвышается на блюде.
По комнатам ещё толпятся люди,
Пришедшие сопеть и бить челом.
Над крастелем Сердюк заносит нож.
Хозяин ночи корчится в камланы.
Его огонь на солнце не похож.
В ночную тьму беги, беги, Меланья.

Хэй, Быко!

Как странно, я вижу тебя в этом мерзком пейзаже.
Хэй, Быко!
По мрачной и чахлой пустыне куда ты бредёшь, горемыко?
Ты ездил по Минску, я помню прекрасно, в своём экипаже,
И даже
Менял иногда за неделю двенадцать голландских рубашек,
И пил шоколад из фарфоровых маленьких чашек.
Теперь ты стремишься дойти, добрести до арыка.
Хэй, Быко!
И шепчешь: «За что наказал ты меня, Всемогуций Владыко?»

Ты, будучи в Мюнхене, даже общался с Кандинским,
Твой дом был, наверное, самым изысканным в Минске,
И дома
Любил собирать ты друзей и хороших знакомых,
Весь Минск обсуждал временами твои вечеринки.

Теперь ты бредёшь, отгоняя хвостом насекомых,
И в почве иссушенной жалкие ищешь травинки.
Растаяла в прошлом прозрачная речка Немига,
Закончилась прежняя жизнь твоя, будто захлопнулась книга.
На клумбе петунии, на грядке в саду земляника.

Хэй, Быко!

Исчезла в тумане супруга твоя Вероника...

Закончилась жизнь твоя прежняя, да, но она всё равно не забыта,
Ты еле бредёшь, но стучат о засохшую землю копыта.

И вот ты мычишь, и трясётся земля от истошного дикого крика.

Хэй, Быко!

Хэй, Быко!

Хэй, Быко!

Манна

Осколок зеркала накрыт газетой "Правда"

В соседней комнате. А я пока жива.

И штукатурка продолжает падать,

Как падала и год назад, и два.

Здесь очень тихо. С неба сыплет манна,

Как снег. Она бела и чуть горька.

Не сразу, по кусочку, беспрестанно,

За часом час слетает с потолка.

В остывшем доме манна вместо хлеба.

Зима. Закрыты шторы. Я одна.

Мне дрожь унять, к тебе прижаться мне бы.

На зеркале газета. Тишина.

Пунцовый филин

Ночная дача. Тялево. Мясковский.

Приёмник Селга. Летняя гроза.

Далёких революций отголоски.

Симфонии совиные глаза.

Резвятся Са іга и Карманьола,

Стекает в Сену кровь мадам Вето.

Секунда тишины, и скрипка соло

Тихонько плачет: "Pour quoi? За что?"

Ван Херк, пунцовый филин, над Брабантом

Кружит, кружит четвертый век подряд.

Звучат виолончель и барабан там –

Они о чём-то страшном говорят.

Кипит Нева, широкая, как Схелде,

И вряд ли повторится всё, как встарь.

Хабалов плачет в трубку – не сумел-де,
"Всё рушится. Измена, Государь".
О, город мой – оцветье амаранта.
Солдаты, бабы, флаги, карнавал.
Великий князь выходит с красным бантом.
"Неужто мы погибли, генерал?"
Сменяет Карманьолу Dies irae.
Пунцовый филин завершает круг.
А трубы громче. Скоро в этом мире
Всё заглушит тяжелый трубный звук.
Под песню Хорста Весселя в Берлине
Проводят физкультурники парад.
Там Гитлер принимает Муссолини.
А впереди Дюнкерк и Сталинград.
Горят покрышки. Города в руинах.
Вздыхает тихо ми-бемоль минор.
Неслышно входят БУКи в Украину.
Всё кончено. Звучит финальный хор:
"Что мы видели?"

Диву дивную,
Диву дивную
Телу мёртвую.
Как душа-то с телом
Расставалася,
Расставалася
Да прощалася.
Как тебе-то, душа,
На суд Божий идить,
А тебе-то, тело,
Во сыру мать землю".

Космическое недоразумение

And I think my spaceship knows which way to go
Tell my wife I love her very much
She knows

Дэвид Боуи "Space Oddity"

Центр полётов давно опустел,
инженеры ушли, кто куда сумел,

в основном, защищать помидоры
от налётчиков и мародёров.

В каждом городе и в каждом селе война,
и не помнит никто майора Фомина.
Он среди неизвестных небесных тел,
там, куда с детства попасть хотел,
где доселе бывать не пришлось никому,
где кометы хвостом задевают корму,
где Вселенная бесконечно странна,
где природа вокруг абсолютно черна,
и который год тишина
в наушниках майора Фомина.

А в городе Энске его жена,
как обычно, ночью без сна.
Ни картошки на кухне, ни чулок, ни пальто.
Для чёрной Вселенной она – никто,
никому не видна, никому не нужна,
курит, стоит на балконе одна,
а внизу под ней большая страна,
забывшая майора Фомина.

АЛЕКСАНДР КУЛИКОВ

Поэт, журналист. Родился в 1958 году во Владивостоке. Окончил Дальневосточный государственный университет (факультет русской филологии). Автор поэтических книг - "Путешествующий клен" (в сборнике "Баркас", 1988), "Регтайм" (1996), "Соловей-ключ" (2016), "Двенадцать звуков разной высоты" (2018). Стихи

публиковались в журналах "Юность", "Октябрь", "Памир" (переводы стихов Народного поэта Таджикистана Рахмата Назри), "Дальний Восток", "Сихотэ-Алинь", "Крещатик", "Семь искусств", альманахах "Литературный Владивосток" и "Рубеж". Лауреат Чемпионата Балтии по русской поэзии 2015 года, обладатель литературной премии имени Владимира Таблера, обладатель творческой премии им. Петра Комарова за лучшие литературные произведения, опубликованные в журнале "Дальний Восток".

Танго-сюита имени Бориса Поплавского

1. Черная свадьба

Дождь прошел, и зеленые кроны,
как мохито со льдом, засверкали.
В этих кронах орала вороны,
будто черную свадьбу справляли.
В черных фраках, муаровых лентах
кавалеры, нет, кавалергарды:
крылья грузные – как эполеты,
клювы грозные – будто кокарды.
С белоснежным лицом юной гейши
и червями источенным телом,
улыбаясь улыбкой милейшей,
Смерть-невеста меж ними сидела.
И с улыбкою светлую тоже,
в твид двубортный и галстук одетый,
на атласном супружеском ложе
ждал жених ласки черной Одетты.

И слетела она не дурнушкой –
полногрудой японской голубкой.
И присела к нему на подушку,
распахнув черный хвост, будто юбку.
Музыканты играли Шопена.
Лабух плакал на черном кларнете.
Облаков белоснежная пена
оседала, и бегали дети.
Это было вчера на Стромынке,
у Бахрушинской, в самом начале.
Моцареллою свежей простынки
на поникших веревках рыдали.
И орали вороны, орали
что-то из миннезингерских арий
и, слетая на землю, клевали
тело голубя на тротуаре.

2. Падший ангел

Падший ангел сидит на скамейке весеннего парка.
За щекой карамель, а в глазах ледяная тоска.
Падший ангел снимает свой твидовый плащ – ему жарко,
плащ свой твидовый цвета морского с прибоем песка.
И тогда на груди открывается страшная рана –
роза красная, *rosa candida* убитой любви.
И тогда извлекается жалкой рукой из кармана
бумазейный платок, весь в слезах и невинной крови.
Дворник с бляхою шаркает черной метлой по дорожкам,
подметает окурки раздумий, надежд и тревог.
Карапуз на коленях у няни, как будто на дрожках,
засыпает и видит, что он – это Бог.
Он стоит на вершине, вокруг него райские кущи,
где красивые птицы поют на семи языках.
Падший ангел подходит к нему, говоря: «Вездесущий,
ты прости меня, я так устал быть изгоем в веках».
И светлеет у ангела лик его темный с прыщами.
И прощает его тот, у чьих он склоняется ног,
и прощает его, и прощает его, и прощает,
и прощает его, ибо каждый прощающий – Бог.

И бегут они, мальчик и ангел, касаясь руками,
по лугам изумрудным, Элизиум смехом будя,
и резвятся они, и болтают друг с другом стихами –
падший ангел и ставшее Богом дитя.

И лежат облака перед ними, как в море атоллы,
облака грозовые, и где-то в Сантьяго дожди,
под навесом на сцене звучит «Либертанго» Пьяцоллы –
махаон перламутровый так и взлетел бы с груди.

Он взлетел бы! Но жизнь – это все-таки скучная проза.

Просыпается мальчик у няни, задумчив и тих.

На дорожке платок, на скамейке увядшая роза.

В небе серые голуби. Белого нет среди них.

3. Прощание с Мореллой

В этот час, когда веранды ресторанов
заполняются вечернею толпой,
и, как лебеди, кричат катамараны,
и о скалы разбивается прибой,
а на небе карлик солнце, багровея,
воспалается, как Полифема глаз,
отразивший алый мак в руке Морфея,
в этот поздний для прогулок, крайний час
ты идешь по пляжу босиком, Морелла,
беззаботное и смуглое дитя,
ветерок как будто лепит твое тело,
мягко складками хитона шелестя.
И смолкают даже циники в буфете,
провожая взглядом твой наивный стан.
О Морелла, говорят, на белом свете
есть немало удивительнейших стран.
Вон стоит высокий лайнер у причала,
белоснежный, будто чайка на волне.
Он в Австралию отправится сначала
и, в конце концов, окажется на дне.
Осьминоги, каракатицы и скаты
станут жителями палуб и кают,
каулерпою покрытые канаты
задевая, как лианы, там и тут.

И над мачтой, где огонь святого Эльма
обещал спасенье и удачу впрок,
остановится, светясь, тараща бельма,
рыба-призрак, золотой опистопрот.
Глазом сложным разглядит он в донном иле
руку милую, хватавшую консоль.
О Морелла! Это лучше, чем в могиле,
как забытая на почте бандероль...

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого».

В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы « В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также

включает в себя тексты песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

Живу с невыполненным долгом
Пред теми, кто ушел, любя.
И понимаю, что без толку
Корить и не прощать себя.

Бегут года, стирая память,
И в суете проходят дни,
Но жизнь сама, шурша счетами,
Не устает меня винить.

И с ней нельзя договориться!
Любви и нежности запас
Я отдала другим сторицей.
А память мстит и мстит за Вас.

Что такое сказка наяву?
Это в небе россыпь изумрудов,
В свете фар, подобно волшебству,
Вдруг олень возникнет ниоткуда.

«Лисьи огоньки» прорежут мглу –
Древняя легенда, быль иль небыль:

То, что лисы трутся о скалу,
Ну, а искры улетают в небо.

А дорога мчит на Мончегорск,
Холод, гололед, и тонны снега,
И кругом, на сотню с лишним верст,
Не найти пристанища, ночлега.

Грусть, тоску легко отгонят прочь
Лапами заснеженными ели...
Заполярная, пленительная ночь
Шестьдесят девятой параллели.

Простить обиды, грубый тон,
В порыве сказанное слово,
Ведь он заранее прощен,
И это все совсем не ново.

Не высказать претензий вслух,
И не подать, не дай Бог, виду.
Ты остаешься нем и глух,
Не накопив в душе обиды.

Тебе досталась эта роль,
Он твой ребенок, пусть подросший.
Переживаешь его боль,
Победы вместе с ним итожишь.

Все так же ночи напролет
Не спишь, и ждешь, когда вернется,
И веришь в то, что подрастёт,
И, наконец, за ум возьмется.

Вот он подрос, и ты вздохнешь:
Заботы все остались в прошлом –
И точно знаешь – это ложь,
Ребенок должен быть доношен.

Саму себя за плечи обнимать,
Самой себе слагать стихи и песни,
Саму себя любить и уважать,
И хвост держать трубою, хоть ты тресни!

Самой себе варить смешной обед,
И есть его самой, верней, давиться.
Саму себя спасти от разных бед,
Самой себе рассказывать, что снится.

Саму себя поутру поднимать,
И собираться быстро на работу.
Перед уходом зеркалу опять
Счастливо улыбаться, беззаботно.

А возвращаясь вновь в холодный дом,
Стараться убедить себя и близких,
Что лучше жить одной, а не вдвоем,
С талантом незаслуженной артистки.

Ложиться спать в холодную постель,
И, засыпая думать о хорошем,
О том, что будет выход сквозь тоннель,
В другую жизнь, и счастье будет тоже.

А моя ностальгия другая –
Она прочно вошла в мои сны:
Снег скрипит под ногами, не тая,
Небо звездное, серпик луны,

Покосившихся домиков трубы,
Вьется легкий дымок слободой,
От мороза потрескались губы,
Снег искрится, почти голубой.

В доме бабушки пахнет печеньем,
Печка топится, в рюшах кровать,

Чай вечерний с вишневым вареньем,
И перина, с которой не встать.

Поутру, отодвинув гардину,
Подышав на узоры стекла,
Наблюдать, как соседка корзину
На базар за углом понесла.

После, валенки на босу ногу,
И платок пуховой, и тулуп,
За дровами в сарай, понемногу
Заносить уголь, щепки и луб.

А когда разгорится на славу,
В чугунок бросив мясо, грибы,
Лук, картошку, какие-то травы,
Насыщать ароматы избы.

И, взобравшись на стол-подоконник,
Увлеченно читать что-нибудь...
Мое детство, простой быт, исконный...
Ни забыть, ни понять, ни вернуть.

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА.

Поэт, прозаик, литературный критик. Родилась в Башикириш. Детство прошло в Западной Сибири. Юность – в Краснодарском крае и Ростове-на-Дону. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького и получила кинодраматургическое образование во ВГИКе. Автор трёх книг стихов – «Белые крылья» (Пермь, 2000 г.), «Вид из окна» (Архангельск, 2008 г.), «Первое небо» (Томск: ИД «СК-С», 2015), и книги прозы для детей «Журавлиное солнышко» (Москва, «ВАКО», 2016). Стихи, статьи и переводы публиковались в российской и

зарубежной периодике: «Новый берег», «Дружба народов», «Prosodia», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «Этажи» и др. Участник студии перевода «Шкереберть», журнала «Дружба народов». В настоящее время живёт в г. Одинцово, Московская область.

поезд идет к мосту рельсы под ним дрожат
слышимый за версту сквозь комариный звон
ветер среди опор будто в тисках зажат
долгий летящий свет
в речке отображен

поезд пройдёт взойдут сумерки здешних древ
в небо раскроет зонт сонный болиголов
там где районный центр к ночи ложится в дрейф
и ничего не ждёт
кроме прилива снов

спи засыпай теперь детство моей мечты
я напою тебе песню из первых рук
будут во снах твоих тихо гудеть мосты
под отдаленный ритм
сердца тук-тук тук-тук

рельсы рельсы шпалы шпалы
дикий запад депп и норрис
я теперь товарный поезд
одинокий и усталый
мне угля уже не надо
вся забита под завязку
но пыхчу придумав сказку
через юту и неваду
потому что очень лестно
быть таинственной и сильной
чтоб играть под вечер с сыном
в дикий запад в лютый вестерн

чуть светится за стенами ангара небесная межа
я самолет воссозданный по старым кустарным чертежам

что вопреки длиннющей дефектовке сомнительной красе
из темноты выкатываясь к бровке стремится к полосе

такому даже ветер не союзник живется напролом
я самодельный летний кукурузник с расчалочным крылом

не дрейфь механик бурю не накликай мой высчитав предел
такие не летают но смотри-ка поднялся полетел

однажды случится тот самый вечер
написанный на роду
ты мне улыбнешься и я отвечу
и взгляда не отведу
пройдет лет десять в делах и планах
вот новый десяток взят
в привычных ссорах никто не ангел
в раздорах никто не свят
ты будешь первым в своих сомненьях
научишься укрощать

ты станешь молча искать прощенья
а я научусь прощать
и нам останется тьму сорочью
в стаканах мешать с вином
и будешь ты возвращаться ночью
а я мечтать об ином
и вот однажды подует ветер
в особенно темный год
другое счастье тебе ответит
и взгляда не отведет
когда же судьба обрывая звенья
раскрутит свою прашу
ни ты не станешь искать прощенья
ни я тебя не прошу

весна а. п. чехова

вешнему утру – небо на вырост
сырость гуляет над изголовьем
окна откроешь – выдох прерывист
облачко пара
с розовой кровью
видишь – за городом бродит изгоем
март и река раскурочила льдины
так утекает с первой водою
жизнь – до эпохи
пенициллина
слышишь как стонет черная лодка
брюхом дощатым вмерзшая в берег
кровь на рубашке – снова чахотка
будет ли выбор –
юг или север
скоро с водою ветер заспорит
время очнется все перемелет
нынешним летом – в ялту бы к морю
а не в немецкую глушь
баденвейлер
окна откроешь – дымка над лесом
рваное эхо хриплого вздоха
так расстаются автор и пьеса

облачко пара
палочка коха

с каждым годом с каждым веком на исходе лет
верит сердце человека в то что смерти нет

потому прошу мой милый – вот к такому дню –
не клади меня в могилу не отдай огню

положи покуда сердца не коснулся тлен
в саркофаг люминесцентный в синий криоген

пусть нетронутая тленьем – умерших мертвей –
пролежу я не под сенью солнечных ветвей

пролетят во тьме столетья и какой-то маг
так же верящий в бессмертье вскроет саркофаг

я проснусь услышу ветер обнаружу свет
и скажу конечно смерти не было и нет.

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Родился в Ленинграде в семье военно-морского инженера. 10 лет преподавал русскую словесность в школе. Автор более тридцати книг стихотворений и филологической прозы. Лауреат Государственной премии РФ и многих других литературных премий и наград. Главный редактор «Библиотеки поэта» (с 1992) и «Новой библиотеки поэта» (с 1995). Живет и работает в Петербурге.

Вчера я шел по зале освещенной...

А. Фет

«Вчера я шел по зале освещённой...»

Все спят давно, полночная пора,
А он идет один, неугомонный,
Не в позапрошлом веке, а вчера!

И нет меж ним и нами расстоянья.
И всё, что с той поры произошло,
Отменено, ушло за край сознания,
Все испытанья, горести и зло.

Одна любовь на свете остается,
Она одна переживет и нас,
В углах таится, в стенах отдается,
В дверях тайком оглянется не раз.

И вещи – вздор. Какие вещи в зале,
Кто помнит их? Не вазы, не ковры.
Где ноты те, что были на рояле?
Одной любовью движутся миры.

Всех звезд, всех солнц, всей жизни горячее,
Сильнее смерти, выше божества,

Прочнее царств, мудрее книгочея –
Ее, в слезах, безумные слова.

День проступает, еще слаб,
Из тьмы, светя издалека мне,
Как микеланджеловский раб –
Из неотесанного камня.
И мне уже видны сквозь тьму
Черты его на грубом ложе.
И я, конечно, рад ему,
Но и побаиваюсь тоже.

Будущее – это то, с чем дело
Мы имеем в старости, оно
С юности манило нас, блестело
И страшило, было суждено,
Если доживем, и удручало
Неизбежным перечнем потерь,
Не хотел бы всё начать сначала
И войти еще раз в ту же дверь.

Я дожил до будущего, понял,
Получил, осмыслил, осознал,
Постою тихонько на балконе,
Словно я покинул кинозал:
Фильм прекрасен, страшен и чудесен,
А финал, как всякий эпилог,
Как всегда, не очень интересен,
Даже если автор фильма – Бог.

Глухонемые в дачной электричке
Шли по проходу, мелкие вещички,
Поделки расставляя здесь и там, –
Вдруг кошечки их, зайчики и птички
Понравятся – и купят этот хлам?

Стеклянный, оловянный, деревянный,
Пластмассовый, дешевый, нежеланный,
Кому такое нужно барахло?
Ни в комнате держать его, ни в ванной
Не станете: стекло и есть стекло.

А даже если б мраморное было
Там что-нибудь, кого бы умилила
Артельная такая красота?
Но ты купила слоника, купила.
Вот лучшая, клянусь, в тебе черта!

Как мы жили недавно без интернета?
Так и жили, поскольку о нем не знали,
И, ей-богу, устраивало нас это,
Никакого сомнения и печали.

А Шекспир обходился без телефона,
Без железной дороги и самолета.
А без «Гамлета» нам бы определенно
Не хватало чего-то всю жизнь, чего-то.

Мы б не знали, чего. Мы б смотрели грустно,
Иногда говорили бы мы друг другу:
«Может быть, это кажущееся чувство?
Надо как-нибудь выдержать эту муку».

Небо погаснет не всё и не сразу,
Свет заходящий похож на восход.
Так у Шопена печальную фразу
Вдруг жизнерадостный всплеск перебьет.

Как перемешано всё в этом мире,
Перетасовано – главный урок.
И по трехкомнатной ходишь квартире,
Как по Венеции, – был бы восторг!

Он и бывает, почти не завися
От объективного смысла вещей.
Были бы мысли, счастливые мысли
В блеске закатных последних лучей.

Искусство и есть продолжение жизни,
Но, может быть, в лучшем ее варианте,
Где нас не заденет ни дальний, ни ближний,
И дело не в шляпе, а дело в таланте.

И ты от судьбы не зависишь и рока,
И нету ни горя, ни смерти, ни страха,
А только полночные вихри Ван Гога,
Венера, Даная, Олимпия, маха.

Искусство и есть продолжение леса,
Искусство и есть продолжение моря,
И нет никакого в искусстве прогресса,
А призрак живет и при нас в Эльсинаоре.

И музыка учит расстегивать ворот,
И к шелку фиалок склонившись и примул,
Любить эту жизнь появляется повод,
В стихи ее взять появляется стимул.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Победитель международного конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010, победитель международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии»2017г., автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино). Лингвист, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова.

Свидание (Прага)

Вот и настало - время печали, время исхода,
Гордые плечи, дьявол на левом, ангел на правом.
Катит устало долгие годы, тяжкие воды
Под мостовую, над головою, тёмная Влтава.

В сердце осколок встанет левее - станет ли легче?
Алой волною хлынет под горло мне – алилуйя;
Кто там в камзоле, кто там в крылатке, бархат и жемчуг,
Милая пани, чудная пани, ручки целую.

Ах, кавалеры, что ж недогрели, недолюбили?
Волглые крылья вяжет и тянет смертная влага,
Птичья повадка, пух лебединый, взор голубиный,
Пламя и пепел, память и мука, ты моя Прага,

О золотая! вот и светает! станет ли проще?
Хочешь - укрою, ласковым словом, шёлковой шалью?
Словно слепая, определяю имя на ощупь:
Прага - прозреньё, Прага - прощеньё, Прага - прощанье.

Мокрые камни, чернь с позолотой, пики и черви,
В ладанном небе, в облачном нимбе, в снежном сиянии,
Свет незакатный, свет невозвратный, свет невечерний,
Милая пани, светлая пани, мёртвая пани.
2018

Malacia

Malacia (лат.) безветрие, тишь на море, штиль.

Бывают дни – стоячая вода:
Густеет воздух, вязнет в мутной тине.
И время застывает, как слюда,
Запутавшись в прозрачной паутине,

И легкий шелест чистого листа
По камертону вечности настроен –
Молюсь тебе, святая пустота,
И пью твои целебные настои,

И остаюсь наедине с собой,
И ухожу в темнеющее поле,
И кажется, что боль – уже не боль,
А тень воспоминания о боли,

Как будто начат заново отсчёт,
Как будто вновь – отметка нулевая...
И мир сквозь тело медленно течёт,
Ни сердца, ни души не задевая.
2018

Будет так: потеряет сон и спадёт с лица,
И беззвёздность покажется злее любых агоний –
И звезда Алькор расседлает звезду Мицар,
И скользнёт с небес, и засветится на ладони.

А быть может, так: он привыкнет к звезде Алькор,
Успокоится, снова сможет дышать без света,
Слишком больно, и слишком, чёрт возьми, далеко...
Чёрт возьмёт, и в карман упрячет: была и нету.

А в кармане у чёрта вечность черным-черна;
Забываешь, кому светила, зачем мерцала,
И звенят все тише серебряные стремяна
Где-то в млечных полях заблудившегося Мицара.

De profundis

**когда ты всматриваешься в бездну, помни - бездна всматривается в тебя (Ф. Ницше)*

и слепящий свет накрывает поле
и уже что воля а что неволя
только тело жаром вот-вот истаёт
только глаз сияет из белой бездны
только голос сети свои сплетает
шепчет сделай шаг это очень просто
ах ты мой хороший ты мой болезный
это я зову я твоя прохлада
это я зову я твоя награда
у меня есть крылья тебе по росту
и зовёт и поёт и смотрит влюблённо:
говорю нельзя у меня ребёнок
говорю никак у меня любимый
и воронки край проплывает мимо
плавно словно мантия ската
и скользит по мне помутневшим оком
ну как хочешь сейчас я тебя жалею
а потом я стану намного злее
ты же помнишь как я бываю жестока
ты же знаешь будет расплата
а любимый держит меня за руку
из последних сил и глядит виновато
прости не могу сильнее
2019

Ничего и не было, ты это знаешь сам,
Оттого и рука, и речь моя ледяна,

Только дождь и дым, и пепел на волосах:
То ли пепел, а то ли ранняя седина.
Только дождь, и дым, и продрогший молчащий лес,
Где из мрака целются тысячи цепких глаз,

И могло б случиться – но только не здесь, не здесь,
И могло бы сбыться – но только не в этот раз,

И не в эту жизнь – слишком мало осталось лет
По живому резать, да песнями боль глушить,
Нам с тобою такой зарок: отдавать да греть,
До последней нычки, до выстуженной души,

А потом уйти, как уходит в зенит стрела:
Отыскать в небесах просвет, да сорваться ввысь...
То не грех, мой милый, озябнув, просить тепла:
Не кори себя, не вини себя, не казись.

Отдавать да греть: так привычно и так легко –
Только дождь и дым, только пепел твоих волос...

Я смелей огня, я касаюсь тебя рукой,
И, нежней огня, прожигаю тебя насквозь.
2010

4.35 утра

Ты поклонялась, как и я, огню,
ты, как и я, металась и горела;
твой дом – хрустальный, стылый, закоптелый –
как драгоценность, бережно храню,

припоминая: трепет, дрожь, и вот
последний всплеск – о, нет, постой, мгновенье –
в беззвучном крике заходились тени,
в твоей тоске почуяв свой исход,
конец полночным танцам, песням, снам...

Но сбережёт признательная память
твой храбрый фитилёк, и свет, и пламя,
как ты всю ночь держала нимб над нами,
как, умирая, ты светила – нам.
2010

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Родился в г. Житомире (Украина), по образованию филолог. На родине его окрестили «человеком - оркестром». Один во многих лицах: музыкант, певец, композитор, поэт, драматург, журналист, продюсер, модератор культурных программ. Чувствует себя счастливым человеком, потому что занимается любимым делом, имеет хорошую семью. Сергей Лазо – автор 17-ти книг и шести дисков. Член Союза писателей и Союза журналистов Украины, лауреат ряда украинских и международных премий. Концертирует, неразлучен с гитарой. Любит живопись, современную хореографию и путешествия на воздушном шаре. Большой поклонник джаза.

Дни догорают как поленья,
Огонь бежит по острою,
Сентябрь и светопреставленьё
На разноцветном барбекю.
Река становится прозрачной,
И в остывающей воде
Сбегает время не растраченным,
Не найденным никем, нигде.
Под вечер так согреться хочется,
Палить листву, костры, дрова,
И заморозки, как одиночество,
Пророчат снежные слова...

И мир один, и мы одни,
И как в печи горят поленья,
В нас трансформируются дни
В паранормальные явления.
Видать, использован лимит
Логичных выводов и акций,
И вхолостую дребезжит
Земная цепь реинкарнаций.
Гримасы жизни, диво-смерть,
Ужасный лад, удобный хаос,
Стреноженная круговерть

И ковыляющая жалость.
И царь – не царь. И вождь – не вождь.
И самозванец – вор в законе.
И льёт с небес кислотный дождь,
Мы не в стране живём, а в зоне
Чванливой жадности людской
Да олигархости тюремной,
С надёжно запертой душой
Коленопреклоненной
Пред тем, кто смотрит с вышины
На эти смены декораций,
И пляшут ангелы войны
На сцене сплошь из ассигнаций.

ДВАЖДЫ ЕДИНОЖДЫ

1

Ничто не вечно –
правы мудрецы.
Да, всё проходит, и горят причалы.
Всё в этой жизни отдаёт концы,
Сулившие великие начала.
Разобран по мгновеньям детства дом,
Повыщвели друзья на старых фото,
И даже не мечтается о том,
Чтобы обнять из прошлого кого-то.
Сплошь дефиле изношенных обнов,
Нестройный шаг усталых поколений,
Ведь и стихи –
теперь лишь горстка слов,
Рассыпавшихся от прикосновений.
И нас забудут, как забудут всё,
Чем бредили, и что долбило в темя,
Развеет, разбросает, унесёт,
Как тает снег и соль, и боль, и время...
Всё зябче в прохудившемся пальто,
И ни в какую босиком по лужам,
Вот и живёшь, покуда веришь в то,
Что может быть ещё кому-то нужен.

2

Разложен на мгновенья детства дом,
Вчерашние друзья повыцвели на фото,
И никакой отчаянности в том,
Что не вернуть из прошлого кого-то.
Всё забывается. Теряется весло.
Нам дважды не войти ни в реку, ни в мгновенье.
Жизнь безоглядна –
чаще сны назло,
Не терпящие слёз и откровений.
Но есть миры – и правы мудрецы –
В чьих безднах даже души не бывали,
Да, на земле всё отдаёт концы,
Но есть концы, сулящие начала.
И мы снимаем слой камней, глубин,
Пытаясь уяснить
– настырный папарацци! –
Как жил народ,
и что он за один,
Исчезнувших цивилизаций.
А после с удивленьем узнаём:
Путь жизни так же каменист и труден,
Хотя теперь под колокольный звон,
А много раньше – под шаманский бубен.
Ну что же, до скрещения эпох,
Где хроники Акаши. Где анналы.
Где горестно на нас взирает Бог,
А дом людской, как бриг, летит на скалы...

ЖИВОПИСАНИЕ

Блистало портмоне
Пейзажами Моне,
Мечталось сдуру...
Я радостно шагал,
Живописал Шагал
Меня с натуры.
Лилось пино-нуар,
И старый Ренуар
Касался кисти...

Деревья в неглиже,
Квадраты Ф. Леже
Сжигали листья.
Сюжеты – не цена,
А дни – дощатый на-
стил велотрека.
Изгибы рук и спин
безликих балерин,
Но не Лотрека.
Без красок мне каюк,
Рука в кармане брюк,
Глаз по-бандитски.
Плевать, что вверх, что вниз.
Свобода. Импровиз.
Василь Кандинский.

АЭРОПОРТ

Расстреляли аэропорт.
И в растерзанных переплётках
Пассажирские тени без счёта
Задом следуют наперёд.
Расстреляли аэропорт.
Арматура. Развалины. Гарь.
И у края таможенной планки
Обгоревшие – в очередь – танки,
Дулом тычась в блокадный январь.
Ночь. Буржуйка. Подвал. Фонарь.
Взрыво-взлётная полоса.
Сны сгоревшего самолёта
И чего-то, когда-то, кого-то.
Едкий дым, опаливший глаза,
Всеобъемлющие небеса.
Что за рейс? И когда полёт?
Нет, не борт покидает сушу –
Улетают солдатские души,
И никто не ведёт им счёт...
Крестовина.
Аэропорт.

БЕЗЫМЯННЫЕ ...

Безымянных поэтов не меньше, чем могил безымянных героев.
В каждой ереси вдохновенья их неслышимые голоса.
Они тоже любили женщин, принцы, пьяницы и изгои,
Дирижёры немого пенья в опрокинутые небеса.
Безымянных поэтов не помнят, ведь не зрелище и не пряник.
Безымянные – просто чудо, когда стала вином вода,
Когда время вдруг сносит кровли, и всплывает из вод «Титаник»,
Пирамиды из ниоткуда, Атлантиды из никогда.
Для счастливых конец – начало. Разве слава была безгрешной?
Игры в классиков, сколь ни лестно, прозаичнее, чем газпром.
И всего-то: Ковчег причалить да пройтись по волнам неспешно.
Все, от Данте до сих, безвестных, все сидим за одним столом...

СКУЧАЮ

Скучаю раньше, ещё до отъезда,
До профиля в окне вагонном,
Скучаю до выхода из подъезда,
До лиц вокзальных, чужих и сонных.
До очереди у касс –
Скучаю
Ещё до решенья на днях уехать,
Морщинка разлада у глаз – сличаю.
Ногам – не к спеху. В душе – прореха.
Задолго до этой возни чемоданной
Вдруг сердце ноет, зачем – не знаю.
Ещё когда в зеркале, просто в ванной,
Уже обречён. Уже скучаю.
До всех приездов твоих неспешных,
До всех отъездов всюю бестолковых,
До всех звонков целомудренно-грешных,
Забывших старых, убитых новых –
Скучаю. Скучаю.
Война вагонам.
Даже пока ещё рука в руку.
А что билет, зажатый в ладони?
Индюльгенция на разлуку...

ГОРАН ЛАЗОВИЧ

Родился в 1952 году в Бродарево (Сербия) - известный поэт, писатель и драматург, окончил Белградский университет. Автор более двух десятков книг, которые переведены на многие языки мира, обладатель литературных премий. Оригинальным бестселлером оказался поэтический сборник «Мука в солонке». Большая дружба связывала Горана Лазовича с Андреем Вознесенским, он хорошо был знаком и дружен с Евгением

Евтушенко и другими знаковыми литераторами современности. Сейчас живет и работает в Белграде.

ЛУЧШАЯ НА СВЕТЕ ЖЕНЩИНА

Это стих о лучшей на свете женщине!

Из-за нее я бросил курить,

Перестал храпеть,

Стер телефоны всех подруг,

Из-за нее был всегда выбрит,

Читал любовные романы

И учился готовить.

Она действительно была лучшей на свете,

Та женщина, из-за которой

Я просыпался в шесть,

Варил кофе,

Целовал до девяти,

Водил гулять,

Витал в облаках и гладил вещи.

Она, действительно, была хороша,

Даже в то утро,

Когда сказала:

«Да, ты очень хороший,

Но мне нужен кто-то нормальный,

Кто сможет, если заявлюсь под утро пьяной,

Послать меня к чертовой матери!».

Пер. Ольги Пейчевой

Настоящий воин Харольд Майерс

О, моя милая, вместо обещанного стиха
Вечером ты получишь приступ бешенства!
Меня будет ждать пустая тарелка, переполненная отборной руганью!
Во сне ты трижды умрешь,
И, пока не услышишь, что я стучу в дверь,
Не узнаешь, насколько еще ты жива!
Спросишь, умеет ли та несуществующая женщина любить больше,
чем ты,
И именно меня, сидящего сейчас с Харольдом Майерсом *,
Который вчера совершил самоубийство.
Скажешь: Да ты с ума сошел, Лазович!
Для опровержения этого у меня только в молодости были аргументы!
Знаешь ли, милая, Майерс – американский военный летчик,
И все наши убитые им дети приходили к нему во сне и пели.
Маленькие милосердные ангелы в белых одеждах,
Ночью пробегали сквозь его сердце и кричали:
Господин подполковник, Вам купить мороженого?
Многokrатно награжденный и отмеченный,
Знакомый, а, возможно, и двоюродный брат американского танкиста,
Давившего раненых на улицах Фалуджи!
Не знал сербского и не хотел сойти с ума!
Знал бы, что о нем напишет сербский поэт,
Наверное, еще раньше бы застрелился!

Пер. Ольги Пейчевой

* Харольд Майерс – американский военный пилот, участвовавший в натовских бомбардировках Сербии в 1999 году, после чего у него был диагностирован «вьетнамский синдром» и тяжелая депрессия. В сентябре 2010 г. окончил жизнь самоубийством, устав от мук совести и постоянно мучавших его ночных кошмаров. (Прим. Переводчика)

ОТКРЫТКА ИЗ РОСТОВА

Я жив-здоров,
Но без тебя ни то, ни другое не важно.
Город полон ледышек
И женщин, чьи сердца – телефонный справочник.

Была б моя воля –
И каждая улица вместо названия носила бы твой портрет.
Быстрее бы подъезжали таксисты,
И я нигде б не чувствовал себя потерянной пуговицей,
Даже в Ростове,
Где праздники, как жандармы, выныривают из-за угла
И прикидываются брошенными девушками,
Сияющими от того, что с ними не произошло.
Как бы мне хотелось
Чтобы мы однажды там очутились, лучше зимой,
Чтобы снова запахла по-весеннему, ведь в скрипе снега
Под твоими каблуками прячется аромат первых фиалок.
Чтоб, словно от зубной боли в воскресный вечер,
Снова потом покрыть подушки.
Только громкие любовники могут верно измерить тишину ночи.
И чтоб это было именно в России,
В некой усадьбе с айвой на шкафах,
Множеством гобеленов и медведями за окном.
В белые ночи
Нам двоим хватит рук
Для горячих объятий в самый сильный мороз.

Ну и зачем я тебе такой –
Не лгу, не краду, не играю,
Не собираюсь покончить с жизнью?
Не уверен даже, могу ли любить!
Распластан, как Гегелева мысль в маковом зернышке!
В лучшем случае – от меня тебе
Ничего хорошего ждать не приходится:
Закончишь в каком-нибудь моем стихе
И, как с легкостью произнесенная нежность,
Уйдешь к тем, кто тебя и не звал.
Но тот способ, которым я промолчал о своей любви
Не описан в русской литературе, а значит – не существует!
Это что-то подобное солнцу под шляпой Тина Уевича.
Иногда счастье нужно, чтоб кому-то сказать, что ты счастлив!
Легче всего найдешь ты меня тогда, когда буду я нужен!
О том, что это ты ушла – не рассказывай,

Про меня скажи – потерялся,
На слонах кататься уехал в джунглях дельты Меконга.

Пер. Ольги Пейчевой

ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ

Не важно, в каком городе это будет, Мария.
И время не важно,
но я бы хотел чтобы это было полночь,
В Санкт-Петербурге, например...
Представь себе, как бы там звучали твои слова о любви,
И о том, что ты хочешь быть со мной всю ночь.
Представь себе, Мария,
Царскую Россию, любви знамена,
И меня, как хранителя твоих звезд...
Между ласками, пока говорю тебе о коммунизме,
ты хочешь целоваться...
Представь себе, ты шепчешь:
«Мне так мало тебя,
Сделала бы я море, чтоб ты вечно во мне купался!»
Представь себе, Мария!
Я сам даже представить себе не могу.

Пер. Ольги Пейчевой

ВЫСОКИЕ ДЕЧАНЫ

Взгляни-ка, радость моя, птицы глядят на тебя,
Идем с тобой вместе в Высокие Дечаны
Сквозь тьму, чтобы насмотреться на солнце.
Не пойти ли нам по объездной,
Небом и надежнее, и дешевле.
Если к утру не успеем,
Доедем в канун освобождения.
Ты только лети,
Радость моя.
Устанешь ли вдруг,
На облачко присядем,
И ты отдохнешь.
А когда спустимся вниз,

Ты сразу поймешь,
Моя радость,
Насколько мы малы.
Посмотри-ка, птицы глядят на тебя,
Идущую рядом со мной, сквозь тьму
В Высокие Дечаны,
Чтобы насмотреться на солнце.

Пер. Ольги Пейчевой

СТРАХ ОТ ГАЗЕТНЫХ НОВОСТЕЙ

Сегодня утром я надел костюм из твоей кожи!
Все зеркала этого города разбились от горя!
Ты единственное сердце, с губами и руками!
Сегодня я тебя люблю большими буквами.
Тебя, запутанную между безмолвными предложениями.
Тебя, похожую на сестру одуванчика.
Считаю тебя, между цифрами.
Вижу тебя, когда смотрю на часы.
Слышу тебя в шуршании орешника.
Представь, если б об этом в газете написали.
И любовь бы отеклась от нас!

Пер. Ольги Пейчевой

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК

Поэт, эссеист, культуртрегер. Родился в Молдавии. На Западе с 2000 года. Доктор наук (география). Публиковался в поэтических сборниках и журналах 9 стран. Автор книг стихотворений «Лестница с неба» (2010 г.), «Метаморфоза» (2012 г.) и «Вселенная, живущая во мне» (2014 г.), автобиографической хроники «Зимовье губы Ширильды» (2013 г.), книги прозы «Полтора километра льда» (2014 г.), а также книг

«Лира» (сборник публицистических материалов о поэзии, 2015 г.) и «Зёрна истины». Президент Ассоциации «Эмигрантская лира» (одноимённые: Всемирный поэтический фестиваль, международный поэтический интернет-конкурс, литературно-публицистический журнал и фестивали в разных странах). Дважды (в 2014 и 2017 гг.) входил в шорт-лист специального приза и диплома «Русской премии» «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» (за проект «Эмигрантская лира»). Живет в Бельгии.

* * *

окна мои перекрыты железной решёткой
прежний хозяин боялся воров не иначе
я как орёл молодой то текилой то водкой
греюсь в темнице сырой где живу и батрачу

трачу свободное время на странное хобби
складывать в столбик слова безо всякого проку
лишь для того чтобы падкой до ласки зазнобе
было желанней со мной предаваться пороку

préliminaires amoureux благозвучные рифмы
дождь или снег за постылой решёткой неважно
я продаю по завышенным втрое тарифам
несколько строк ради ночи безумной и бражной

то ли тюрьма то ли ад если что и осталось
светлого в полуподвале почти что землянке

это доверчивых губ неизбывная алость
и прикипание к душеспасительной пьянке

окна мои перекрыты железной решёткой
господи замысел твой как всегда гениален
уединение с водкой пером и красоткой
станет магнитом для библиотечных читален

бродит снаружи по диким краям заграницы
чудище обло озорно черно стоголово
но от него защищает меня с озорницей
оберег мой вдохновенное русское слово

автострада

в зеркале заднего вида сквозь дым и морось
хищно сверкают фары мчащейся по пятам
стаи волков намеренной взять измором
мельницу made in japan резвую не по годам

громко бубнит томтомовский навигатор
чтоб довезти до места в целости и сохран-
ности шофёра (овна) дымящего агрегата
координаты туманны марево райских стран

лучшая доля удача короче счастье
если б не живоглоты дома б траву щипал
мирный уклад меняется в одночасье
только нагрят какой-нибудь ганнибал

сколько их было дальних перекочёвок
с бедных песчаных пастбищ к пажитям у реки
прошлое это высохший подмалёвок
видимый через краски времени вопреки

сердце сбоят но рокочет мотор болида
перевозящего в будущий парадиз
в зеркале заднем... там нет никакого вида
лишь забуревший мерс на хвосте повис

жизнь обтрепалась в боях за место под солнцем
были просветы да сплыли в книжки стихов
ночь автострада и мир куда-то несётся
под какофонию автомобильных гудков

* * *

детский плач разбудил старика
снилась точка в чужом некрологе
между старым и малым строка
о закрой свои бледные ноги

по-над парком весенняя синь
разлилась вперемешку с прохладой
среди юных нескладных разинь
попадают девки что надо

а точнее сказать хоть куда
и во взгляде голодном истома
и вздымается грудь но беда
так и липнет к тому молодому

устремился к закатной черте
то ли птах то ли ра то ли атум
жизнь-жестянка вода в решете
бог солярный рифмуется с матом

* * *

антропный принцип несколько констант
дают пожить и нищему и принцу
ревёт толпа эрцгерцог фердинанд
не знает кто такой гаврило принцип

на смену тощим тучные года
приходят и уходят без надрыва
и ты живёшь зевая иногда
как бог за сутки до большого взрыва

плач эмигранта

здоровья нет стезя запутана
из-за дождей погас очаг
я пью за родину за путина
и за красавицу собчак

потом встаю и неприкаянно
хожу по тесной конуре
в углу биткоины-биткаины
пылятся в мусорном ведре

тоска вошла сидит занозою
наскучил муторный равель
туда туда где под берёзою
о щак задумался щавель

зачем ты жизнь такая сирая
сгубила жадность чувака
я снова пью теперь за сирию
и за победу чвк

прогулка

покрывшаяся чёрно-белой рябью
река как будто двигается вспять
уставший день идёт походкой крабьей
в свою лачугу чуточку поспать

гуляка-ветер всласть похулиганив
притих у доброй липы на груди
над ними месяц белым ятаганом
прокладывает райские пути

случайный червь эпохи голоцена
далёкий отблеск божьего огня
я на краю вселенской мизансцены
слоняюсь в парке на исходе дня

бродить бы век вдоль этой тихой речки
вдали от ратных дел и женских чар

считать в уме мушкетные осечки
совсем забыв что я не янычар

парить над необструганностью мира
над дикостью и шустрой кутерьмой
потом спуститься с ловкостью факира
и возвратиться к ужину домой

* * *

под колпаком настольной лампы
выходят к свету косяком
хореи дактили и ямбы
но все они под колпаком

в который раз не зная броду
я влез в мерцающую муть
о дайте дайте мне свободу
обняв жену принять на грудь

что толку в горнем вашем свете
полвека жизнь к нему вела
но самой прочной в мире сетью
вконец опутали дела

рецепт простой дышать на шару
жевать на ужин шаурму
не лезть к вселенскому пожару
а загореться самому

ВАДИМ МЕСЯЦ

Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

ЭФРОН

Шлагбаум поднимается во тьме,
и разрывает плотный кокон пара.
Изменчиво дыхание земли.
Зерно как зверь готовится к зиме,
торфяник остывает от пожара,
и сутки до расстрела истекли.

Парижского пальто холеный драп
шекочет многодневную щетину,
и галстук неуместен как цветы
в руках немногословных темных баб,
что смотрят настороженно мне в спину,
выпячивая злобно животы.

Я полюбил бы каждую из них.
Когда твой дух тоской обезображен,
ты беспричинно лезешь на рожон.
И правды ищешь в трещинах дверных,
прильнув щекой к дыре замочных скважин
в бессмертие по пояс погружен.

Никто не сожалеет о любви.
Если она была уже спасибо.
За полминуты прогорает блажь.
Я быстро говорю тебе – живи

без хрипоты и горестного всхлипа,
застенчиво слюнявлю карандаш.

В эфире кашель переходит в крик,
не дав сказать названия платформы,
и замирает в воздухе дугой,
охватывая хмурый материк,
надеждой политической реформы,
и невозможной радости другой.

К нам подойдет тщедушный лейтенант,
огня попросит и немного спичек,
в лицо посмотрит, и потом опять.
Так в детях проявляется талант,
прорвавшись через будущность привычек,
отсчитывая время вспать.

Так пуля вылетает из груди,
и прячется в патронник карабина,
будто вдова закрылась на засов.
Я крикну конвоиру – упади,
увидю не родившегося сына,
и поверну колесико часов.

МАХНО

Золотой портсигар подними над толпой.
И в веселом угаре прозреет слепой,
нервно вспыхнут безумные лица.
Пристрели мародера, застукав на лжи,
а крутую забаву в карман положи,
кто дурак – тот уже не проспится.

Пусть товарищ проснется при звуке трубы,
и поднимет хромого коня на дыбы,
промелькнув у тачанки комбрига.
Ляжет камень могильный в родной огород,
вольный пахарь с берданой по пашне пройдет,
и над пашней заплачет ханыга.

Проверять документы в ночных поездах,
что гулять полупьяному в райских садах,
собирая плоды с пышных веток,
прославляя бескрайность гражданских свобод,
мы снимали часы с утомленных господ
и чулки с их нарядных соседок.

Мы сорили деньгами в чумных деревнях,
и арбузы несли на ночных простынях
по колено в белесом тумане.
Начинали дознание на чистом листе,
и крестили евреек в днепровской воде
и венчались с любимыми в бане.

Пулеметные ленты легли через грудь,
а в глазах нарисован беспамятный путь,
звезды в небе – без знаков отличий.
Нашу правду обрящет сошедший с ума.
Мне тюрьмою казались большие дома,
а история – волчьей добычей.

Александровск с утра ошалел от облав,
в простодушном Бердянске сожжен телеграф,
и уже не отправить депеши.
Остается растерянно выйти в народ,
и чахоточной грудью вдыхать кислород,
и рычать, будто зверь на манеже.

МЕРИЛИН

Почувствуй землю внутри себя,
что станет тайна твоя и плоть,
и сквозь нее прорастут сады.
Перчатку старую беребя,
ты ее пальцы берешь в щепоть
в преддверье будущей пустоты.

В бассейне нимфы в белье плывут.
Тебя корежит от юных тел
и почему-то смешно до слез,

что над усадьбой взлетел салют,
и от министра пришел пострел
с букетом алых как губы роз.

В собольей шубке на наготу
для фотосессии у воды
придешь и сядешь в бисквитный торт,
все повторяя в хмельном бреду,
что старость – кладбище красоты,
а дело юности есть аборт.

С утра на проводе Белый дом,
и в трубке слышится черный мат,
слагаясь в клятву всему назло.
Достичь блаженства с таким трудом,
но сдать блистательный компромат
не подфартило, не повезло.

Тебе не светит большой Шекспир,
но люди верят в большую грудь,
и принимают кураж за страсть.
По мятым койкам чужих квартир,
пускаясь в вечный безбожный путь,
где даже яблока не украсть.

ПАСТЕРНАК

Хлопья обрываются с вершин,
разбиваясь на сосновых сучьях,
оседая на изломах крыш.
Темный как предсердие кувшин
в быстротечных трещинах паучьих
горлышком вбирает эту тишь.

Выпрямись в высоких зеркалах,
проявись на дне дагерротипов,
хвойным почерневшим серебром,
где лицо в затянутых узлах,
из немых времен безмолвно выпав,
догорает матовым костром.

Женщину родную рассмеши
глупою историей любовной,
что стоит у двери в полутьме.
На душе как прежде ни души,
если после гибели бескровной
выгонишь из дома бытие.

В запахе испорченной воды,
и полуистлевших нижних юбок,
в россыпях зубного порошка,
из легенды тянутся следы:
голубь догоняющий голубок
красного дающий сапожка.

Гости не приходят в гости к нам,
мамы не приводят милых дам,
слушать тенор в треске фонограммы.
Собери в баулы старый хлам,
отнеси пожитки в белый храм,
причастись для общей мелодрамы.

Замкнутым подростком пожилым,
дачиком в изысканной опале,
ты войдешь как праведник в ковчег.
И сожмешь глазами горький дым,
и синхронно на лесоповале
упадет с деревьев черный снег.

КОБЕЙН

Рок-н-ролл жив
но только – в одной душе.
И она пуста словно коровья глазница.
Замешанный на алкоголе и анаше
задарма дается мотив.
Ты смолкаешь – а он продолжает длиться.

Музыка теплится в кашле,
прорывается сквозь него.

Топчется в грязи на бензозаправке.
Он где-то надыбал башли,
не оставляйте его одного.
Повышается градус – снижаются ставки.

Когда-то ты скажешь,
что жизнь поимеет всех:
рокфеллеров и потомственных хиппи.
На кафель приляжешь,
и пересилишь смех,
чтоб он растворился в предсмертном хрипе.

А сейчас руки твои
податливы как листва.
И ты смотришь подолгу на эти руки.
Дочка слушает MTV,
и учится говорить слова,
а ты выбираешь звуки.

Ты ищешь первоначальный звук,
но он похож на плач,
слишком искренен и надсаден.
Ежедневно пестуешь свой недуг,
но когда появляется врач,
прах твой уже украден.

ЕВГЕНИЙ МИНИН

Продолжая традиции Александра Иванова, Евгений Минин занимает сегодня в литературе место одного из лучших мастеров пародийного жанра. Пародии Е. Минина блестящи по форме и удивительно похоже копируют творческую манеру разных поэтов. Стихи, пародии и проза Е. Минина печатались в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Он автор нескольких поэтических сборников, издатель и редактор-составитель множества поэтических альманахов и приложений, а также поэтической серии «Лета-А». Автор текстов песен для музыкальных

альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи.

Председатель Иерусалимского отделения Союза писателей, член Союза писателей Израиля и Москвы, директор Международного Союза Писателей и Журналистов (АПИИ). Член Союза писателей XXI века.

ПЯТНОВЫВОДНОЕ

Я лежу, как пятно на холсте.

Я упал.

Я сегодня при деле.

Ефим Бершин

Всё в России не так!

Всё – вверх дном.

Все задёрганы!

Все на пределе!

Я работаю нынче пятном.

На ковёр упаду – и при деле.

А в конце напряжённого дня

Два охранника с пивом приходят,

Но не пивом выводят меня –

Под микитки берут – и выводят.

ХОРОВОЕ

*В России музыка и слово
Звучат серьезней, чем везде.
Под звуки пенья хорового
Мы позабудем о еде.*
Дмитрий Быков

О, как смертельно для поэта
Сидеть всё время за столом,
Тут не спасёт уже диета
В борьбе с едою – вечным злом.
И всё ж приветствую идею,
Мечтал о ней с недавних пор.
Итак, ребята, я худею –
Пойду записываться в хор...

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ЛИФЧИК ЗАСТЕГНУТЬ

*И женщина без всяких затруднений
Застёгивает лифчик на спине.*
Константин Ваншенкин

Люблю смотреть часами, словно порно,
И кажется непостижимо мне,
Как женщина изящно и задорно
Застёгивает лифчик на спине.
Какая гибкость рук, какая спинка,
Но понимал я с ужасом в груди:
Как худо было б, если бы ширинка
Располагалась где-то позади.

ВИНТАЖНОЕ

*Я надевала страны, как трусы –
неделька из коллекции винтажной.*
Лилия Виноградова

Такое нынче время – страшно аж,
И что тут делать очень точно знаю,
и потому, чтоб соблюдать винтаж,
я каждый день исподнее меняю.

И поутру, не глядя на часы,
следа за туалетом очень строго,
я надеваю страны, как трусы,
Голландия мне даже жмёт немного...

ПОРА ПИСАТЬ ХОРОШИЕ СТИХИ

*Пора писать хорошие стихи,
творить молитвы и влюбляться реже...*

Герман Власов

Три заповеди я себе внушил:
во-первых, каждый день начну молиться.
А во-вторых, клянусь я, кровь из жил,
на женские глядеть не буду лица.
А в третьих, наконец, начну творить
шедевры и заткну за пояс Данта,
в своих раздумьях проявляя прыть,
чтоб оценили люди мощь таланта!
Молюсь весь день, все замолил грехи
и женского не признаю народца,
а вот писать хорошие стихи,
как ни молюсь, никак не удастся!

ГЛАЗЕЙНОЕ

*Я вверх взглянул, от ужаса дрожа:
прекрасным утром, раннюю весною
на уровне восьмого этажа
ты стёкла тёрла тряпкою цветною!*

Игорь Волгин

Такого не имел я мандража,
цирк по сравненью с виденным – пустое!

На уровне восьмого этажа
ты мыла окна, вся снаружи стоя...
Глаз оторвать не мог, моя краса,
как с тряпкою твои мелькали руки.
Но если бы тогда надела брюки,
я не глазел бы целых два часа,

САЛАТНОЕ

*Помутнели глаза у рыбы, зарезан хлеб,
С солью размешана белая кровь салата,
В горле огня равнодушный пирог окреп:
Трапеза подана, кушайте, чем богаты.*

Елена Генерозова

Острым ножом вспорот банки с горошком живот,
Кожа с картошки снята, как скальп могикана.
Белую кровь майонеза хозяйка нальёт,
Красная жуть вливается в горло стакана.
Вилки копьём воткнулись в невинный салат,
Маслом истерзан оливковым зелени силос.
В пепел сжигает гостей ненавидящий взгляд:
Трапеза подана, чтобы вы все подавились.

БАНКОВСКОЕ

*Но Алла всех была дороже
И дорожает с каждым днем.*

Игорь Иртенъев

Когда женился я на Алле
То был ещё не очень стар,
Её почти за так отдали –
Забрали только гонорар.
Теперь не думаю о пьянке,
Я – верный муж, любимый зять.
И Аллочку хранил бы в банке,
Да где ж такую банку взять?!

ЧАСТУШКА

*Как же объяснить, мой милый,
Чтобы не смотрел нахмурясь?
Я туда уже ходила –
Постояла и вернулась.*

Елена Исаева

Милый мой – такая бука,
Вне себя от куражу,
Посылает на три буквы,
На какие – не скажу!
Не хватаю чемоданы,
Не рыдаю от души.
Милый, радоваться рано,
За шампанским не спеши!
Я все помню, не забыла,
Погоди сжигать мосты.
Я туда уже ходила,
Там такие ж, как и ты...

БЕРТА МИХАЙЛИЧ

Родилась и выросла на Украине, в городе Киеве. Там же 40 лет проработала врачом - реаниматологом на станции скорой медицинской помощи, где лечила, учила, руководила. Первое желание писать стихи появилось с рождением внука. О нем и для него первая подборка детских стихов. Не писалось почти 20 лет. И только в Мельбурне меня вновь посетило вдохновение. И теперь я пишу много и обо всем.

Какой то странный шум за дверью
Кто-то стучит или мне кажется.
Открыла дверь - глазам не верю:
Любовь былая возвращается

Передо мной мой старый друг,
Но он не стар - он юн как прежде!
А я...мой возраст и испуг,
Стою в домашней я одежде...

Глядит с любовью на меня
И нежно мне так улыбается.
О чудо, вновь я молода,
Немудрено теперь всем нравиться.

Как резко телефон звонит -
Прервал он сон и чудо тоже.
Ко мне вернулся прежний вид.
Вернуть мне юность сон лишь сможет.

Что-то скушными становятся наши свидания
Говорим говорим - говорить больше нечего
И поэтому часто думаю о расставании
И скажу я об этом сегодня вечером

Вечер, встреча и опять разговоры
И тогда я решаюсь - должны мы расстаться

Он, мгновенно отбросив свой гонор
Начинает почему-то смеяться

Я сердита - расстаемся надолго
Он мгновенно превращает все в шутку
Говоря необычным тоном
Расстаемся но лишь на минутку

Не извиняйтесь - я не обижена
У вас просто плохое зрение
Вчера сказали - люблю тебя рыжая
А я блондинка без всяких сомнений

Не извиняйтесь - я не обижена
Вы просто устали потому позабыли
Подарок который сегодня прислали
Вы уже мне вчера подарили

Не извиняйтесь - не тратьте силы
Я нисколько на вас не обижена
Но для того чтоб меня не забыли
Бегу покупать я краску рыжую

Опять пришел к нам Новый Год
О прошлом вспоминать не буду
И позабывши все плохое поскорей
Я навожу порядок всюду

Шампанское в бокалы разолью
Зажгу на яркой елке свечи
Пусть будет теплым этот вечер
Для тех кого сегодня ждут

Часы пробьют двенадцать раз
Конечно что-то загадаем
Исполнится иль нет не знаем
Но это не волнует нас

Ночь пролетела - новый день идет
Друзья прощаются благодарят за встречу
И вспоминая этот вечер
Вернуться обещают через год

Не спится, смотрю на улицу темную
Напротив фонарь одинокий блестит
Где-то свет пробивается сквозь штору оконную
Значит кто-то там тоже не спит

Иногда пробежит запоздавший прохожий
И машина промчится по асфальту шурша
Мою улицу это ничуть не тревожит
Она отдыхнет после шумного дня

Старость

Весенний Март мне ближе чем осенний
С утра я слышу музыку капели

Днем солнышко нас мягко согревает
А ночью еще лужи подмерзают

Как хороши подснежники своей голубизною
Нежны как вербы раннею весною

А за окном моим щебечет птица
Она в гнездо решила возвратиться

И все готово к долгожданному рассвету
Ведь за весной ко мне приходит лето

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

Член Союза российских писателей, автор 14 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н.Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им.В.Сосюры (Украина). Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» и Международной Лермонтовской премии. Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в г Воронеже (Россия).

В ДОРОГЕ

Природа на золото не мелочилась,
на музыку тоже; да, что говорить! –
такая прекрасная осень случилась,
и как же за это не благодарить?
Опавшие листья летят за машиной,
а память моя за годами летит,
и чудятся за придорожной крушиной
воздушные замки моих Атлантид.
И музыка в них на закате играет,
и женщины там без печали поют,
а дети гербарий любви собирают –
осенней листве умереть не дают.
Я так благодарен судьбе и природе
за эти недолгие теплые дни!..
Зима на пороге,
душа на свободе,
а люди в дороге.
Но мы не одни.

* * *

Время движется к закату –
жизнь была и не была,
потому что маловато
субъективного тепла.
Человеку не хватает
женской ласки наперед:

счастья много не бывает,
а беды – наоборот.
Но перед заходом солнца
неизбывно хороши
капли нежности на донце
человеческой души.

* * *

Зачем, для какой стратегической цели
живую синицу в неволе держу?..
Опять журавли надо мной пролетели –
я шляпу снимаю и в небо гляжу.
Совсем невеселые мысли мелькают;
дурацкие мысли, по сути своей,
от важной работы меня отвлекают.
А вся-то работа –
считать журавлей...

* * *

Эта жизнь – одноколейка:
развернуться не дано.
Ни повтора, ни ремейка
на дурацкое кино.
Правда, мы не в Голливуде,
потому что не у дел,
и кина тебе не будет,
если кинщик заболел.
Значит, надо постараться,
чтобы горе не беда,
чтобы вовремя добраться
к пункту Б из пункта А.
И маячат, как попало,
телеграфные столбы,
да загадочные шпалы
по периметру судьбы.

* * *

На фоне заката,
на лоне природы

мы жили, казалось, у края земли,
когда по фарватеру шли пароходы
и сонные воды, как время, текли.

Судьба нагадала

навекы проститься

и мы выпадали из времени, где
над нами летали красивые птицы
и тени сновали по легкой воде.

Чем дальше по жизни,

тем сумерки ближе –

махни на прощанье рукой вдалеке.

Во сне запоздалом однажды увижу
огни парохода на тихой реке.

ЗВЕЗДА

К утру холодает.

И чудится, вроде,

костер догорел, а звезде невдомек,
что недолговечная ночь на исходе –
кукушка молчит и горчит кофею.

Любимая,

нам уходить в одиночку,

но я тривиально доволен судьбой:

есть пара минут на хорошую строчку –
на память,

которая будет с тобой.

Сейчас я достану заветную фляжку –

налей до краев и звезду не туши:

возможно, судьба предоставит поблажку

на время любви,

на пространство души.

* * *

Вот и осень по жизни пришла,

листья заживо падают в спешке;

у кого ни попросишь тепла –

ни золы тебе, ни головешки.

Что романсы, когда наяву,

сообразно развитию темы,

остается посыпать главу
лепестками больной хризантемы.
Выше неба и ниже земли,
о весне поминая некстати,
полетели мои журавли,
догоняя тепло на закате.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Листаю альбом незапамятных лет
и, кажется, чувствую кожей,
когда фотографии смотрят на свет
и судьбы толпятся в прихожей.
Какая проекция счастья была
тогда на супружеских парах,
какая прекрасная юность цвела
на тех фотографиях старых!

Пора бы, пора бы усвоить всерьез,
что молодость не повторится,
но в этом альбоме – ни горя, ни слез,
а только веселые лица!

Душа покидает родные места,
но даже в покинутом доме
блуждает улыбка счастливая та,
забытая в фотоальбоме.

ВИТАЛИЙ ОВЧАРЕНКО

Журналист, поэт, автор-исполнитель. Живет и работает в Красноярске.

С 1993 года работал в различных газетах Красноярска: «Свой голос», «Городские новости», «Евразия», «Красноярский комсомолец», «Сибирская газета», «Новые времена», «Новый гудок», «Вечерний Красноярск». В настоящее время – корреспондент телевизионной программы «Версия». Победитель и призер нескольких конкурсов журналистских работ.

Как автор-исполнитель участвовал в нескольких конкурсах авторской песни, дважды становился призером (Красноярск, Усть-Илимск). В 2012 году занял второе место в краевом поэтическом конкурсе «Король поэтов». По итогам конкурса издана книга «Бог на крыше». Также в 2012 году стал лауреатом краевого поэтического конкурса на соискание премии имени Игнатия Рождественского. Публикации в альманахах «Енисей», «Иркутское время», в нескольких коллективных сборниках. Автор книги стихов «Ночной разговор» (Красноярск, 2017), изданной по стипендии Союза российских писателей.

Предчувствие весны

Все мы - свидетели зимы,
Которая живёт полгода
На землях нашего народа,
От Колымы до Костромы.

Здесь день как тень, и ночи лик
Снег улиц превращает в море,
И в этом ледяном заторе
Стоят дома как корабли.

Команда спит, умерив прыть.
Невесел Роджер - мёрзнут кости.
Балкон как капитанский мостик
Для тех, кто вышел покурить.

Но года вечная петля
Затянется на шее снега -

Сойдутся альфа и омега.
Зиме конец. Грядёт земля.

Иерусалим

Город тянет к небу руки -
Дым с молитвой пополам.
Город прячется от скуки
На углах и по углам.

Ночью снам и мыслям тесно,
Нет ответов на вопрос.
Тлеет до утра телесный
Крематорий папирос.

По асфальту растянулись
Тени мятых облаков.
Испугались и проснулись
Души нищих и богов.

Не допили, не доели,
Все осталось на столах.
И луна осветит еле
Плоть и звезды на столбах.

Вот и есть богам работа,
Если город спит опять,
От субботы до субботы
Души нищих собирать.

Я и ты

Если ты меня знаешь — напиши мой портрет,
Расскажи мне, какой я, за эти 15 минут,
Покажи мне всех Цезарей, с кем я простился, как Брут,
Расстреляй меня правдой впустую прожитых лет.

Если ты меня помнишь — наливай посошок:
Мы проводим пустые надежды и выключим свет.
Мой язык — моё ремесло и ответ на семь бед,
Правда, жаль, что ответ очень часто бывает жесток.

Если ты меня любишь — выходи на балкон:
Помолчим о любви, поболгаем — и сразу же спать.
Я боюсь, наши души наутро отправятся вспять,
Так давай хоть 15 минут поживем в унисон...

Харизма

В далёком городе Шанхае
Живёт настойчивый еврей,
Прохожим говорит "Лехаим!",
Чтоб не толпились у дверей.

Затем дорогу ищет к Богу,
Мешая русский и иврит, —
Он хочет строить синагогу,
Но мэр Шанхая не велит.

В Шанхае, дескать, нет условий,
Чтоб соблюдать шаббат и пост —
Для всех трудящихся сословий
В субботу самый сенокос.

И вновь бредёт еврей понуро,
Но путь свой завтра повторит,
И окружающим гяурам
"Шалом алейхем" говорит.

Он верит, что его харизма
Преграды разнесёт как дым,
Чтоб на осколках даосизма
Создать второй Ершалаим.

Остров

Прости, прощай, любимый город, —
Нет больше места.
Лишь серой дымкой с монитора
Кусочки детства

И лицедейства, и запоев —
Из грязи в дамки.
Вот только в рамках нет героев,
Всё больше — в рамках.

Но прочен ностальгии остров
В мирах-калеках —
Приют седеющих подростков
Иного века,

Которые играют в прятки
При виде смерти
И верят: будет всё в порядке,
Когда есть дети.

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете. Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького 1991-1993 гг. Публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах. Выпустил восемь книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы и Казани, последняя из которых, «Вишнёвый сайт» вышла в

2017-м, а в 2018-м получила Державинскую премию. Неоднократно принимал участие в Международном литературном фестивале имени Максимилиана Волошина (Коктебель) и Международном поэтическом фестивале «Киевские Лавры» (Киев). На свои средства организовал в Казани три Форума современной поэзии (2004, 2005, 2008). В 2000-2004-м годах издавал за свой счёт молодёжный литературный журнал "Айда!", ежемесячным тиражом 4000 экземпляров.

Неполетамская песенка

Хоть молоко бежит не за тобой,
кадриль скворца сравнима с силой тока,
когда электроплитка жарит мокко
в кофейне, захлебнувшейся слюдой,

ажурное железо майн и вир,
подъёмный кран – чулок с прозрачной ножки,
и лыбится старик, восстав из ношпы,
и зубы у него – сплошной пломбир,

вселенная, как девочка, слаба –
не заплывает пульс кефалью в сети,
дыханье, словно кафель в лазарете,
в бассейне – из учебника вода.

Подбитый, ты ломаешься сперва,
быть дураком стараешься при даме,
курить и пить навыворот губами
и так же выговаривать слова:

«Моксва, Моксва, люлбю бета, как ныс»,
по-кроличьи подрагивая носом,
кривой забор, такими же обоссан,
гнилые гвозди выставив, повис.

Боюсь, что этот май не доведём –
чем дальше в лес, тем ландыши жеманней,
и каждый ствол заряженный сжимает
в корнях, как в курьих лапах, чернозём,

но в свадьбах и разводах на стекле
маячит солнца детская ладошка,
и воробьи просыпанной картошкой,
и первые засосы в конопле,

где тополя, как лоси, разбрелись –
для счастья время самое и место,
любимую взять на руки, как тесто,
поторопись.

Почти почтительно

Цепляют из новой конторы
и тянут к себе тетиву.
Господь – это свет, на котором
сгоришь и – обратно во тьму,

ты – свечка второго размера,
грядущим векам не грози –
контактные линзы Гомера
остались в троянской грязи,

и видимость вновь нулевая,
тоску из утробы капелл
не музыка нам навевает,
скорее – Карузо напел,

точнее – дымок с папироски,
сивушная копоть мадер –

зовёт на долму Долматовский,
заходит Борис Заходер

твоё угорелое мясо,
когда от костра мало дым,
облив непростительным маслом,
забулькать вином молодым.

Ножевая корана

Проколот спицами Арахны, прожарен сотней папирос,
хоть ртом дыши – цветёт и пахнет сгоревшим веником мороз,
стволам берёз не до корысти – в мелу от заячьей грызни,
тебе, Жан-Жак Руссо-туристо, обнять Снегурочку ни-ни,

льют сумерки с шершавой крыши свой черносливовый крушон,
ты без фюражки шышел-мышел, но к маме так и не зашёл,
попробуй различить сквозь выюгу от фонаря слепую брешь,
слова, где буква **п** по кругу – сплошные здёж и стоунхедж,

лохматый снег толкает в спину, густой и кислый, как щавель,
несёт пургу для «джавелина», в котором гвоздик джарджавель,
но поворачивают башни дома под скрип кирпичных кож,
сошлись сугробы в рукопашной, и месяц – выбитый, как нож.

Уроним Босха

Утончающим гелием эго раздуто
так, что кончик рубашки торчит из ширинки,
незнакомые буквы закона как-будто
перевернута лента печатной машинки,

остальное твоё демонстрирует живость –
паучком по воде пробегающий литий,
вот и перепития такая сложилась,
невозможно отделаться от перепитий,

каждой девице с бантиком верно лет за сто,
говорят, что случается это в природе –
вроде сдулась совсем, но осталась грудастой
на юру во Содоме ли во эврибоди,

ты व्यюном оплетал ослепительно юных,
словно коршун парил, не какой-то возница,
что, закон тяготения не переплюнув,
так стремился в гудящее небо вонзиться,

потому, кто приземистее тот заметней,
вряд ли черное мыло для негров не гоже –
может статься война, или статский советник
подмигнёт с облучка государственных дрожек.

Венеция

Здесь сваи все свои и собраны в щепоть,
решив перекрестить причалы за упорство,
подробный лай цепей, бряцание щеколд,
мастак попасть плевком в затылок чайки с моста

Риальто — по нему катаются, как ртуть,
туристы, перебрав холодного «беллини»,
рискуя незаметно в воду соскользнуть
без всплеска и возни, как не было в помине,

на вапоретто — мрак, стоит, попав в силки,
свой в доску пассажир, и так же досконален –
ему послать никак, не вытянув руки,
воздушный поцелуй смазливой гранд каналье,

забрался антидот наяде под подол –
не жалко сквозняку, душевному калеке,
использованных им и брошенных гондол,
муранского стекла, журчащего сквозь веки,

чем дальше отплывёшь – острее острова,
вот и короткий дождь по лысынам зацокал,
Сан-Марко – птичий двор, где не растёт трава,
и не согреть дровам крылатой башни цоколь.

Ложная тревога. А. П.

О плитусе не думай свысока –
слежавшуюся пыль не стоит трогать.

Взялась очистить дольку чеснока,
но кожура заехала под ноготь.

Приклеится винительный падеж –
моргай хоть в морге честными глазами,
поскольку погоришь не за коттедж,
а за госдачу ложных показаний.

Пример бюджетной радости возьми,
как держатся пельмени друг за друга –
живут без утомительной возни
в кавказском кипятке хинкалиюга.

Покажет грудь январская заря –
её сосок, как пипка на берете.
В окаменевшем пиве янтаря
нет ничего хорошего – забейте.

Пока, напившись сумерек, спим мы,
в давилне сна найдёшь меня по стрелам
торчащим, на присосках – из спины,
из сердца, нарисованного мелом.

МАРИЯ ПАСИКА

Родилась в Харькове в 1969 г. Закончила ХГУ, Мехмат. Затем вышла замуж и углубилась в семейную жизнь, плюнув на карьеру, (не модно, зато приятно). Любимая семья – неистощимая почва для радостей, стрессов, надежд, философских измышлений. Удирая от домашнего быта, я всё, что накопилось, перекладываю в эдакий продукт, замешанный на хорошем и плохом. Я не знаю точно, стихи ли это, может быть стоит ограничиться кулинарными исканиями, тем более, что на поварском поприще успешно завоёван, да только ведь «не хлебом единым...». Так или эдак ли, приятного вам аппетита!

Ланцестон – Гордж, павлины; ясно сразу –
Час телепять (с кормёжкой мало – двух)!
Я видела – вверх рвутся скалолазы,
Аж у самой захватывало дух!
Ну, до того орудовали ловко –
Хотя бы не раскаялись потом!
Кратчайшая дистанция – верёвка.
Ух ты, рискнём?! Ещё чего – хребтом?
Они ползли, цепляясь через силу,
А по плечам плащом стелилась мгла.
Скала их не звала и не просила,
А всё-таки держала, чем могла.
Вверх по камням – жестокая нагрузка!
Максими́ча – сюжетец не застал:
У них – курок взведённый каждый мускул;
Мы, пИнгвины, – тайком из-за куста
(Ну, как не стыдно!) рты раскрыв, глазели,
Жевать и то забыли – смех, и грех!
Хотя бы только – им живьём на землю.
Хотя бы только нам – туда, наверх!

ЧАРЛИКУ

*Хоть лезь вперёд – хоть пяться раком,
Не раскумекать до конца:*

*Собака Чарльз, и Чарльз-собака –
Две разных – морды? Два лица?*

Чарлухевич – скажи, не хило
Караульные держат стойку!?
Подыскать бы тебе Камилу,
Чтобы – с радостным визгом в койку.
Подлецу всё к лицу: корону
Прикупить на собачьем рынке,
Выступал бы вальяжно, ровно!
А в привычном ворчливом рыке –
Будем властные слышать нотки.
Знаю-знаю, не так воспитан:
Хвост пропеллером, нос короткий
(Ты же сам понимаешь – титул!).
Лапы грязные – можно разве
Во дворец? Не-е, с такими – в будку!
В Веллингтонском лесу на раз бы
Завалил кабана (ну, утку!)!
Как в народе-то величают –
Спинкой-в-пятнышках, брюшком-белым?
Фу! Оставь эту гадость, Чарли!
Как-нибудь проживём – плебеи.

БУТЫЛКА И БРЕВНО

Валяемся в песке давным-давно,
А сверху чайки гадят – их тут стая.
Не стану спорить, полное бревно:
Хоть из под пива, я совсем – пустая!
Усмешкой встречу ханжество и зло –
Вот растрещалось брёвнышко – потише!
Мне только крышку хлипкую снесло;
Какими ты – судьбами? (сносит крышу?)
Достанется одним – путёвка в рай,
Другим – на службу, в детский садик – третьим;
Не парься, друг сердешный – загорай;
И за тобой – придут (волна и ветер)!...

ОСЕНЬ

Броский портрет в позолоченной раме
Странно знаком.
От тебя мудрено откупиться дарами –
Снаряжала тайком.
Птицам – в дорогу. До перелёта –
Времени чуть.
Осень, с секретом твоя позолота:
Трону – и улечу!
Гнулись берёзки, кланялись в пояс –
Сбросили шёлк.
Задний план мрачноват – переезд. А где поезд?
Погудел и ушёл.
Пахнет наливка терпким и мятным,
Скошенный луг.
Кем-то небрежно надписана дата
В нижнем левом углу...

НА ЧАС НАЗАД

На посошок пригубили – ну ладно, пока!
Ел-пил умеренно – плоско острил без умолку.
Жаль, рукавом (вот раззява!) смахнула бокал –
Может, на счастье? Бог с ним, заметаю осколки.
Гору посуды – на место! Шикарно одной;
Гость, оценив обстановку, откланялся (трезвый).
Это не кровь, по столу расплескалось вино –
Рислинг кислющий, сухой (ни слезы, ни пореза)...
Гость «недопонял – ну был бы кривым и косым!»
Время терялось – в намёках «а-что-то-в-тебе-есть!»
Дольше посплю! Как – уже переводят часы?
Лету конец. Не последнее – очень надеюсь!

ДОСЧИТАЕМ ДО СТА?

Досчитаю до ста – душ холодный с утра,
Дел навалом, побегаешь в мыле!
Так, о чём мы с тобой говорили вчера,
Говорили – бла-бла, говорили!
Как секунды летят, точно искры костра –
Завести бы дневник, да облом мне;

Как забыли, о чём говорили вчера –
Может, высплусь и утречком вспомню?
Как бредём наугад, как спешим чересчур,
Как сбежало варенье из вишни;
Как забыла пойти за рецептом к врачу –
Сразу видно: рецептик не лишний!
За фанерной стеной сладко спит детвора –
Ну, одна – ну, студентка! Не смейся –
Лучше вспомни (с тобой проболтали вчера)...
Чё там помнить – о ней, да о ней всё!
Пробираюсь бочком – ей встать не пора?
Дышит ровно картошечка-носик.
Позабыли, о чём говорили вчера –
А вчера-то и не было вовсе...

МУСОРНЫЙ БАК

Я верный страж. Бобик силён – лизаться;
Ему ласки, лакомства, сон на крыльце в саду.
Без меня – неуместна цивилизация,
А сыт отбросами – жду, когда подадут.

Главный закон природы: «НЕ СМЕШИВАЙ!»
Шарканьем тапок кто-то нарушил тишь.
Стеклотару впёрли – какого лешего!?
Объедки мне, стекляшки – туды! Капиш?

Судный день у них в порядке вещей, но:
Утро, вторник – хрипло ору, «Не тронь!».
С рёвом черти поволокут к очищенью –
Наружу вырвут стонущее нутро.

Чуть рассвет затеплится в дымке серой –
Дрожу, бочком прижавшись к сырой стене...
А как Европа – избавилась от холеры?
То-то! В первую очередь, благодаря – мне!

ИЛЬЯ ПОКЛОНСКИЙ

Родился в Минске в 1999 году. Студент юрфака БГУ. Публикуется впервые.

Талый снег все стекает со ржавых карнизов,
И порой, возвращаясь домой, по ночам,
Вижу в сумерках тень, облеченную в ризу,
В чьих дрожащих ладонях трепещет свеча.

Прохожу, понимая, что мне показалось,
Прохожу, и все слышу – гудят провода,
Ускоряю свой шаг и, встревоженный малость,
Все бреду и бреду – неизвестно куда.

Загляну за забор, там, где церковь ютится,
Там, где службу ведут и звучат голоса,
Но не знают они, что какая-то птица
С колокольни с тревогой глядит в небеса.

Мимо школы пройду, все мерещится что-то,
Словно я там с ватагой последних тупиц
Проношусь, хохоча, и стекает блевота
С их незрячих и бледных, бессмысленных лиц.

Как же в детстве я с ними, сбегая из школы,
Несся зимней порою – распахнут портфель –
И казалось остались лишь ветер веселый,
Наши крики и хохот, и мрак, и метель.

Мимо нас, словно в дымке, неслись очертанья
Старых серых домов, желтых окон квартир,

Я пытался сглотнуть теплый ком под гортанью,
И до боли понять и почувствовать мир.

И унять странный крик, подступающий к горлу,
Этот крик, что так рвался в морозную высь,
Там, где странная птица крыла распростерла
И два сумрачных глаза тревожно зажглись.

Пусть тогда еще смутно, тогда еще блёкло,
Но я понял тот вещий, пророческий знак,
Млечный путь, словно меч над землею Дамоклов,
Озарял нам дорогу в оснеженный мрак.

Мы неслись в этот сумрак, еще и не зная,
Что нас ждет впереди, веселясь и крича,
Только кто-то стоял и глядел, не моргая,
И в ладонях его трепетала свеча.

Зимний ветер свистел и ослиные гривы лохматил,
В мутной пепельной дымке деревьев сгибались верхи,
И стонала во тьме, в алом блеске огня Богоматерь,
И за стадом брели в свете сумрачных звезд пастухи.

И сквозь ветреный свист долетали до них эти стоны,
А потом крик младенца из темени сонной возник,
Ветер так же свистел, и раскачивал древние кроны,
И казалось, что в мире остались лишь ветер и крик.

Трепеща на ветру, как свеча на дрожащей ладони,
Словно правда ее вдруг зажгла чья-то черная длань,
Загорелась звезда на небесном обугленном фоне,
И волхвы поднялись и поехали в стылую рань.

На косматых ослах потянулись по дремлющей степи,
А над ними во мраке, дрожа на свирепом ветру,
Все следила звезда, и сама разгоралась свирепей,
Пастухи совещались и жались поближе к костру.

Им казалось во тьме кто-то призраком стонет и бродит,
То ли вор, то ли ветер, язвящий и жалящий плоть,
Вдруг раскинув крыла взвился в сумраке ангел Господень
И изрек огнеустый: "Внимайте, родился Господь".

И, дрожа, пастухи повалились пред ним на колени,
И услышав тот глас, песни певшие, смолкли волхвы,
Целый мир замолчал, и казалось на пару мгновений:
Все просторы вселенной вдруг стали немы и мертвы.

Потянулась толпа к той холодной и светлой пещере,
Где толпилось зверье, пахло шерстью и гарью костра,
И младенец глядел сквозь раскрытые в сумерки двери,
В тот туманный простор, где свирепые мчались ветра.

А потом в тишине стали люди шептать и молиться,
И младенец кричал, чтоб потом замолчать до поры,
Лишь мятежный огонь освещал изумленные лица,
И в немых небесах серебром распускались миры.

Усталый, зябкий, тусклый свет от лунного огрызка,
Отметины холодных звезд в поблекшей пустоте,
В железной дождевой трубе рыдает ветер-призрак,
В ослепшем свете фонаря чернеет чья-то тень.

Устало смотрит небо вниз незрячими глазами,
Струится ответ фонаря в осенних луж стекло,
Кто в этом свете на углу, как изваянье, замер?
Он все стоял, и я стоял, и только время шло.

И только вниз глядела высь в мерцании алмазном,
И листья желтые неслись со свистом мимо нас,
Я робко в лужу посмотрел, и в отраженьи грязном
В ней чистый отыскал один единственный алмаз.

Погас фонарь, исчезла тень, лишь я один во мраке,
Ищу алмаз в сплошной грязи и слышу, как вдали

Грызут холодный труп луны продрогшие собаки
И лают в грозной темноте, далекой от земли.

Кто-то сгинул во тьму, не оставив прощальной записки,
Плакал тени вослед оплывающим снегом февраль,
Он ушел, не узнав, что рассвет ослепительно близкий
Скоро вручит земле переполненный кровью Грааль.

Он ушел навсегда, на снегу не оставив и следа,
Он ушел, не узнавши, что скоро пройдут холода,
Что густые потоки горячего алого света
Хлынут с теплых небес, словно кровь из разбитого рта.

Он ушел, забыв, что когда-нибудь кончатся муки,
Что от чьих-то шагов все сковавший сломается лед,
Он не слышал вдали грозных песен ликующих звуки,
Возвещающих всем, что великая Радость грядет.

Он не знал, что в ночи раздувается пламя пожара,
Что плывут над землей пламенеющих туч корабли,
Свет от огненных крыл, от расправленных крыльев Икара
Озаряет толпу, что встает непокорно вдали.

Озаряет толпу, что шумит океаном безбрежным,
Озаряет толпу, над которой висит тишина,
Но уже вдалеке грозно катится с шумом мятежным
Всемогущего гласа, зовущего гласа волна.

И все ярче рассвет, рассыпающий светлые искры,
И все ярче горит беспредельное море лучей,
Звуки песен растут и торопят раскатистый выстрел,
Что однажды раздастся в одну из холодных ночей.

Но не встретит рассвет, кто ушел, растворившись во мраке,
Чью согбенную тень поглотил белоснежный туман,
Звуки песен растут и мерещатся новые знаки,
И вызывает труба, и гремит вдалеке барабан.

ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ

Родился 4.10.52 в городе Находка, Приморский край.

Образование – среднетехническое.

Специализация – ремонт производственного оборудования.

Техник – механик.

О стекло стучится птица,
Хочет в горницу пробиться.
Глупый, серый воробей,
Зря головушки не бей.
Ты зачем в окно стучишься?
На кого так сильно злишься?
Вон как перья распушил!
Ты окно разбить решил?
Воробей кричит в окошко:
"Нет, за мной крадётся кошка!
Подломились крылышки!
Нету больше силушки!
Не могу летать я вольно!
Открывай скорей! Мне больно!
Мой пришёл последний час!
Кошка съест меня сейчас!"
Я окно открыть спешу.
Воробья войти прошу.
Щёлкнул по носу я кошку,
Чтоб не обижала крошку.
А воробышку напиться
Дал из малого корытца,
Хвост и перья подлечил.
И воробышек вскочил
На открытое окошко,
Где была недавно кошка,
Вмиг крылами замахал
"Чик-чирик!"- и запорхал.
Ты лети по небу, птица,

В край, где солнышко садится,
В край, где плещется зарница,
За моря и за леса,
Где бывают чудеса,
За широкие дубравы,
Где растут густые травы.
Поскорее улетай!
Кошке в пасть не попадай!

Последний урок. Последний звонок
Рассыпался трелью весёлой.
А мы всё сидим, на доску глядим,
Не в силах расстаться со школой.
Здесь каждому дорог любой уголок.
Прошло в нашей школе всё детство.
До боли знакомый всем школьный порог.
Куда нам от этого деться?
Здесь первый учитель в мир знаний нас ввёл,
Открыл нам он всю свою душу.
И мы благодарны всем сердцем ему.
Готовы всю жизнь его слушать.
Большая дорога лежит впереди.
Большие нас ждут испытания.
Но мы не собьёмся с прямого пути
И выдержим жизни экзамены.
Последний урок. Последний звонок
Рассыпался трелью весёлой.
А мы всё сидим, на доску глядим,
Не в силах расстаться со школой.

Школьные года, как же вас забыть?
В памяти всегда будете вы жить.
Дороги вы мне, школьные года.
Мне не позабыть вас никогда.
Как же мне забыть первый мой звонок?
Как же мне забыть первый мой урок,
Парту у окна, доску на стене,

Если это всё живёт во мне?
Первого учителя как же мне забыть?
Он мне в мир познаний дверь помог открыть.
Как же мне забыть чистый школьный двор
И деревьев золотой убор?
Как же мне забыть, как моя рука
По доске вела первые слога?
Как же мне забыть тихий скрип пера?
Было всё, как кажется, вчера.
Как же мне забыть первый школьный бал?
За его возврат всю бы жизнь отдал.
Как же мне забыть первый школьный вальс,
И любовь, что в сердце родилась?
Как же мне забыть наш весёлый класс,
Дружбу тех времён, блеск задорных глаз?
Как же мне забыть локон у лица
С первых встреч у школьного крыльца?
Как же мне забыть последний школьный день,
Грусть притихших глаз, яркую сирень?
Как же мне забыть вечер выпускной,
Ту - которой нет теперь со мной?
И пускай как миг годы пролетят.
Пусть мне жизнь свершит старости обряд.
Но о вас, мои школьные года,
Нет, не позабыть мне никогда!

Поглядишь вокруг, замирает взгляд,
Между сопок, вдоль школьной дорожки,
Тридцать лет подряд тополя хранят
Золотой и зелёный наряд.

В четыре ступеньки у входа крыльцо.
Два глобуса, будто шары голубые.
Как медленно время за партою шло,
А смотришь - за парту садятся другие.

Здесь каждое утро звенят голоса,
В любимую школу спешат первоклашки.

Спешат поскорее постичь чудеса
Светланки, Андрейки, Серёжки, Наташки.

Приветливо двери распахнуты в класс
Для тех, кто давно распрощался со школой.
Сегодня мы всех приглашаем на вальс,
На школьный наш вальс, молодой и весёлый.

У глаз бинокль, в руке наган.
В войну играет мальчуган.
Он на посту. Не дремлет враг.
Отбито несколько атак.
Маринка рядом - верный друг.
В глазах девчоночьих испуг.
А он глядит сурово вдаль.
На куртке дедова медаль,
Рукав, разорванный до плеч,
А сбоку деревянный меч.
На штаб он знамя водрузил -
Себя полком вообразил.
Спешат войска со всех сторон
И терпит враг большой урон.
Но вот прострелена рука -
В бою был ранен он слегка.
Какой-то враг - из тех мазил -
Его за палец укусил.
Когда он в плен их роту брал,
Тот всё кусался и орал,
Потом заплакал и удрал
И с ними больше не играл.
У глаз бинокль, в руке наган.
В войну играет мальчуган.

Ещё весна не растопила льды холодные,
и не колышутся повсюду шляпки модные,
а мы уже, простив весну за опоздание,
спешим, торопимся на первое свидание!

На наше первое, на первое свидание
спешим, торопимся прийти без опоздания.
И помогают нам любовь и годы школьные
срезать пути через дворы прямоугольные!

А детство вдаль уйдёт и даже не оглянется
Но где б мы ни были, а сердце здесь останется:
в подъезде дома нашего, внизу, под лестницей,
где целовались мы с соседкою-ровесницей.

Года уходят быстро - старость подбирается
и очень многое из памяти стирается.
Но не сотрётся никогда, уйдя в безвременье,
из детства давнего волшебное мгновение!

СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН
Екатеринбург

Поэт и художник. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Арион» и многих других. Редактор литературного альманаха «Белый ворон», удостоенного 1-й премии в международном конкурсе «Лучшая книга года», Берлин 2012.

пружинят тени в мутном ресторане
скрипач с лицом кузнечика затих
но черной розы нет в твоём стакане
презрения
в пустых глазах твоих

безрук пигмалион и галатея
растеряна
и чуточку смешна
я разучился чувствовать
не смея
любить тебя
болеть тобой жена

в тылу отчаянья
в смятенье роз и терний
сминает свет останки мажино
все кончено
все умерло
поверь мне
раздвинуто
забыто
сожжено...

Нам связанная речь не дается,
Как статуе Летнего сада,
Когда в нетерпении рвется

Закатного неба помада.
Проглочено слово, и звуки
Грустят виновато.
Обняться?
Но руки, но руки...
Отбиты когда-то...

М. Д.

Мы мечемся во встречных зеркалах,
В отчаянье бездомности размножась.
Балетных тувель белокрылый взмах
И домино тугая чернокожесть.

В коробке фишки, кость стучит о кость,
Пятно руки белеет в полой раме.
Я – Арлекин, я бесприютный гость,
Ладони горсть развоплощенной даме.

Томление, глубокий реверанс,
Крыло плаща и обморочный веер.
Смещение времени – наш ненадежный шанс
Замедлить транс, совпасть в одном скорее.

Провал, проем, зигзаг и поворот.
Не ошибись: в сомнении утонешь.
И белый иней вызвездит Ашдот,
И черный град накроет твой Воронеж.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Стучится поздний гость, рвет тело неумело,
Личинкой пустоты прокладывая путь.
Подобие любви, настырная омела,
Дай мне переболеть, но выжить как-нибудь.

Ленивый интерес опять снимает пробу,
Угар звериных смут проветрился давно,
Пресыщенный зрачок сам выпросил хворобу –
Бесстыжий рот и грудь, и ниже, где темно.

Но я забыл, что там в шелках туманной кожи
Химический ожог пристрелянных сосков.
Последняя любовь на чучелко похожа
Из фантиков и фиг, фитюлек, пустяков...

Утешь меня на райском языке,
Задышливом, чахоточном Ursprache,
Ты видишь: ночь в карминовой рубахе
В ладонь стекает по моей руке
Предвестием.
Щербатый кракелюр
На полотне, приглаженном и голом,
Рвет кожу надрезом и уколом
И мечет боль за вздыбленный бордюр.
За темноту якина и боаза
Перемещает вещи и людей
В круг маленьких, но гадких лебедей,
Под медный череп рокового таза...

«Мы умерли. Зато могли дышать...»
Пауль Целан

Ну, вот и все. Мы умерли – дыши!
Карминовый закат над головою,
Омытые любовью гольши,
Взаимному подвластные прибою.

Свободе безымянности ура!
Дай имя мне надежное, простое.
Мы были живы, кажется, вчера,
И задохались в комнатном настое.

Там гибли розы желтые в глазах,
Нагие вещи мучили ночами,
Мы гнали страсть визжать на тормозах
И прогорать холодными свечами.

Мы подгрызали корни у небес,
Мы читали ересь, циники, зелоты.
Теперь мы умерли, и я в тебе воскрес,
А ты – во мне. Но я не знаю, кто ты.

Падение плодов. Я грустен, в горле – осень.
Стекай во тьму, землистый ручеек.
Надломлен ствол, смола спадает оземь,
И простыни струятся поперек.
Тьма протекла во тьму, накроет нас, накроет.
Из мрака вижу голую тебя,
Чьи губы тянутся к остывшему приборю
Сигнальными огнями корабля.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Родилась в Одессе; филолог; преподавала литературу и эстетику. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике. С 1979-го жила в Канаде. Первые годы переводила, редактировала и писала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты "Вестник". Получив новую специальность, 30 лет проработала в области компьютеров.

После долгих лет молчания вернулись стихи. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор поэтического сборника "Чернобеловики". Последние публикации – в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика". В 2016 году переехала в Австралию, в Сидней.

Строчка

Бог услышал – а песня была коротка,
может, только строка – юным, ломким фальцетом –
спасена не гадавшим, что целит в века,
недожившим, давно позабытым поэтом.
Сколько их, золотых неприкаянных строк –
жгучих искр от костра, где сгорело страданье –
услыхал и запомнил рачительный Бог
и как птиц отпустил на простор мироздания.
Что они? Где они? В ипостаси какой?
Тень и свет их – на что они падают в мире?
Где ломают устои и рушат покой
эти строки – вне дат, без имён и фамилий?
Среди нас, на земле, где фантомная боль
всё сильна... Вдруг незванным, негладным ливнем
грянут вниз из безоблачности голубой –
"Дождь слепой!" – мы кричим и хохочем наивно...
Если где-то лавину удержит гора,
умирающий встанет, война не взорвётся –
то безвестная строчка, мудра и добра,
грех чужой замолила и в воздухе вьётся.
В час отчаянья – может быть, это она

лба коснётся, и братскою нежностью строгой
не позволит душе безысходного дна,
остановит у самого бездны порога.
Может, там, где сдвигаются материки,
где творение длится в межзвёздных парсеках,
эти строки – опора творящей руки,
пожеланье творению от Человека.
А в нескладной судьбе, в обречённой борьбе
вновь “из пламя и света” рождается слово,
и другая строка прокричит о себе,
захлебнётся, забудется, канет – и снова
Бог услышит...

Последний Раз

Чужбина – мир, а мы близки друг другу,
смеясь и плача, споря и мирясь...
Но – рядом он, уже к нам тянет руку,
застигнет нас вдвоём Последний Раз.
Непредставим! – предчувствия не шлёт –
последний час истратим мы вслепую,
и весть настигнет, словно птицу влёт
незрячая, нечаянная пуля.
Мы говорим: – Люблю! – да, да, иди,
жду в шесть – не опоздай! ...Пожар, цунами,
кирпич, крушение, тромб – неотвратим,
Последний Раз, как тень, всегда за нами.
Один уйдёт – как станет жить другой? –
с одним из двух предсердий, полушарий
Земли и мозга, бывшею рукой
в потёмках по пустой подушке шаря...
Считай минуты чуда на балу,
до полночи!.. В объятии кружим мы –
последний взгляд, последний поцелуй,
последний раз, когда мы оба живы.

Вспоминая Канаду...

1. Снег

Ночью лиловеев небосвод:
стосковалась тьма по белизне –

это значит, город обовьёт
снег.

Снег над наготой, над чернотой
осени, обобранной дотла,
снег над суетой, над чередой
дней моих без худа, без добра,
над чердачной рухлядью вещей
нажитых – на выброс и в сугроб! –
над умолкшим домом, что вотще
ждал тебя... Тих, лёгок, не суров,
пряжами серебряных седин,
перьями небесных лебедей
вьётся снегопада серпантин
в лепоте своей и правоте.

Смоет, скроет, скрасит, обелит,
вышьет сказки по ночной канве...

Я усну, а снег пускай летит,
и во сне порхает из-под век –
чтобы морем бликов заиграл
ясноглазым утром голубым
сад, где ветка каждая – коралл
девственных, таинственных глубин,
чтобы утро ночи мудреней,
чтоб открылся выход и ответ,
чтобы к жизни вывел робкий след
по пречистой снежной целине.

2. Мороз

Бессчётно звёзд, мороз глубок,
планеты светят не мигая,
ночь лаконична как лубок –
вся чёрно-бело-голубая.

В стакане кубиками льда
дрожат дома, светясь изнанкой,
и предсказуем, как шарманка,
фонарь – ближайшая звезда.

Ночной автобус – золото-синий глаз из-за угла – мигнёт, и
прозрачна и беззвучна стынь – ни вздоха, шороха, ни ноты.

Морозом сковано руно

серебряное... Как на льдине
дом – иглу. И хоть бы единый
след – человеческий ли, звериный –
к порогу или под окно...

3. На озере

Спит озеро, дышит чёрными поймами.
Слился с водой берегов мазут.
Спят рыбы, что завтра будут пойманы,
и те, которые уплывут.
Спят утки, что завтра будут подстрелены,
в зловеще шепчущих камышах.
Луна посветила тускло и зелено,
за остров скрылась, совсем ушла.
И лодке моей не доплыть до берега,
на камни лечь в водяном гробу! –
но чья-то рука зажигает бережно
фонарь вдалеке – на него гробу.
Господь, не гаси ещё свет спасительный,
зачем-то берёг, дай последний шанс!
...Причал, и старик с фонарём. Спросить его! –
Уходит во тьму, ускоряет шаг.

...И нет со мной ни возгласа из хора,
ни дружеского взмаха за спиной –
одна, в театре одного актёра –
трагедия играет мной одной.
Судьбы четвёртый акт. Осоловело
зал зарится, к развязке заспеша.
Больней и горше расстаётся тело,
но всё умеет вынести душа –
почти бессмертная... И только стая
лучей на площадь, где шербатый стул –
партнёр, опора. Тень его густая –
как чёрный плащ на солнечном мосту.

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Родилась во Львове. Закончила Университет, факультет романо-германской филологии. В Австралии с 1998 года. В университете в Канберре защитила диплом по курсу "Психология". Работает психологом-диагностом в центре нетрадиционной медицины. Стихи пишет с 16 лет. В Украине печаталась в периодических и студенческих изданиях. Публиковалась в Мельбурне в местной русскоязычной периодической печати и в сборниках, а также в Германии, в том числе в альманахе «Крещатик», в России – в газете «День литературы». Пишет на трех

языках.

Хочеш не хочеш, а наше кінчається літо.
Рясним майорам ще може зо тиждень цвісти.
І павутиння за вітром нервово так літа,
Ніби в загублених напрямках позіх мети.

Хочеш не хочеш, а туга на серці розмліла.
У віковому полудні розплавилась вщент.
І горобцям, що в пилюці немає ім діла,
Все то на дощ, малюкам з того радості цент.

Хочеш не хочеш, а нас віддаляють кордони.
Час-благодійник загострення всі притупив.
Вже не цікавлять позиції, секс і пагони,
Амбіціозність сутула відправилась в змив.

Максималізм, він відплакав гіркими сльозами,
Все розділивши на білі і чорні кольори.
Хочеш не хочеш, а літо прощається з нами
І відцвітають у нашім подвір'ї майори.

Ти знову влетіла
На кшталт моім віям
Завмерла на стінці чекаючи Вія
Ото вже подія!

А тиша, як лихо що ніби не диха.
А вище над дахом, вирує провалля
Підкорене птахом.
А далі там, далі -
Зорицвіт безкрайній
Мінливий і тайний
І зустріч остання.
І вечір холодний прощальний.

Ми згораємо разом, горімо окремо.
Два розрізаних настроя
В вічних ділемах.
Нестиковні планети від різних галактик.
Дві подовжені постаті в райдужнім пакті.

Ми згораємо порізнъ розметені вітром,
На плацкартних пристанищах
Білого світу.
І вуста припечатані -
Доля кравчиня,
То від крові запеклої пам'ятка синя.

Нас розносить бідою, що кармою зветься,
Тільки в пам'яті пісня
Батьківського дому.
Нам ніяк не живеться,
І все нам минеться,
Так, без крапки, лиш з позіхом,
Навіть без коми...
Ми згораємо порізнъ...

Навпомацки йшла
І глухий знову кут,
Приречена своїм отим, безнадійним
І спокій покинув вшпільмарі спокут,
Майнув, залишивши півслід отой мрійний.
І я розімкнула зтиснений кулак,

Що завше збирав і давав мені сили-
І бачу не там і не з тим і не так-
І вся безсуттєвість, що марно бісила.
У всіх вже соломки,
Матраци з гааг,
А я навіжена
Пустилась світами.
І все то не там і не з тим і не так -
І морок віками і все межі нами.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ-ВАРИАЦИИ

Нежность ленива, нежность нахальна,
Лезет под кожу, тянет к забавам.
То виртуозна, а то аморальна.
Берег вон левый,
Берег вон праый.
Нас бережет переспелый август,
Нас бережет несозревший май.
Падает перстень, катится жемчуг,
Нежно сползает муарова шаль.
Нежность манерна,
Смешна и искусна.
Бывает улыбчива, бывает печальна.
Как соло гитары - так грустно-грустно.
Как мед на дне чашки, возьмет и растает.
Нежность аллергик.
Она как ребенок,
Рвется к свободе и часто блефует.
Вечно под кайфом, вечно на нервах,
И в перерывах, но чаще всеу.
Нежность без оклика.
Нежность без крыши.
Нежность малютки.
Нежность бездомна.
И без тревоги - панцирь улитки.
И без надежды, и часто бессонна.
Берегом левым
И берегом правым,
Руслом реки, серым асфальтом

Страсть как лавина взвизгнет фальцетом,
Хаос вокзальный - бархатным альтом.
Испепелит всех -
Кто ближе, кто дальше,
Все разнесет поздно ли, рано.
Выживут только ленивы и нежны.
Выживут только нежно-нахальны.

ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА

Родилась в городе Ростове на Дону. Окончила Ростовский институт сельхозмашиностроения и Институт патентоведения в Москве. В 1998 г. выпустила сборник "Август чувств", в 2008 г. – "Нахичевань на Дону". "Благодарение" - вышел в 2010 г. Стихи публиковались в поэтических сборниках: «Верность», «Созвучие», «Голоса сердца», «Магистраль»; в московских альманахах – «Дом стихов: лучшее» 2014.г.; «Воинская слава» 2011; «Георгиевская лента» 2015, «Наследие»

2013 -2016, «Поэт года 2013 – 2016»; «Российский союз писателей, стихи 2014-2017». Является победителем международного конкурса «Золотая строфа».

В сравненье с вечностью – что жизнь?

Кратчайший самый афоризм,
где всё так ёмко, не случайно:

разлуки, радости, печали,
запреты, взлёты и паденья,
надежды, промахи, прозренья,
восторги, таинства любви...

Всё так стремительно, увя...

Твори, пока не умер ты.

Не потому ль хочу остаться
не афоризмом святотатства,
а афоризмом доброты.

Вот вижу вновь седого пилигрима...

Вот вижу вновь седого пилигрима,
согбенного несбывшейся мечтой,
несёт он вдаль отечество с собой,
отеческим отравленное дымом...

Вослед ему презрение рабов:
- Валяй, рифмач, за манной с неба.
В его ж котомке только ломоть хлеба
да рукопись поруганных стихов.

А в рукописи той, из сотен строк,
Россия, как дитя в утробе, бьётся,
закладкой в ней берёзовый листок
да маленький пучок степного солнца.

Моя Россия

Она во мне - степною ширью,
веселой белизной берез,
она во мне, моя Россия,

восторгом зорь, раскатом гроз,
протяжной скорбью елей синих -
грехопадение и святыня.

Она ребенок мне и мать,
её нельзя отдать, отнять -
она во мне, моя Россия.

Стриптиз свободы

Стриптиз свободы, хмель, лишай стригуший
и множество других лихих затей
стригут умы юнцов Руси и души...
Кто укротит свирепых «стригалий»?
Что «стриженные» для грядущих дней?

Опричники ли, гунны, волки ль, овцы?
Ведь истая свобода – это солнце
людских сердец, умов людских и душ.
То ли патент уж на свободу продан,
Руси свободу истинного рода
калифами на час за щедрый куш?!

Деревья

Куда ведут пороги жизни,
не тропы, тропы – бегодня,
все наши взлёты, катаклизмы, –
всего лишь атрибуты дня,
а не времён, нет, не времён.
Ведь меж рождением и тризной
должны царить, дух убеждён,
не злоба, гонки, фетишизмы,
и не растворенная кровь,
а вера, доброта, любовь...
Ведь ели, клёны, тополя
неспешны, но живут веками,
кто в них посмеет бросить камень?
Им небо, солнце и земля...
Корнями – вглубь, крылами – ввысь,
Не это ль в сущности есть жизнь?!

Эта ночь без правил, без закона...

Эта ночь без правил, без закона,
ночь огня, мольбы, надежд, тревог,
ночь, что как вселенная бездонна,
ночь - мгновенна, как воды глоток.

Ночь, где лихорадит жаркий воздух,
где горчит измятая полынь,
где душа с душой, как с небом звёзды,
как со степью шалая ковыль.

Эта ночь без правил, без закона,
ночь огня, мольбы, надежд, тревог,
где луна спасительной иконой,
где ты мой земной и раб, и Бог.

ЛЮДМИЛА ШАРГА

*Поэт, прозаик (Южнорусский Союз Писателей).
Родилась в России, но уже много лет живёт в Одессе.
Автор публикаций в периодических изданиях и интернет-
изданиях России и Украины. Автор двух сборников поэзии и
прозы: «Адамово Ребро»(Одесса 2006г.) и «На проталинах
памяти» (Одесса 2008г.) Руководитель творческой
гостиной Diligans.*

Цветы Серебряного Века

Среди кричащих имяреков
молчу о том, что мир жесток,
храня Серебряного века
необлетевший лепесток.
Кричащие не замечают
сколь скоротечен их полёт,
и скорби их и их печали
вмерзают в сумеречный лёд.
И юности – как не бывало,
и воздух грустью напоён
о днях, где солнце остывало
и падало за окоём,
где край земли...
Где пепелище.
Где нынче все слова пусты.
Но Молох свежей крови ищет,
срывая новые цветы,
и воды скорбные несут их,
и я за ними наяву
до горькой истины,
до сути,
до осознания плыву, –
по тем потусторонним рекам,
куда печальны и легки
цветы Серебряного века
свои роняют лепестки.
И тают призрачные тени
невысказанных кем-то слов,

и расцветают хризантемы,
являя знаки вещей снов,
и опадают лепестками...
Всеми свой век.
Всеми свой срок.
Бесстрастная рука спускает
взведённый загодя курок.
Но даже там, где чужды лица
и так жестокосерден век,
нежданная слеза случится
из-под дрожащих бледных век
кричащих что-то имярек,
из подрастающей травы...
Где вы, таинственные реки?
Где вы...

Тревожное (диптих)

...тетрадь со стихами бросив
в какой-нибудь долгий ящик
я стану простым бариста
в ближайшей автокофейне
я буду варить вам кофе
на площади – у Собора
кому-то американо
кому-то двойной эспрессо
как будто не замечая
ползущую серую плесень
как будто не замечая
что сумерки правят миром
когда же совсем стемнеет
и фонари зажгутся
случайный прохожий скажет:
постойте-ка я вас знаю
вы жили в доме напротив
и вроде стихи писали
о городе
о грифонах
о море и о погоде
я этим стихам поверил

я думал – живут же люди
как в сказке – не замечая
что сумерки правят миром
но вы возьми да умолкни
прочтите же мне скорее
о море и о грифонах...
молчание – гавань бедствий

о нет
я сварю вам кофе
и сами вы убедитесь
его я гораздо лучше
варю чем стихи читаю
и несомненно – лучше
чем их сочинять пытаюсь
я столько слов заучила
но все они бесполезны
важнее всего не слово
а действие – чувство – дело;

я вам заплачу возьмите
за чашку американо
за чёрный двойной – с корицей
без сахара – с кардамоном
но пить я его не стану
мне кофе противопоказан
врачи говорят что сердце
не выдержит даже чашки;

и я растерянно стала
читать ему о погоде
о том что стихи – как беды
всегда приходят неожиданно
и столь же неожиданно счастье
и столь же неожиданна радость
он молча стоял и слушал
парил остывая кофе
и я поняла что смысла
немного в моём молчании

и выдвинув долгий ящик
тетрадь наугад открыла...

...смешались стихи и кофе
с корицей и кардамоном
где сумерки правят миром
где рыщет серая плесень

Ты, правда, считаешь, что это легко –
запрятать стихи глубоко-глубоко...?
В молчании – мудрость.
В молчании – сила.
В молчании – боль, что невыносима.
Себя схоронив, без сомнений – живьём,
немою обыденностью заживём,
и раны затянутся рано иль поздно...
Ведь ты утверждаешь, что всё несерьёзно,
что только в молчании кроется благо,
а там и до истины шаг,
иль полшага,
но в жилах вскипает от боли р у д а...
Становится мёртвой живая вода.

Ты, правда, считаешь, что это легко,
дуть *на* воду, зная, что там – молоко,
в молчание спрятать невзгоды и беды,
ни звука, ни слова, ни тени, ни следа.

Средь ищущих, алчущих мнимых страстей,
ристалищ, турниров и прочих затей,
стихи – это просто желание выжить
в миру, где свои убивают своих же,
где серая плесень ползёт по земле
с похмелья кровавого навеселе.
Где полнится небо смурным вороньём,

где каждый молчит о своём...
О своём.

Ты, правда, считаешь, что это легко...?

Когда-нибудь всё закончится,
и спеть о любви захочется,
о звоне спелого колоса.
Вот только... не хватит голоса.
Все те, кто молчал в запаснике,
споют и спляшут на празднике
и бросятся жизнь налаживать.
А ты похоронен заживо.
Не зелено нынче «молодо»,
и пусто в сердцах от холода,
и пусто в глазах от сытости,
цинизма и знаменитости.
Отребье анаэробное
придавит плиту надгробную,
и спляшет на общем шабаше.
А ты говоришь: душа... душе.
Иные в почёте ценности
в перформансах современности.
Мелькает чересполосица,
слова на свободу просятся,
слова о войне и голоде,
о лютом вселенском холоде,
о сводке с фронта.
О лезвии...
Побочный эффект поэзии –
седые слова и волосы.
Хватило бы только голоса...

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга

стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

ИЗБРАННЫЕ

Начинали на плечах гигантов –
Уегипетских жрецов, халдейских магов.
Сам всевышний выдавал нам гранты,
Несмотря на вопли и зигзаги.

Быть первее первых не хотели –
Так любили плотское, мирское.
Но всевышний что-то там затеял,
Как ковчег спасения для Ноя.

Мы в себя впитали, словно губка,
Всех грехов по паре, всех печалей –
Так всевышний целовал нас в губы –
Рисовал лазоревые дали.

Видно, там важнее, чем геройство –
Удержать до старости наивность.
Возмужав, теряют это свойство,
Мы ж, как Ной, храним его под ливнем.

Был потоп – всемирная помывка,
Месячник очистки от увечий –
От заслуг, регалий шитых лыком.
Чтоб потом попробовать от печки.

Продвигаться ощупью, по крохам –
Отошли моря, остались лужи.
Жить в грехе – невероятно плохо,
Без грехов – невероятно хуже.

И уж вовсе не было секретом –
Чтобы не погрязнуть в лицемерье,
Тайное должно быть без ответа,
А душа жива, пока в сомненьях.

Но сложилось точно по-земному:
Не любили, ох, как не любили –
Нелюбовь неслась от дома к дому –
Гнали тех, что родились другими,

С внутренним зарядом непокоя.
Говорили, что, жида, вам нужно?
Может быть, и не было потопа,
Выдумки – про море вместо лужи.

Небо в тучах, за птичками гонится
Моя сучка – то взад, то вперед.
Редко-редко покажется солнце,
Только выйдет – и сразу зайдет.

В парке запах травы свежескошенной,
Ты вприпрыжку и он за тобой.
А в мозгах интернетное крошево
И с нетленками чистый простой.

Новый Год наступил. По-хорошему,
Ты как в детстве чего-нибудь ждешь.

Вот бы пару идеек неношенных,
Как блестящая пара калош.

А сегодня прямо с утра – роса.
Поводок упал на траву и сразу промок.
Словно в вату падают голоса,
На Кинг стрит резко скрипнул трамвай и тут же умолк.

Прошуршал широкими шинами фо вил драйв.
Впереди разгорается красного неба клочок.
Почему-то с досадой вспомнился рыжий Трамп,
Словно я сижу в школе, не выучивши урок.

В ритме сердца пульсирует краун на казино,
Стоэтажный подросток со вчерашнего на сажень,
И на ум приходит назойливое одно –
Для прикормленных варваров стоящая мишень.

О нашей говенной, с порога корявой жизни
С придыханием, или никак.
Завидующие – отведи совиные,
Неудачу приму как дорожный знак.

И с азартом, словно снимая пенку,
От карапузства, от первой шкоды
Коллекционирую как нетленку –
Свою несуразность, свои проколы.

Досада пройдет, остаются сюжеты
(Не спотыкнешься – проскочишь мимо),
Как звезды с неба – на эполеты
И как микстура от постной мины.

Я устал от наплыва сплошного вранья
Левых, правых, проснувшихся русских,

Белокожих, цветных как ночная заря,
Уравнявшихся, сытых и тусклых.

Пошатнулся боец в виртуальной борьбе.
В бога мать, в Моисея и в Иссу!
Я устал с ними спорить до крика – в себе,
С бесконечным количеством истин.

Я в окопе, я полузасыпан во рву,
В небе щерится месяц двурогий.
Мне достался неважный наставник-гуру,
Сам себя предпочел я из многих.

Я разорван на части, меня не собрать.
И мне даже по нраву, мне в радость,
Что молва продолжает меня обвинять,
Где бы что ни случилось, ни случилось.

Я устал возражать, соглашусь, так и быть:
Это я – корень вашей тревоги.
С любопытством прочту, что успел натворить,
Пребывая на должности бога.

Желтый лист планирует под ноги –
Это осень – в чем ее винить,
Это время выпренной эклоги,
Время разглагольствовать и пить.

Время перебежек по быломu,
Реконструкций в розовых тонах,
Нежно глядя пасторальным словом
Что минуло, память запятнав.

Это время возражать лениво.
Все бывает – осень убедит.
На тарелке яблоки и сливы;
Чайник астматически хрипит.

Чашки, блюда, все как прежде, только
Осень жизни – сладкого ни-ни.
Все по рациону, все по долькам,
Все тесней один к другому дни.

Все длиннее сумерки и ночи,
Все дороже встречное тепло.
Важное приходит между прочим,
А случайность, вроде, – поделом.

Все обременительное смылось
Струями прохладного дождя.
Ничего, что главное случилось
Где-то в прошлом, где-то загодя.

ДОРОГА К ХРАМУ

Все начинают с того, что мама
Старательно моет раму,
А Таня – мячик
Роняет в реку в слезах горячих.
А дальше – дорога,
Одна из многих –
То влево, то вправо, то криво, то прямо.
Итог же величественен и прост.
Любая дорога приводит к Храму,
К Храму, который там, где погост.

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

В Австралии с 1998 г. Родился в Москве в 1969 году, образование – высшее медицинское. Как автор и исполнитель песен неоднократно выступал в России (в "Гнезде Глухаря", "Библио-Глобусе", ДК "Рублево", "Форпосте в Лужниках", в программе "Авторская песня" на радио "Эхо Москвы" и др.) и в Австралии (в концертных залах, по австралийскому радио СБС, по мельбурнскому телеканалу "Спутник"). Автор публикаций в ряде русскоязычных изданий, включая журналы "Австралийская мозаика" и "Интеллект", литературных сборниках "Уроки русского", "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", альманахе "Витражи", российском альманахе "Поэт года 2011" и др. Лауреат и дипломант различных литературных и бардовских конкурсов, среди которых – Грушинский международный интернет-конкурс (2014 г.).

Ворожее

Меня? Приворожить?

Да полно, крошка!

Хозяйка в доме, кошка на окошке,

Горшочки-вазочки, салфеточки на полке?

Да разорвут меня мои же волки!

Приворожить!

Ты, видимо, не в курсе,

Кто был учителем моим в шаманской бурсе.

Я сам приворожу кого угодно!

Вчера – ты помнишь – ты была свободна,

Летала-плавала, парней водила за нос,

Что от вчерашней от тебя осталось?

Твой мир уже сжимается до точки,

До шва кривого на моей сорочке –

Где левое плечо, где ты, щекою

Прижавшись, мягко путалась рукою

В моих кудрях.

Приворожить!

Бедняжка,

Тебе теперь, пожалуй, будет тяжело.

А мне – я что, я у себя, я в море,
Здесь все по мне – ни берега, ни горя...

.
Вот только шепот твой в ушах никак не гложет
Да левое плечо болит да сохнет.
2019

Чайку разбудит рассвет, и в маджентовой дымке
Чайка взлетит, чтобы крыльями выкроить образ.
Образ подхватит волна и озвучит идею,
Звук обернется скалою в проснувшемся море.

Солнце, взглянув на картину, не сдержит улыбки –
Нет ничего совершеннее в утреннем мире
Этой скалы, этих звуков и запахов моря –
Пена, взлетая, коснется карминовых крыльев...

Волны могли бы жить вечно, когда бы не скалы.
Скалы могли бы жить вечно, когда бы не волны...
Соль одиночества – в вечном стремлении друг к другу,
В красках рассвета и свисте распахнутых крыльев.
2019

Внезапно – сбросим пыль и скуку,
А повезёт, и лишний вес –
Рука опять отыщет руку
И ухмыльнётся старый бес.

Что ж, ухмыляйся на здоровье,
Шути, гуди в свою дуду.
Чернила подменяешь кровью?
Забыл? – Чернила не в ходу!

И как тебе не надоело
Играть затасканный дебют?
И что, прости, тебе за дело
До чудаков, что здесь поют?

Зачем толкаешь нас друг к другу,
Что ожидаешь в этот раз?
Ведь всё опять пойдёт по кругу –
Ты это знаешь лучше нас.

И знаешь – случай был дознаться –
Мы душ своих не продаём!..
Но продолжает улыбаться
Заведующий святым огнём.

Ему не привыкать, похоже,
Такое слышать вновь и вновь.
И на рогатой доброй роже
Под бровью светится... любовь.
2010

ПЕРЕВОДЫ – PEREVODY

Редактор Галина Лазарева

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

Родился 18 июня 1950 года в Москве. До отмены в СССР цензуры печатался как поэт-переводчик; опубликовал множество переложений из Китса, Уайльда, Киплинга, Рильке, Рембо, и других. В 1990-е годы подготовил к печати четырехтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова и многое иное. В 2003 году создал сайт «Век перевода»

(www.vekperevoda.com), в 2005 и 2006 годах издательством «Водолей Publishers» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода XXI века – «Век перевода». Лауреат премии «Серебряный век» за 2014 год, эксперт Союза переводчиков России, поэт, переводчик, романист, главный редактор издательства “Водолей”. Живёт в Москве.

Из ирландской поэзии XVIII века

Эган О’Рахилли
(ок.1670-1726)

Гибель великих родов Ирландии

1

Маккарти лишены престола:
Вожди минувших дней забыты
В стране беды и произвола,
В стране, лишившейся защиты.

2

Страна угасшей славы Миля,
Страна под чужеземным гнетом,
Страна, чье сердце заклемили,
Страна, жестокая к сиротам.

3

Страна немая и слепая,
Страна без сына и супруга,

Страна, что гибнет, утопая,
Страна смертельного недуга.

4
Страна без благодати церковной,
Страна, исклеванная враном,
Страна ничтожности духовной,
Страна, покорная тиранам.

5
Страна без солнечного света,
Страна, где радость позабыта,
Страна, что донага раздета,
Страна, что стала жертвой бритта.

6
Страна, где больше нет героев,
Страна, где нечем вдохновиться.
Среди врагов, среди изгоев
Исплакавшаяся вдовица.

7
Она печальна и сурова,
Она от слез почти ослепла,
Ее чело как уголь, багрово,
Ее уста чернее пепла.

8
Ей неоткуда ждать побряжки,
Вся плоть ее – сплошная рана,
И для нее ошейник тяжкий
Откован в кузнице Вулкана.

9
Среди разгрома и позора
Ревет ватага воровская,
Ликует брестольская свора,
Пролившуюся кровь лакая.

10

Нет ни листка на голых сучьях,
Источники заледенели,
Туман лежит на горных кручах
И солнце светит еле-еле.

11

Не перечеть примет разлада,
Печалей гибнущей природы,
Едва прозябшая рассада
Спешит на поиски свободы.

12

От Гриффинов – одни осколки,
Край Хеджесов жестоко выжжен,
В поместьях Бларни воют волки.
Рат-Лурк разграблен и унижен.

13

На Шанноне чужие твари.
На Лиффи лагерь супостата.
Покоя нет священной Таре.
О'Райли сгнули куда-то.

14

Ушел О'Мур, терпеть не в силах.
О'Флаэрти судьбой измаян.
О'Догерти лежат в могилах.
Стал англичанином О'Брайен.

15

В краю О'Рурков – плач и горе.
И Берк, и Бритни – жертвы рока.
Земля О'Доннелов в позоре.
К Фицджеральдам судьба жестока.

16

О Троица, подай нам милость,
Избавь от чуждого закона:
В позорном рабстве истомилось
Потомство Эйвира и Конна.

17

Сверши, Господь, благое дело:
Не дай нам сгинуть среди отребий,
Верни свободу землям гэла,
Верни стране счастливый жребий!

Связка

Тоска среди городов унылых.
Ликует в Бларни рать чужая,
Тех, кто противиться не в силах,
Без наказания унижая.

Сапожки

1

Я стал владельцем княжеского дара,
Какого не сыскать дороже:
Мне вручена изысканная пара
Сапожек из испанской кожи.

2

Сапожки – образец работы чудной,
Сапожки – наилучшей моды,
Сапожки – средство от беды простудной,
Сапожки – для любой погоды.

3

Сапожки – красота носка и пятки,
Сапожки – для стопы услада,
Сапожки – без царапины, без складки,
Сапожки – словом, то, что надо.

4

Сапожки, мне подаренные ныне,
Сапожки, что умело сшиты
Из кожи той коровы, что в пустыне
Гигант стерег многоочитый.

5

Но Феб, чья страсть вовек не утолится,
Принудил Кадма к дерзкой краже,
И в темноте прекрасная телица
Ушла из-под надзора стражи.

6

Сапожки из намягчайшей кожи,
Шедевр искусства настоящий,
На холоде настолько же пригожий,
Насколько на жаре палящей.

7

Иглы сапожной нет другой на свете
Что нитью их скрепила туго;
Ее, как выкуп, Туйреновы дети
Доставили для бога Луга.

8

Таких сапожек не нашлось в наследстве
Стрелой сраженного Ахилла;
Утрата их сильнее всех прочих бедствий
Аяксу разум помутила.

9

Рать мастеров, творя сапожки эти,
Отнюдь с работой не спешила;
Ушло в подземной кузне семь столетий
У демонов на ковку шила.

10

Стигийской коноплей разжившись черной,
Скрутили нить три мастерицы,

Ее скрепили силой чудотворной:
Не разорвать, как говорится.

11
Берег их Дарий, как зеницу ока,
Но македонец отобрал их,
Великий Цезарь был убит жестоко
Из-за сапожек небывалых.

12
Из-за сапожек у богов в обычай
Вошло войной грозить друг другу;
Их числил Красный Дерг своей добычей,
И завещал их Балор Лугу.

13
Их в замке Сэнви сиды сохранили,
Они у Ивиль обитали,
Они чужды и сырости, и гнили,
И вот они моими стали.

14
Великий Домнал, вождь, герой любезный,
Сын Кахала, известный всюду:
Сапожки, дар его многополезный
Носить с почтением я буду.

15
Они – спасенье от беды падучей,
От астмы и от прочих хворей,
Они предотвратят несчастный случай,
Смягчат отчаянье и горе.

16
Могучий Оскар, баловень удачи,
Их получить хотел упорно,
Из всей Фианы славный наипаче,
За них боролся Голл Мак Морна.

17

Искали их Кухулин и Ку Рои:
О том не счесть известий верных,
Их Медб найти пыталась, и герои
Ниал Глундуб и Конал Кернах.

18

При Клонтарфе для Дунлайнга Второго
В бою сгодилась эта пара,
Будь Мурхад в ней, – глядишь, не так сурова
Была б назначенная кара.

19

Средь знати Кашела блистает ярко
Блюдущий древние обеты
Муж, удостоивший меня подарка –
Сапожек тех, что здесь воспеты.

20

Давным-давно средь англичан живущий,
Но, чуждых нравов не изведав,
Средь пошлости заморской только пуще
Он наших чтит отцов и дедов.

21

Гостеприимец, ласковый к поэтам,
Сомненьям чуждый и порокам,
Благой философ-меценат, при этом
На мир глядящий трезвым оком.

22

И не нужны ему ни в коей мере
Цепочки родословий длинных:
И без того всех благородней в Керри
Семья О'Доннахи долинных.

Связка

Сапожки предпочту любым сапфирам
И в путь пущушь небезопасный,

Моя утеха в прозябанье сиром –
Подарок Доналла прекрасный.

Необходимое примечание:

Что касается Феба, Кадма и коровы автор перепутал решительно все. Зевс (а не Феб) похитил Европу, сестру Кадма, который был послан своим отцом, Агенором, на ее поиски. Посоветовавшись с Дельфийским оракулом, он получил указание следовать за некой коровой и построить город на том месте, где она ляжет [Фивы]. Желая принести корову в жертву, он послал за водой к колодезю Ареса, страж которого, дракон, убил посланников. Тогда Кадм убил дракона.

Опять-таки Зевс (а не Феб) превратил свою возлюбленную, дочь аргивского царя Ио в белую корову; но Гера, увидев корову, потребовала, чтобы Зевс ей ее подарил. Зевс отказать не мог, и Гера приставила стоголазого Аргуса Панопта ее стеречь. Тогда Зевс приказал Гермесу (а не Кадму) убить Аргуса и выкрасть Ио. История в тексте - любопытная смесь обоих мифов. Зевс перепутан с Аполлоном, Кадм с Гермесом и Ио с Европой.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Из Джалалладина Руми (1207 - 1273)

Вольные переводы

У влюблённых дыханье и сердце – одно на двоих,
Так срослись и сплелись, что и тело – одно на двоих,
Если кажется: любящих двое – ты сбился со счёта,
Или зренье проверить пора – где ты видишь двоих?

То ли мы позади, то ли спереди мы,
Сверху или внизу, среди света иль тьмы?
Словно кисть, что танцует в руке вдохновенной,
Мы в себе не вольны – и не знаем, где мы.

Я научусь любить – у света твоего,
И песни сочинять – у сердца твоего,
В груди моей ведёшь ты танец свой незримый,
И лишь в моей строке – тень шага твоего.

Далеко от любимой – всю ночь я без сна...
Ну а рядом с любимой – я снова без сна...
Как Аллаха, я славлю бессонниц блаженство,
Далеко – или рядом со мною она.

Ты обнаглел – ты во мне, словно в доме, живёшь,
Яростной кровью по венам горячим течёшь,
Каждую клеточку плотно заполнил собою,
В сердце пробрался, хоть я и брыкалась: не трожь!

Только лишь имя пока что осталось со мною,
Да и его я готова отдать ни за грош.

У любимой в садах – только светлые, чистые сны.
У любимой в глазах – ни беды, ни разлук, ни вины.
Говорят, у сердец есть окно, чтобы видеть друг друга –
Да какое, к Аллаху, окно, если нету стены?

Что влюблённый рассеян, безумен, неряшлив – не грех!
Что подруга его и щедра и беспечна – не грех!
Кто там трезв и практичен? вот вам и корпеть над счетами,
А влюблённых оставьте – ей-богу, так лучше для всех.

Я пришёл поцелуя просить у любимой моей;
Мне сказали: входи, только жизнь положи у дверей.
И бежит со всех ног моё сердце к единственной жизни
И кричит: отдают по дешёвке! плати же скорей!

Как искал я тебя, не теряя терпенья – глупец!
По горам и морям, городам и селеньям – слепец!
Я не знал: те, что истинно любят, рождаются вместе,
И друг в друге живут, слыша стук неразлучных сердец.

Вы, при жизни познавшие вечной любви благодать,
Не пугайтесь, коль смерть вам предложит немного поспать:
Смерть – всего лишь второе рождение для сердец не спящих,
Так живите смелей и рождайтесь, рождайтесь опять!

Бесконечность и вечность с любовью всегда заодно.
Тем, кто любит – ни страха, ни смерти познать не дано.
Если сердце не знало любви – не пройдет испытанья
В день, когда на земле будет лишнее всё сожжено.

Сколько помню себя, с детских лет я искал и искал тебя всюду,
А сегодня узнал и увидел – и больше уже не забуду.

Кто шутил и смеялся вчера надо мной – мол, чего ты искал?
Нынче каются в том, что устали искать – только я не устал!

Я хотел бы, чтоб дал мне Аллах сотню рук, сотню губ, сотню глаз,
Чтобы грозной твоей красотой насладиться сильнее в сотню раз.

Ты мне в душу влетела, как ветер с сияющих синих морей,
И я стал – беззаветно – и солнечным светом, и тенью твоей.

Разве это земная любовь? так нелепо звучит и убого...
Говорю – неземная любовь! и боюсь, что прогневаю бога.

ОЛЕГ БАБИНОВ

Уильям Батлер Йейтс (1865 - 1939)

Эй грустит о небесных шелках.

Если б дал небесных мне Бог шелков,
На которых золотом вышит свет,
Ярких, тёмных и матово-синих шелков,
Где ночной и дневной, и меркнувший свет –
Я б стелил те шелка у твоих ног.
Но не дал мне Бог ничего, кроме грёз
И я грёзы стелю у твоих ног –
Будь нежна, ступая на шёлк моих грёз.

Горечь любви.

Гам воробьёв на утренней заре,
и свет луны и звёзд в канун зари,
и листьев переключка во дворе
скрывают вечный, горький крик земли.

Но ты пришла с печалью на губах
и принесла всю горечь слёз людских,
всю скорбь, что ты нашла в былых веках,
всю грусть, весь тяжкий груз судов морских.

И вот уже войнушки воробьёв,
свет белых звёзд, творожный лунный блик
и пение листвы со всех краёв
двора не глушат вечный, горький крик.

Леди Огаста Грегори (1852 - 1932)

Юный Донэл

прошлой ночью мой пёс говорил о тебе
и бекас говорил на болоте своём
одинокую птицей пролетал ты в лесу
и не свить гнезда тебе без меня

а ведь ты обещал и не стыдно врать
что будешь моим пригнав отару домой
я звала тебя плакала триста раз
да нашла только бляющую овцу
а ведь ты обещал да под силу ль тебе
о серебряной мачте золотую ладью
дюжину ярмарочных городов
белокаменный терем на берегу морском

а ведь ты обещал да не в силах свершить
перчатки из кожи гадов морских
туфли из кожи небесных птиц
шелка из далёких восточных стран

без тебя прихожу к колодцу своей тоски
без тебя говорю ему о тебе
без янтарных прядей твоих мой друг
вижу Божий мир таким пустым без тебя

в воскресенье себя тебе отдала
в воскресенье перед Седмицей Страстной
на чтении Христовых Страстей
пылала страстью к тебе одному

ведь учила ж мать избегать тебя
хоть сегодня хоть завтра да и в Светлый День,
опоздала она с ученьем своим
что за прок в замке коль ограблен дом

как терновник сердце моё черно
как тот уголь что в горне у кузнеца,
как подошва старого башмака
без тебя крошечна судьба моя

это ты украл у меня восход
это ты украл у меня закат
всё что было раньше и то украл
и украл всё то что будет потом.

это ты украл у меня луну
ты и солнце теперь у меня украл
без тебя так страшно и я боюсь
что и Бога ты у меня украл

Возмущение против любви.

Три демона сердце гложут моё –
я пуст, не владею – увы! – ничем.
Первый демон – хворь, а второй – любовь,
а третий демон – в кармане дыра.

Бедность взяла рубаху мою,
мои башмаки и мои штаны.
Болезнь забрала сноровку ума,
силу рук и проворство ног.

Любовь же оставила меня тлеть:
я теперь уголёк, я – болотный торф,
а она – как простуда, как кашель, как жар,
проКлятей всех проклятий земли.

Беспросветной нищеты злей
демон по прозванию Любовь.
Если б и молодость смог вернуть –
не целовался бы, не целовал.

ВЛАДИМИР СЕВРИНОВСКИЙ

Путешественник, писатель, журналист, продюсер документального кино. Родился в Москве. Пока не надоело, делал карьеру. В последние 7 лет пытается понять свою страну, для чего ездит по ее регионам. Эксперт по этнографии Северного Кавказа. Лауреат литературных премий "Неизвестная Россия", "Север - страна без границ", "Голос Севера", "Искра Юга" (троекратно) и т.д. Лауреат премии "Пушкин в Британии" за лучший поэтический перевод.

Мервин Пик (1911 – 1968)

О пигмеях, пальмах и пиратах,
Бочках рома, дальних городах,
О кровавых призрачных фрегатах,
Квартеронках, скалах и китах,

О фламинго, пирамидах майя,
О горах, что вам не по плечу,
Я почти что ничего не знаю
И, пожалуй, лучше промолчу.

Вот о нашей стороне родимой,
О березках, дровнях и стерне,
И о том, как здесь суровы зимы,
Но ничуть не лучше по весне,

О селе, где пахарь богомольный
Теплит в старой церковке свечу,
Я уже успел сказать довольно,
И, пожалуй, тоже промолчу.

* * *

Один чудака пришел ко мне,
И вдруг воскликнул он:
"В твоём лице, на самом дне,
Я слышу чудный звон!"

Вздыхнул, прислушался опять,
И снова тот же бред:
"Любезный друг, к чему скрывать?
Ты - звонкий, спору нет."

Но я, серьезен и угрюм,
Сказал: "Пошел отсель!
Я бизнесмен! На мне костюм,
В руке моей портфель!"

"Твой камуфляж довольно мил,
Но все же слишком слаб.
Не скроют символы могил
Того, что ты – не раб.

Лоб низок, нос весьма убог,
И все ж они звенят,
Как серебристый ручеек
И бубенцы ягнят.

Ты знаешь – каждый убежден,
Что может стать творцом.
Все издают какой-то звон,
Но только не лицом.

Таких, как ты, почти что нет,
О истинный звонарь:
Один – бизон, другой – поэт,
А третий – русский царь.

Их звон подьмелется до крыш
Весеннею порой,
Но ты их всех перезвенишь
Одной своей ноздрей.

Ты только не гони взашей
Союзника в борьбе,
И сотни страждущих ушей
Потянутся к тебе!"

Никто бы устоять не смог,
Услышав эту речь.
Мой ум бурлил, как кипяток,
Разил, как грозный меч.

Портфель я бросил в тот же час,
Пиджак откинул в грязь,
И под дождем пустился в пляс,
Ликуя и смеясь.

Мог видеть каждый за версту,
Что я, костюм поправ,
Метафизически расту,
Как молодой жираф.

Мой звон, усиленный стократ,
Заполнил целый мир,
И правду молвил адвокат,
И подобрел банкир.

О, как свобода хороша
От горечи земной!
Я знаю, впредь моя душа
Не будет зла со мной.

* * *

Когда надежды догорят,
Настанет смертный час,
Отрубит уши злой пират
У каждого из нас.

Среди неведомых широт,
Под рев китов-убийц,
Он паруса из них сошьет,
Как будто из тряпиц.

О уши! Знаю без прикрас,
И грустно мне до слёз,
Что перед бурей будет вас
Сворачивать матрос.

Чарльз Косли (1917 – 2003)

Медведь

Мне мама говорила, как
На старом рынке у моста
Большой медведь плясал трепак
Под дудку ловкого шута.

Скакал, оковами звеня,
Усердно шлепал среди луж,
И хохотала ребягтя
Над тем, как был он неуклюж.

Как, верный воле дударя,
Шагал он марш, на тумбу лез,
Как по команде за царя
Он умер и опять воскрес!

А после с кружкой подошел,
Пахнул зверьем горячий мех,
И так был взгляд его тяжел,
Что замер мамин стыдный смех.

Забыв давно о циркачах,
Она запомнила навек
В его слезящихся очах
Далекий лес и белый снег.

Дом у мельницы

Дом у мельницы отец
Приобрел, и каждый день
Молчаливо, как мертвец,
Через сад ходила тень.

В черном с головы до пят
И с вуалью на челе -
Словно дух покинул ад
И гуляет по земле.

Шла с корзинкой, и за ней
Отыскать мы не могли
Ни изломанных стеблей,
Ни следов ее в пыли.

Но садовник, юный Билл,
Рассмеялся: "Ерунда!"

Он бездельничать любил
На лужайке у пруда.

"Привиденья - это вздор!
А на вас наводит жуть
Бабка Злорби, через двор
В магазин срезая путь".

И как только тень опять
Отворила дверцу в сад,
Мы решили ей сказать,
Что гостям тут каждый рад.

Лик - белее полотна,
Щеки вспыхнули огнём.
"Кто, - воскликнула она, -
Имя вам назвал мое?"

"Билл-садовник".
Горький взгляд.
"Помню давнюю беду -
Билли много лет назад
Утопился здесь, в пруду".

ΠΡΟΖΑ
ΑΖΟΡΠ

ЕФИМ ГАММЕР

Поэт, прозаик, художник. Закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 20 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины : «Литературный

Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Белый ворон», «Новый журнал», «Слово\Word», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель «LiteraruS – Литературное слово», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Урал», , «Сибирские огни»,»,», «Север»,», «Настоящее время», «Новый берег», «Эмигрантская лира», «Дальний Восток», «Белый ворон», «Русское литературное эхо», «Новый свет», «Кругозор» и т.д. «Золотое перо Руси», 2005, 2010.

Живет в Иерусалиме.

□ Ефим Гаммер, 2016

ТРЕМІ НАПАРУ С ПАМ'ЯТНИКОМ ЛЕНИНУ

повість

(продолжение, начало в «Витражи» 2018)

5

Васька сдал официанта-посудоглотателя и нескольких радивых «открывателей» памятника в клинику для придурков, в надежные руки врачей и медбрательников. Они, конечно, хотели заполучить и памятник, но Васька сослался на приبلудного старьевщика, который сблатовал забронзовелого громилу сходить на примерку в контору по сбору утильсырья.

– Вот когда примерится на сколько баксов тянет его пальто, тогда и приведу. А то подлечите где не надо и выгоните потом наружу – в одном исподнем. Судись с вами... В сумасшедший дом упечете.

– Не упечем, – лгали потенциальному пациенту работники психического труда и их подмастерья из цеха заплочных дел мастеров. – Зря вы так о нас, профессия наша гуманная, правда, оболганная в советские времена всякими-разными диссидентами.

- «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана», – напомнил Васька популярный стишок семидесятых, рожденный под влиянием освобождения Владимира Буковского.
- Глупости! – выделился из группы медперсонала самый башковитый, в белой шапочке-домике, при очках, благородной седине и бородке клинышком. – Честь имею, профессор Вирусов.
- Васька Брыкин, артист, когда не автор и режиссер-постановщик
- А когда автор, тогда, следовательно, канаете под Есенина? Похулиганить хотите?
- Напротив! «В первый раз я запел про любовь. В первый раз отрекаюсь скандалить».
- И правильно поступаете. Мы не специализируемся на хулиганах. Мы – большей частью – по контактерам.
- Не тем ли пентюхам, что с инопланетянами якшаются?
- В курсе?
- Эко диво! Я как раз оттуда, где этот предмет не в психиатричке изучают.
- Да неужто? Не поделитесь ли опытом? – задрожал от возбуждения профессор от психиатрии, с вожделением потирая ручки.
- Записывайте! Данные запротоколированные, проверенные «от» и «до».
- Правда, засекреченные. Но вам доверяю. Не разгласите. А разгласите – сами попадете в сумасшедший дом, но уже не на работу.
- Ну? – теребил Ваську профессор Вирусов. – Записываю, – вынул шариковую ручку из накладного кармана халата, и на обложке папочки, протянутой медбрательником, вывел: «История болезни». – Слушаю, молодой человек.
- Главная ошибка всех контактеров да и вообще всех прочих в том, что они думают, будто инопланетяне только сейчас, с развитием нашей техники, стали выходить на прямой контакт с нами, полагая, что мы созрели до восприятия их чужеродных физиономий и укороченных до младенческого роста зелененьких фигур, – заученно начал Васька делиться «Шарашкиной» информацией, предназначенной для служебного пользования.
- А на самом деле? – доверительно поинтересовался профессор.
- На самом деле все иначе. Инопланетяне не дураки. С незапамятных времен они приставили к нам своих наблюдателей – соглядатаев. А мы, пентюхи, настолько с ними свыклись, что считаем их детьми Земли.
- И кто же это? Позвольте узнать.
- Кошки. Они и есть, еще со времен постройки пирамид в древнем Египте, самые настоящие инопланетяне, на контакт с которыми мы мечтаем выйти. Недаром, их никто окончательно не приручил. И они ходят сами по себе. И контакат по ночам на крышах самостоятельно. Вместо нас. С неземными мирами, хвост задрал до небес, как антенну.
- Не убедительно.
- Тогда другой клинический случай.
- Тоже запротоколированный?

- Тоже.
 - И с грифом – «совершенно секретно»?
 - В нашей «Шарашке» иначе и не бывает.
 - Любопытно, как это вы попали в такую «Шарашку», что ей все про всех известно, а нам про нее – никому?
 - Дело житейское. Просто, в 1982 году, когда Тель-Авив пошел войной на террористов в Ливане, еврейское начало во мне вызвалось добровольцем в израильскую армию, татарское воспротивилось, а русское донесло. В результате всем троим дали за компанию по ребрам и посадили за намерения.
 - Какие?
 - Перехода границы в самой узкой ее части.
 - А где эта, самая узкая часть расположена, позвольте спросить?
 - Там же, где и весь вселенский простор. В мозгу.
 - Любопытно, любопытно. А вы, случайно, не Коперник? Не Джордано Бруно? Не Галилей? Вы не чувствуете позыва воскликнуть, допустим, перед судом инквизиции: «А все-таки она вертится!»?
 - Не вертится, а крутится. Как вошь на гребешке.
 - Новое слово в науке? Небось, в астрофизике?
 - В астробиологии. У вас ведь на повестке дня контактеры и космические засланцы. Я не ошибся?
 - «Повестка дня» – это уже серьезно. Я вас слушаю.
 - Космический пришелец номер один... Раковая опухоль! Засылается к нам из гуманитарных соображений – для контакта с человеком. Но когда созревает по возрасту для общения, клиенту уже до лампочки братья по разуму – клиент о Боге думает.
 - Он не брат?
 - По разуму вряд ли, если наша основная проблема до сих пор – дураки и дороги.
- Профессор Вирусов посмотрел на мордорезов – медбрательников, бывших чемпионов по тяжелой атлетике Гошу и Кешу, на кокетливую медсестричку Дуняшу, с ямочками на оголенных коленях, куда хотелось влить граммилку забористой, когда она садилась на колени к нему, и воочию убедился: Бог им не брат – ни по разуму, ни по представлениям о нем.
- Умно, – сказал Ваське, сконфужено пошмыгав носом. – Но позвольте мне, как человеку с высшим медицинским образованием, все же усомниться в гуманитарном предназначении раковой опухоли и не поверить вашим аргументам.
 - Почему же тогда, уважаемый придурками доктор, предлагаете верить вашим заверениям, в отношении хулиганов?
 - Не специализируемся, время их вышло.
 - А если проверить?
 - Проверяйте.
 - А ведь и пойду!

- Идите-идите, мил-человек. Адрес известный. Прямо по коридору, и налево. Дверь – с войлочной обивкой. Сама открывается. Сама закрывается. Вход бесплатный. Смотрите-любуйтесь: шестая палата. За показ деньги не берем.
- И никаких медицинских тайн?
- Никаких!
- Даже советских?
- Советские уже вывезли за рубеж.
- Диссиденты?
- Они самые, не олигархи! Олигархи в башлях не нуждаются. А эти... Государственные тайны продали Янкам-дудл, в ФБР и ЦРУ. Ну, а те во весь карьер наши разработки теперь по живому испытывают. На пленных иракцах, либо талибах. Испытуемые совсем озверели, а испытатели не нахвалятся.
- А мы?
- Мы их теперь, в свою очередь, разоблачаем. По телевизору и в газетах. Пресса-то ныне у нас свободная!
- В сумасшедшем доме?
- И в сумасшедшем! Мы ведь не дурнее других. Даром что дефолтом стукнутые.
- Тогда пора скинуться!
- На что?
- А вы – что? Прессу не читаете?
- У нас своя.
- Вечная история. У вас своя. У них своя. В каждом сумасшедшем доме своя пресса. Вы даже и не знаете, что у соседей происходит.
- А что? Уже выпускают?
- Меня, видите, выпустили.
- Видим. А зачем – не поймем.
- На поиски спонсора.
- Ну-у...
- А если всерьез, то складчина у нас намечается. На поминки Абдуливана Петровича.
- А-а-а. А кто он такой будет для нашей науки психиатрии?
- Директор соседнего сумасшедшего дома. И врач – ори-ен-то-лог.
- Из тех, кто хорошо ориентируется на местности и в политической обстановке? Или из тех, кто хорошо ориентируется в птицах, из орнитологов, как принято их называть на научном совете.
- Из тех самых. Но он не перелетной тварью занимался, а той, что в хозяйстве пригодится и меню украшает – курицей, уткой, индюком, пока не заразился на сытый желудок и не сдох от ихней заразы.
- Птичья гриппоза... По вашей версии, небось, она тоже инопланетного происхождения?
- Гриппер – наш, волчьей хватки, со знаком качества.
- И нет против хватки такой никакого приема?

- Это против лома нет приема. А против гриппера прием известный.
- Какой?
- Прием во внутрь.
- Рецепт целебной настойки не подскажите?
- А то! На литровку водки полголовки чеснока, пяток лавровых листков и семь капель йода из чистой пипетки. Все это размешать, и по стакану три раза в день.
- Почему – три раза, а не четыре, например? Дабы не навредить?
- А чем опохмеляться наутро?
- Разумно. Значит так, записываю. «Три стакана в день, а наутро...»
- Наутро, с опохмелу, можно валить в Копенгаген, за Нобелевкой.
- Не опробовав снадобье на людях? Проведя эксперимент лишь на себе?
- Баксы есть?
- Что?
- Баксы – для закупки ингредиентов, черт их побери, не выговорить!
- Ну... с этого бы и начинал. Баксуй-буксуй, мил-человек, где – поденежной. Мы тебе не помощники. Нам – на обход пациентов.
- И я с вами. Ради науки. Вскладчину собираем на ингредиенты, эксперименты проведем на себе, Нобелевку получим, обмоем ее чин-чинарем и, глядишь, опять сообразим – не психи какие, гомосапиенсы разумные-прямоходящие. Мы ведь как живем? По понятиям. Сами отраву намастырим, сами создаем для нее противоядие. Иначе – никак, иначе – не люди, а инопланетяне приперты.
- Какие из нас инопланетяне, когда мы национальным духом пропитаны?
- Ну, это уже из сказок – «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!» – засомневался Васька, вспомнив, что он русский только на треть, правда, главенствующую – в паспорте.
- Позвольте-позвольте. А национальная идея?
- На нынешнем этапе не сформирована.
- А если помозговать? Вспомним о княжестве Московском – собирателе Руси. Об атамане Ермаке, присоединителе Сибири. О поэте Лермонтове, героическом участнике Кавказских войн. О живых носителях русской идеи.
- Объединительной?
- Разумеется, объединительной для разных народов, населяющих нашу огромную Родину.
- Так тут и вспоминать нечего! – загорелся Васька Брыкин. – В кого пальцем не ткнешь, он и есть природный носитель этой объединительной национальной идеи. Я, например, самый доступный для вас на данный момент представитель объединительной национальной идеи. Папа - Ясак Анатольевич – по маме татарин, по отцу русский, мама – Розалия Моисеевна – вся целиком «аидыше маме». Так что принимайте, дорогой мой человек от науки психиатрии, живая национальная идея в натуре!
- Физически, может, и так. Большевики постарались, смешали все нации. Но духовно...

– Духовно еще проще. Татарин во мне, предположим, водку и на дух не переносит, русский, наоборот, душу ею согревает, а еврей, когда с похмелья трещит голова, держит за них, размордованных в ресторане, ответ перед начальством и попутно доказывает: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!»

– А в синагогу твой еврей их не потащит?

– Какая синагога? Евреям миссионерство запрещено. Да к тому же я еврей номинально, даже не по паспорту.

– Из потерянных колен Израиля, выходит?

– Меж!.. И нечего кивать, как всегда, на один лишь Израиль.

– Не понял...

– Чего не понять? Меж потерянных я колен. И русских, и татарских, не только еврейских. Все потеряны, а я найден. И где? Меж! Родители постарались – отыскали, да и советская власть помогла. Как тут не принять за помин души Абдуливана Петровича? Тоже русский человек смешанной национальности. Как «ерш», если на алкогольный манер определять человека.

– Ладно, уговорил, – вздохнул профессор Вирусов, смахивая из-под раскосых, подобно глазам, очков непрошеную слезинку.

– Заодно и пострадаем за науку.

– Ага! По сколь скидываемся? Мелочишку так и быть, отсыпем на развод, дальше, милоч, сам соображай. А то шизики заждались братьев по разуму. Так что дуй к ним, браток, только хвост держи трубой, иначе на контакт не выйдут. Васька и дунул, раз позволили.

В психолечебнице кипела жизнь, но Васька, прикидываясь посланцем инопланетного разума, напоминал о вечном успокоении в космосе, когда до звезды подать рукой, даже если ее и нет в наличии, так как в наличии присутствует только дух, да и тот Божий. А тем, кто сомневался в его небесном происхождении – студентам, не способным без шпаргалки рассуждать здраво, – он представлялся аспирантом-общественником из соседнего лечебного заведения, той же, если говорить о складчике, профессиональной направленности – на выпить и закусить. И деловито заимствовал на помин души Абдуливана Петровича расхожую мелочовку, недостающую для закупки ингредиентов на целительное снадобье.

Притягательное слово «поминки» действовало безотказно. И на впечатлительных эскулапов, с кем поговорить о белой горячке можно и вне психушки, скажем, на кухне за рюмкой водки. И на их малоумных пациентов, помнящих с детства из Маяковского: «класс, он тоже выпить не дурак». (А кому в сумасшедшем доме климатит выглядеть дураком?)

Опуская звонкую монету в заимствованную Васькой в дежурке наволочку, каждый жертвователь невольно задумывался: «Почему бы и впрямь не поразвлечься на поминках? А то совсем скисли. Позабудешь за психами, как рвануть под баян да вприсядочку! Сплошь да рядом дискотеки, музыка «под фанеру», певцы «под фанеру», а нет, чтобы – «выткался на озере алый свет

зари» или «только слышно – на улице где-то одинокая бродит гармонь». Или еще чего в стихах да с мелодией.

Под рукой ни у медиков, ни у придурков стихов не было. Не было под рукой и достойной для заимствования мелодии. Поэтому «Объявление о явке» они доверили написать провозвестнику инопланетного правописания Ваське Брыкину. Он и написал. Красным фломастером на ватмане. Правда, не в рифму и без музыкального сопровождения. Зато четко и ясно. На языке, доступном даже клиническому идиоту. С указанием точного адреса и с деловой припиской: «Местком с ограниченной ответственностью».

Васька прикнутил «Объявление о явке» в приемном покое на входной двери, и для пущей важности вывел жирными буквами внизу: «Дебилов с собой не приводить! Напьются-подерутся – милицию вызовут. А там потом не разберешься, кто просто больной на голову, а кто оборотень в погонах».

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА

Журналист с полувековым стажем работы в России. Четверть века работала главным редактором на телевидении. Живет в Австралии с 1996 года. Публикуется в различных печатных изданиях. Регулярно выступает в русской программе радио SBS. Проводит самые содержательные экскурсии по Мельбурну. За годы жизни в Австралии выпустила 10 книг о городе Мельбурне и стране Австралии.

ЮБИЛЕЙ ТАРЕЛКИ

Передко говорят, что легенда берет верх над историей. Но бывает, что и подлинная история похожа на вымысел. Здесь, в Австралии, тому немало примеров. Как, скажем, 400-летний юбилей обыкновенной алюминиевой тарелки, притом в стране всего-то с 228-летней историей.

Ни для кого давно не новость, что средневековые географы, не имея карт, ссылались на воображаемую где-то на юге массу земли и называли ее «Australia Terra Incognita». А в 1600-е голландцы и португальцы поминали её уже как «Nova Holland».

И что задолго до Кука, в 1616-м потомственного тридцатилетнего морехода Дерка Хартога пригласили капитаном судна «Эндрахт» («Согласие»), вместе с другими отправиться в Ботавию (нынешнюю Джакарту) за специями и благовониями. Но, не дойдя до мыса Доброй Надежды, тот нечаянно оторвался от других кораблей, прошел 7 тысяч км далеко на восток, и повернув на север, 25 октября, ровно 400 лет назад, оказался у маленьких необитаемых островов. Высадившись же на одном из них, он установил деревянный столб, к которому прибыл расплющенную алюминиевую миску для еды, нацарапав на ней свое имя, дату прибытия и краткое сообщение о вояже.

К слову, название, данное им этой местности в честь своего корабля «Земля Эндрахта», не прижилось, и нынче носит его имя, а вот залив, где терзаемая голодом команда из 27 моряков выловила тигровую акулу и незамедлительно ее съела, спустя пол века была названа английским пиратом Дампиером Акульим (Shark Bay) и сегодня находится под охраной ЮНЕСКО!

Тарелка же Хартога стала самой старой вещью, свидетельствующей о встрече европейцев с пятым континентом.

Сам капитан вплоть до своей смерти совершал торговые рейсы на Балтике, а к «Nova Holland» устремились другие мореходы.

У исторической же тарелки оказалась своя интереснейшая судьба! Ибо в 1696 году в тех же 900-х км от нынешнего Перта появилась целая экспедиция из трех кораблей «Geelvink», «Nyptangh» и «Wezeltye» тоже под командованием голландского капитана Виллема де Вламिंगа. Согласно инструкции он должен был оставлять по пути следования памятные знаки, но они до сих пор не найдены. Зато 4 февраля того же 1697 года его помощник увидел полусгнивший столб и рядом, чудом сохранившуюся под дождем и солнцем, тарелку Хартога – через 81 год! Взяв ее на борт, чтобы доставить в Амстердам, где она и сегодня выставлена в Музее, члены экспедиции оставили свою с сообщением уже о двух визитах. Эту тарелку нашли лишь в 1801 году, когда первой австралийской колонии NSW исполнилось 13 лет. И хотя на обратном пути корабль «Уран» у Фолклендских островов потерпел крушение, вторую тарелку удалось все-таки спасти и в 1818-м привезти в Париж во французскую Академию. Где она пропала еще на целый век! Уже в 1940 году ее случайно обнаружили в маленькой комнате на нижней полке среди малозначительных вещей.

А в мае 1947-го французский посол в Австралии вернул ее на пятый континент как знак доброй воли, и с 1950-го она находится в Морском музее во Фримантли в Галерее кораблекрушений, благо у берегов Западной Австралии их случилось немало; в 1629-м, 1656-м, 1712 и 1727-м.

В 1988 году в празднование 200-летия Австралии обе тарелки были представлены публике. С конца же октября нынешнего и до апреля 2017-го они снова встретятся на мировой выставке «Путешественники и торговцы в Индийском океане», но специалисты считают – в последний раз, учитывая плохое состояние обеих.

Естественно, что уникальную возможность увидеть подлинную 400-летнюю реликвию, увы, смогут иметь немногие. Но в городке Danham в Акульем заливе в качестве сувениров продаются ее копии. Не упустите шанс прикоснуться к самой ИСТОРИИ!

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Внимание, Градусник!

Шарики ртути рассыпались по полу и, сверкая в темноте, посмеивались, ну-ка, собери нас, если сможешь.

Сколько же было их на моем веку, этих разбитых термометров?

Кто-то собирал ртутные шарики пылесосом, кто-то на бумагу, некоторые подметали пол веником. А мой сосед и вовсе слизывал их языком и перекачивал во рту.

Но это было в другой жизни и в другой стране.

В Австралии же все должно происходить по закону.

А кто из вас знает, что нужно делать, если разбился градусник в Австралии?

Вот и я не знала, а если бы знала, то аккуратно положила бы его в чехол.

Но.. Градусник разбился и времени на изучение законов у нас не было.

На часах половина десятого, термометр, перед падением, показал 39.

Вызов врача на дом, это понятно, а вот что делать с ртутными капельками, застрявшими между половицами?

Что бы вы сделали на моем месте, я не знаю, а я сделала глупость – позвонила своему начитанному сыну, и он, посоветовавшись предварительно с эрудированным Гуглом, перезвонил мне минут через 10.

– Мама, ртутные испарения – это очень опасно, немедленно выключи отопление, чтобы ртуть не попала в воздуховод, и набери 000, - угрожающе прошептал он в трубку.

И, как всегда, я, по привычке, не подумав, бросилась выполнять его рекомендации.

– Слушаю – металлический голос оператора не оставлял никаких сомнений в том, что я поступаю верно.

– Понимаете, мы градусник разбили, и ртуть раскатилась по полу. Подскажите, как можно ее убрать?

Последний вопрос был полностью проигнорирован, потому что, при слове ртуть, мой собеседник тут же прервал меня:

– Адрес? Высылаю пожарную бригаду.

– Подождите, мы не горим, это просто... – но было уже поздно.

Под вой сирены на помощь мне уже неслись две пожарные машины.

Перекрыв полквартила, в дом стремительно один за другим вошли шестеро пожарных в полном снаряжении и еще какой-то странный

человек, с трудом сдерживающий смех, по-видимому, наш соотечественник, на счету которого был не один разбитый термометр. Проверив, выключено ли отопление, нам ненастойчиво предложили эвакуироваться, видимо, все же определенной инструкции на этот случай предусмотрено не было, затем, надев каски и средства безопасности, выключив освещение, осветили пол фонариком.

Перемигнувшись с капельками ртути, засевшими в щели между досок пола, вышли во двор, где провели срочное совещание в форме телефонной конференции с руководителями высшего звена.

– Мы сталкиваемся с этим впервые – вернувшись, важно произнес старший, – поэтому, вызываем бригаду инфекционного контроля. Это в Северном Мельбурне, ждать придется долго.

Странный человек в это время, уже не скрывая, давился от смеха в соседней комнате.

Мы потеряли счет времени, сидя в холодном доме, под непрерывный кашель больного, в ожидании неизвестно чего. Когда часы показали половину одиннадцатого, я решила действовать собственными силами, дабы завершить ситуацию, которую сама же спровоцировала, и позвонила мужу с просьбой привезти мне шприц, которым я надеялась извлечь остатки ртути. Спасатели же, видимо, решив, что ртутное отравление уже начало действовать, не пропустили мужа во двор, и с этого момента старались держаться от меня на расстоянии.

Несмотря на нездоровый ажиотаж вокруг, мой мозг сверлила одна и та же мысль: если, опасаясь страшных последствий разбитого термометра, на следующее утро соседи, в панике, начнут распродавать по дешевке свои дома, где взять ссуду, чтобы все их скупить.

Когда под вой еще одной сирены появилась машина инфекционного контроля, часы пробили полночь.

Пройдя в спальню и отодвинув кровать, инфекционисты попытались собрать остатки ртути.

Упаковав плотно частицы в специальный контейнер и опечатав его, приветливо сообщили, что собрали не все, поэтому мне следует вызвать завтра специальную бригаду, которая утилизирует контейнеры, а после этого заказать уборку в клининговой компании для получения специального Сертификата, подтверждающего безопасность окружающей среды.

Правда, на мой вопрос о том, кто выдает такой Сертификат, однозначного ответа я так и не получила.

А странный человек, уже в дверях, несколько раз повторил с видимым подтекстом:

– Ну, не могу же я порекомендовать вам просто выбросить эти контейнеры в мусор.

Что было после?

Да выбросила я эти опечатанные банки, вымыла пол и вернула забытую кем-то каску, проверив, предварительно, наличие в ней головы убежавшего в панике от опасных испарений.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно – поэтических программ на русском и узбекском языках.

МЕХРИ

Мы с мужем, после окончания института, работали в Хорезме. Центральное Управление базировалось в Ташкенте, и нам регулярно приходилось бывать в командировках в столице. Обычно дорога занимала не больше одного часа полета рейсовым самолетом Аэрофлота. Но однажды, собираясь в очередной раз в Ташкент, решили ехать всей семьей, с нашим маленьким сыном, на только что купленной вишневой «Ладе», в которую я влюбилась с первого взгляда.

Причиной этого решения была ВЕСНА и ее удивительное проявление на просторах великой пустыни Кара-Кум, по которой надо проехать более трехсот километров до красавицы Бухары. Нам предстояло увидеть настоящее чудо – цветение саксаула, им можно насладиться в течение очень короткого времени, не более пяти дней в году.

И вот, после недолгих сборов, путешествие началось! Оно казалось волшебным! Оттенки цветущего саксаула поражали воображение: от белого или нежно-розового до насыщенного гранатового цвета. Кусты усыпаны бархатными шариками, похожими по форме на соцветия мимозы. Косматые ветви свисали пучками, как зеленая пряжа, отбрасывая на песок узорчатую полутень. Цвела и верблюжья колючка – вечная спутница саксаула. Это было благодатное время для сбора пчелами целебного меда с ее цветков. Уникален древний способ выращивания дынь: пророщенные семена помещали в расщелины стволов верблюжьей колючки. Корни, уходящие глубоко в землю и питающие водой растения, делились живительной влагой и с семенами дынь. Хорезмские дыни известны во всем мире!

Погода стояла чудесная. Время позволяло не спешить. Несколько раз останавливались, уходили к барханам, получая огромное удовольствие

от цветущих просторов, чистейшего воздуха и пения птиц, высоко-высоко в безоблачном небе. Незадолго до заката, мы ощутили не очень комфортные перемены - воздух загустел, отяжелел, линия горизонта исчезла, само солнце, так весело сиявшее совсем недавно, теперь выглядело мутным размытым пятном сквозь завесу пыли. На мгновение природа как бы замерла, затаилась и наступила зловещая тишина. Четверть часа спустя, словно вырвавшись из-под земли, возникла огромная воронка из песка, растений и каких-то предметов. Она с воем носилась из стороны в сторону: то выходила прямо на трассу, то изгибаясь, удалялась, будто желая притянуть в свои объятия все, что находилось рядом.

Барханы ожили. Песок стремительно набегал на асфальт, закрывая полотно, бился о стекла автомобиля. Мы медленно погружались в непроглядную мглу. Неожиданные раскаты грома вселили в нас надежду на обильный дождь. Но ветер усилился, и мощные стрелы молний пронзали небо и землю все чаще и чаще. Гроза неистовствовала, не уронив ни единой капли. Такое явление называют «сухой грозой» и оно нередко случается в Каракумах. Стихия наводила ужас, заставляя нас чувствовать себя потерянными и беззащитными.

Двигатель автомобиля начал перегреваться и вскоре заглох. Машина не заводилась... Из-за соседнего бархана мелькнул луч света. Муж попросил взять сына и отойти подальше. Сам быстро снял рубаху и стал ею размахивать. Это не помогло, на предельной скорости грузовик с прицепом пронесся мимо, едва не задев нашу "легковушку". Мы вернулись к машине: ничего не оставалось, как дожидаться рассвета. Через пару часов свет фар снова пробился сквозь тьму. Подъехав к нам, старенький «Москвич» остановился. Водителем оказался молодой человек невысокого роста и щуплого телосложения. Муж пошел навстречу.

– Ассалом алейкум, ака, – уважительно поздоровался парень, держа в руках огромный фонарь, – что случилось?

– Здравствуй. Трудно сказать, ничего не видно.

Оба заглянули под капот и через минуту достали разорванный ремень охлаждения.

– Я не смогу Вас взять на буксир, моя машина легче вашей, да и песок мешает. Здесь неподалеку пост ГАИ, расскажу им о вашей беде и что-нибудь придумаем, – уезжая, пообещал он.

– Как тебя зовут? – спросил муж.

– Палван, – немного смутившись, ответил он.

Его смущение понятно: Палван – в переводе с узбекского, означает "богатырь".

Мы опять остались одни. Буря несколько успокоилась. Вдали показался автомобиль. Из него вышли двое: Палван и дежурный сотрудник. Они привезли новый ремень, необходимые инструменты, помогли установить его на место. Песочный плен закончился. Быстро добрались до поста ГАИ, где нас ждал горячий чай. Я достала сыр, ватрушки и булочки с изюмом, накормила всех завтраком.

Прощаясь, муж протянул деньги Палвану, желая расплатиться за ремень, но тот отказался.

– А если бы у меня случилась поломка ночью, в грозу и со мной был бы ребенок, Вы бы не остановились, чтобы помочь?

– Обязательно бы остановился. Вот мой номер телефона, звоните, приезжайте в гости, друзья, будем рады!

К часам шести утра мы добрались до окраины Навои. Город только начал просыпаться. Остановились возле небольшого ухоженного дома с колонкой для воды. Умылись. Требовался отдых. Я взяла сына, мы уселись на зеленой траве. Из соседнего дома вышла молодая женщина с веником и начала тщательно подметать тротуар и площадку под цветущим черешневым деревом, напевая при этом мелодичную песенку. Закончив уборку, хозяйка вынесла одеяло и расстелила его в тени. Затем принесла достархан (скатерть), лепешки, вазочку с карамельками и наватом (кристаллы вареного сахара), пузатый цветастый чайник.

– Сестра, пойдёмте, попейте чая, - радушно улыбаясь, она обратилась к нам.

– Спасибо огромное, не стоило беспокоиться.

Но отказать – значит обидеть человека. По узбекскому обычаю, в знак уважения, даже если ты не голоден, надо выпить пиалу чая и съесть кусок лепешки.

– Никакого беспокойства. Вы с дороги, издалека. Зовите мужа.

Мы расселись вокруг достархана. Традиционно заваренный узбекский зеленый чай, лепешка, только что из тандыра (глиняная печь), хрустящая, пахнущая дымком, вприкуску с сахаром - ничего вкуснее не бывает! Время пролетело быстро, пора трогаться в путь. Я угостила Марьям (так звали девушку) своими пирогами, стали прощаться. Она высыпала на лепешку нават, конфеты, завязала достархан узелком и протянула его нам.

– Возьмите. До Ташкента еще далеко, а у путника всегда должен быть хлеб.

Мы обнялись, как старые добрые друзья, машина тронулась, а Марьям еще долго стояла под черешней и махала рукой.

К горлу подступил ком. Я не могла сдержать слез и не могла объяснить этого состояния. Хотя, немного позже, разобралась в своих чувствах, когда вспомнила рассказ моей бабушки о том, как в 30-е годы, спасаясь от страшного голода на Алтае, она с тремя маленькими детьми, поездом, поехала в Ташкент, услышав от кого-то, что "там хоть хлеба вволю". Не доехав до заветного места 300 километров, ночью обнаружила, что весь скромный скарб украли, стоило немного задремать - первый раз за несколько суток пути. Вечно пьяный красномордый проводник высадил ее на первой же станции. Ночь. Метель. На пустынной платформе скрипел на ветру один единственный фонарь. Где-то, совсем рядом, надрывно лаяли собаки. Держа на руках трехлетнюю дочь – мою будущую маму, она, обливаясь горячими слезами, побрела по заснеженной улице, куда глаза глядят. Сонные мальчишки, не понимая, что происходит, плелись по следам матери, загребая растоптанными ботинками снег. Они шли в «никуда», без еды и гроша в кармане. К рассвету, выбившись из сил, решили отдохнуть на завалинке около дома, больше походившего на сарай. Залаял старый пес. Вышла хозяйка - красивая узбечка с молодым лицом и совершенно седой головой.

– Ты что здесь сидишь? Зайди в дом. Детей заморозишь! – строго сказала она.

Жилье состояло из одной комнаты: земляные полы, темные глазницы двух крохотных окон едва пропускали свет. Несколько тонких курпачей (стеганых матрасиков ручной работы) лежали на полу. Столик, на коротких ножках, стоял посередине комнаты рядом с проржавевшей печкой – буржуйкой. В углу - ведро с водой, покрытой тонкой коркой льда.

Хозяйку звали Мехри, как выяснилось много позже, это имя на узбекском языке означало душевность и заботу. Она принесла охাপку хвороста, растопила печь, развесила сушить ребячью одежду, вскипятила чайник. Полстакана молока разлила в три пиалы, добавив кипятка, кусок хлеба разломил на три части, все отдала детям. Как оказалось, это были последние продукты в доме. Согрешись кипятком, уложив детей спать, женщины ушли в поисках работы и какого-то пропитания. Бабушка умела шить. Мехри смогла купить два отреза ткани. К следующему утру одно платье подготовили к продаже. Теперь

его нужно продать тайно, ибо за торговлю новыми вещами можно угодить за решетку. Но как-то судьба оберегала тружениц и совсем скоро, в доме появились новая печь, швейная машинка, деревянные полы, а главное - никто не голодал.

В одну из ночей, за пошивом очередного платья, Мехри поведала бабушке о своем горе: гибели мужа и сына и о потере интереса к жизни. Но теперь, вернулось желание жить и она, со всей щедростью души, отдавала нерастраченную материнскую любовь детям, неожиданно появившимся в ее осиротевшем доме. Так, трудности военных лет преодолели вместе.

Неизвестно, сколько эвакуированных ребят приняли и окружили заботой семьи в Средней Азии. Делились последним с беженцами, не делая разницы между своими и чужими детьми. Чужих не было! Скромная трапеза, в основном состоявшая из хлеба и кипятка, делилась поровну. Любовью и лаской лечили искалеченные войной и лишениями детские души.

Когда-то, очень давно, Мехри не дала замерзнуть на улице молодой матери с тремя детьми, спасла ИХ жизни, а косвенно - и мою. Бабушка и Мехри дружили, помогая друг другу, всю жизнь. Ее поступок, без преувеличения, можно считать подвигом. Но вряд ли она сама так думала. Ею двигали материнский инстинкт и женское естество. И помня рассказ о куске лепешки, отданного голодным незнакомым детям, я никогда не могу пройти мимо хлеба, кем-то неуважительно брошенного под ноги.

Вот и Ташкент – солнечный, шумный, бесконечно гостеприимный город. Встреча с ним, как и в первый раз, тридцать лет тому назад, всегда глубоко трогает, вызывает чувство начала чего-то нового и доброго. У меня есть мечта, – показать этот удивительный город и страну своему внуку, и я ее когда-нибудь осуществлю. Расскажу ему о Полване – парне, не вышедшем ростом, но с большим и отзывчивым сердцем богатыря, о Марьям, с голосом, как весенний ручей, приводившей в порядок свой дом. А дом – это частица планеты, а планета, как считал Маленький Принц, «должна быть чистой».

МАКС НЕВОЛОШИН

В далёком прошлом – учитель средней школы. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. С 2003 года живёт и работает в Сиднее. Публиковался в таких изданиях, как «Молодая Гвардия», «Мурманский Берег», «Новый Журнал», «Единение», «Топос», «Зарубежные Задворки», «Интеллигент», «Континент USA», «Новый Континент», «Наша Канада», «Обзор», «Квадрига Аполлона», «Гостиная», «Этажи», «Московский Комсомолец», «Эмигрантская Лира», «Крещатик», «Чайка» и других. В 2015 году вышла книга рассказов в чикагском издательстве «Bagriy & Company». В этом же году книга попала в лонг-лист премии «НОС». Финалист «Open Eurasia and Central Asia Book Forum and Literature Festival 2015».

Психология одного преступления

За плотными шторами дремал свет. Я постучал, шагнул в сени. Неловко выбрался из сапог. Скрипнула обитая войлоком дверь.

– Эй, хозяйева! Дома есть кто?

Тишина.

Отлучились в туалет? К соседям?..

Лампа с абажуром высвечивала пачку денег на столе. Голубые пятирублёвки, на вид около сотни. Тут произошло необъяснимое. Часть меня отделилась, взяла деньги и уверенно сунула в карман. А вторая с ужасом за этим наблюдала. Затем мы соединились в человека, почти бегущего по тёмной, грязной улице. В нем гипотетические прохожие опознали бы учителя Чучминской средней школы Вячеслава Михайловича Смирнова.

Это случилось давным-давно, в первой жизни. Сейчас у меня четвёртая. Однако причины той кражи мне все ещё не ясны. Начать с того, что в целом я – гражданин законопослушный. Не только из боязни уличения. И уж точно не из-за высоких моральных устоев. Похоже, дело в лени. Во-вторых, я не бедствовал: платили в школе сносно. Кроме своего предмета на меня взвалили два чужих. Мало ли, что сказано в дипломе – работать некому. Плюс тридцатка за классное, будь оно неладно. Плюс червонец за тетради...

А потратиться в деревне нелегко. Магазин пустой, закон сухой, короче, не Лас-

Вегас. Четыре почти бескорыстные дамы, но... Возраст и наружность тупиковые, даже после самогона. Кроме того, за этих «девушек» легко могло прилететь в ухо или глаз. И без девушек, впрочем, тоже. Такое местное хобби.

Около нашей избы я сдвинул придорожный валун. Потрогал землю – сухая. Быстро сунул туда деньги, вернул камень на место.

– Принёс? – крикнул Рубик из продавленного ложа.

– Кого?

– Уже хряпнул что ли? Ты за чем ходил-то?

– Нет. Их дома не было.

– Блин! Ну зашёл бы куда-нибудь ещё!

– Да погоди ты! Слушай.

И я рассказал ему про деньги. Зачем? Поделить на двоих груз наваждения, страха, чувства вины?..

– Где спрятал?? – Рубик приподнялся. – Слав, ты охренел? Здесь же кругом тотальная слежка. Надо принести домой и сосчитать.

Мы вышли под редкий дождь. Принесли, сосчитали. Действительно, сто рублей.

– Половину мне, – сказал коллега.

«За что?» – хотел спросить я. Но тут же понял, за что. Я бы ему все эти деньги отдал.

Рубен Катопян был последствием смешанного брака армянского отца (замначальника Ялтинской таможни) и русской мамы (начальника гаража КГБ). Как он с такой родословной угодил в самарский пед и чучминскую глушь, долго оставалось тайной. Однако за год в двухместной подводной лодке расскажешь о себе, что можно и нельзя. После школы Рубик трудился в обслуге гостиницы «Интурист». Попался на мелком валютном гешефте. Старики его, конечно, отмазали. Но мудро решили сослать куда-нибудь подальше. На всякий случай.

Думая о Рубике, я невольно вспоминаю фразу о том, что мир – театр и так далее. Известно, что большинство актёров – посредственности, годные только для массовки. Остальные делятся на имеющих амплуа и универсальных. То есть, способных убедительно изобразить все: от Гамлета до его лошади.

То же в мире обычных людей. Подавляющая часть – биомасса, тире между датами, как замечено в старом фильме. У других мастерски выходит что-то одно, а прочее – так себе. Ну и есть многогранные таланты, вроде Ксении Собчак.

В институте Рубик считался отъявленным бабником. Имеется более точное непечатное слово, от которого я воздержусь. Соблазнить барышню на женском факультете – дело нехитрое. Спрос намного обгоняет предложение. Любому оболтусу, у которого в штанах есть что-то кроме сигарет и зажигалки, гарантировано внимание нежного пола.

Однако чтобы заработать амплуа ловеласа высшей пробы, недостаточно менять девушек раз в семестр. Иметь несколько параллельных связей – тоже. Главное – талантливо об этом рассказать. Тут Рубик был вне конкуренции. Рассказывал затейливо, детально, подмигивая и чмокая губами в нужных местах. Где, когда,

сколько раз, обстоятельства, позы... Как та или иная пассива реагирует на его сексуальное мастерство. Вскоре эти байки друзьям наскучили. Отравленный славой Рубик переключился на более-менее юных кафедральных дам.

Они были якобы доступней, чем студентки. Подходили к делу творчески: знали «Камасутру», охотно шли на изощренный секс. В короткий срок Рубик (по его утверждению) отымел четырёх, две из них – замужем. Верилось ему с трудом. И всё же. И всё же...

Это внесло лёгкую изюминку в мои отношения с педагогами. Помню, «немка» Анна Соломоновна возмущалась:

– Чему вы улыбаетесь, Смирнов? Я не допускаю вас к экзамену, пока не отчитаетесь за все темы пропущенных семинаров. И в удобное мне время, а его почти нет. Ist es Ihnen klar?

– Ganz klar...

Я представлял, как Анна стонет в объятиях нашего мачо. И жить становилось чуток веселей.

Для усиления имиджа Рубик выучил пять аккордов на гитаре. Сочинил несколько душещипательных баллад. Мелодии и тексты звучали почти одинаково. Жуткий микс из хитов Кузьмина, Пугачевой и группы «Воскресение». Вспоминаю, например, такие пронзительные строки:

*...Как бедный художник разбитую скрипку
Утопит в бокале плохого вина...*

Я тактично намекнул автору, что художник, скорее, утопит палитру или кисти. Кроме того, скрипка вряд ли утонет в бокале, хоть на щепки ее разбей. Палитра, впрочем, тоже. «Это метафора, балда, – обиделся Рубик, – главное – в подтексте, между строк. Девчонки писают кипятком... Да что тебе объяснять!» Возражать я не стал. Факультетским мальвинам этот бред действительно нравился. Вскоре Рубик заменил «художника» на «маэстро». Скрипку оставил как есть.

Что происходит с таким человеком в условиях фатального дефицита женского общества? Правильно – он звереет, смысл его жизни утерян. В школе работали две местные незамужние учительницы. Обе подверглись домогательствам Рубика. И остались равнодушны, как дождь за стеклом. Испытанные годами методы здесь не работали. Физрук Люба с правильным телосложением и неправильным лицом откровенно издевалась над страдальцем. Учитель младших классов Лена, крупная, чуть заторможенная девушка, не сразу поняла, что от неё хотят. А осознав, произнесла старомодное: «Только после свадьбы. Но с вами – никогда». Жили учительницы вместе. Это в их доме я украл сто рублей.

Ночами Рубика терзали эротические сны. Он вставал, курил, искал на ощупь банку за печкой. Наливал стакан-другой, забывался кое-как. Изготовленная нами бражка редко попадала в аппарат. Едва в ней появлялись хоть какие-то градусы, мы ее, увы, выпивали. В меня этот напиток укладывался худо. На

рассвете я бывал в относительном порядке. Одевался, брился, заваривал чай. Пытался не смотреть в окно. Ландшафт на удивление гармонировал с похмельем.

– Ты идёшь? – спрашивал коллегу.

– Нет, – глухо доносилось из-под одеяла, – скажи там что-нибудь...

Дорога, тяжесть грязи на сапогах. Опостылевшее здание школы. Кабинет завуча.

– Тамара Семёновна, Рубен Генрихович заболел. Съел вчера что-то не то.

– Опять бражки напильсь?

Это звучит как утверждение. У Тамары Семёновны поблекшие, всезнающие глаза...

Мучений сотоварища я не разделял. У меня была постоянная девушка в Самаре. И ещё одна, поближе – в Альметьевске. С первой я встречался на каникулах. К другой теоретически мог ездить каждый выходной. Час по грунтовке до трассы и столько же на автобусе. Всего получалось – три. Время тогда двигалось неправильно. В реальности появились дыры. Месяц тянулся, как два. Зима казалась вечной. Снег внезапно превращался в дождь и наоборот.

Выбраться из Чучминки зимой удавалось исключительно на тракторе. Весне-осенняя слякоть останавливала даже трактора. Когда выпадала сухая неделя, десятиклассник-мотоциклист Лёха подбрасывал меня до асфальта. Лёха собирался поступать куда-то в городе. Я обещал ему четверки в аттестате по своим и Рубика предметам.

Альметьевскую девушку звали Клара Марковна (я не шучу). По занятому совпадению работала она вторым секретарём горкома комсомола. Чем конкретно занималась, ответить не смогла. Больше всего на свете Клара ненавидела скороговорку про украденные кораллы. Познакомились мы в Казани.

Осенью там проходило невнятное комсомольское сборище республиканского масштаба. От нашего района послали меня. Объяснили, что больше некого. Рубик тогда здорово надулся: он бы и сам прокатился в Казань. Чем он, собственно, хуже?

– Ты в зеркало давно смотрел? – не удержался я.

Рубик взял с тумбочки зеркало. Взлохматил чёрные локоны, удлинённые сзади. Иногда я прикалывался на тему заплести их в косичку или стянуть резинкой в хвост. Спереди Рубик напоминал колумбийского мафиози: опасный взгляд, щетина, тонкие усики.

– И что тебе не нравится? – злобно спросил он.

– Всё, – ответил я, – и это к лучшему. Иначе мы бы здесь стали гомиками.

Из Казани, охваченный городской эйфорией, я устремился в Самару. Неделю зависал в одной тусовке. Однажды вспомнил, что работаю в сельской школе на краю земли. То есть, рано или поздно надо туда выдвигаться. В автобусе Самара – Шентала безуспешно придумывал отмазку. Голова работала, как бетономешалка, думы ворочались медленно. Граница РСФСР и ТаССР встретила меня ледяным дождём. На автовокзале было мокро и вонюче. Среди

узлов и баулов вповалку дремал народ. Автобусы в Татарию не ходили.

– И давно такая погода? – спросил я в кассе.

– Недели полторы.

Ура! Думать больше не о чем – стихия всё решила за меня. За Шенталой кончался асфальт. Начиналась выбитая глинистая дорога. Сейчас она превратилась в грязный водоканал.

Я набросил капюшон. Добежал под навес автобусной остановки. Закурил. И что теперь? Из ниоткуда вынырнул армейский грузовик с шестью массивными колёсами. Я вяло голоснул.

– Тебе куда? – бросили из кабины.

– До Черемшана возьмете?

– Лезь в кузов.

– Спасибо!

Ливень звонко хлестал по брезенту. Полутьма и штормовая качка. В пластиковом окне мелькнул автобусик, увязший по стекла. Вероятно, тот самый, которого ждали люди в Шентале.

В райцентре чудеса продолжались. Сначала кончился дождь. Минуту спустя я увидел трактор. Наш чучминский трактор с гусеничным ходом! Он вразвалку полз, куда надо, тракторист приглашающе махнул рукой. Его сына Равиля я пытался научить английскому языку. «Я трактористом буду или шофёром, – заявил как-то Равиль, – на хрена мне ваш английский?» Я не знал, что ему сказать. И до сих пор не знаю.

Рубик выскребал жареную картошку из сковороды. Трезвый и злой, как волчара.

– А, явился, – выговорил он с интонацией, обычно предшествующей мордобоем.

– И тебе не хворать.

Я знал, что драки не будет. Брутальная внешность Рубика скрывала человека дипломатичного и осторожного. Особенно в трезвом виде.

– И где тебя, млядь, носило? – продолжал он. – Я тут один, как... Как сука распоследняя... пашу за двоих. Шесть уроков в день! Ты обо мне хоть раз подумал?!

– Подумал.

Я выставил на стол бутылку «Русской». Затем ещё одну. Добавил палку твёрдой колбасы, ломоть сыра, четыре банки шпрот. Глаза коллеги потеплели.

– Я боялся, что ты не вернёшься, – сказал он после третьей, – всё, думаю, трындец. Один бы я тут загнулся. Только вешаться... или бежать. Признайся, была такая мысль?

– Была.

– Давай свалим вместе. Хоть завтра.

– Скандал будет. Закончим год и свалим. С армией что делать?

– Откосим как-нибудь. Я долго здесь не выдержу точно. Крыша едет на глазах...

В моей крыше тоже ощущалось движение. И пока (надолго ли?) хватало рассудка это осознать. Более всего меня угнетал дисконформ как частное

проявление феноменального абсурда сельской жизни. Рубик не сильно парился из-за удобств. Мог долго не есть, легко терпел холод, грязную комнату, немытую посуду. Даже уличный сортир. Годы жизни в общежитии приучили его к аскетизму. Отключение воды, электричества, батареей, закуска вместо еды считались там нормой. На четвертом курсе Рубика выселили из общаги за аморалку и пьянство. Он снял дешёвую комнату, но через год был изгнан и оттуда.

Уломав родителей, я пригласил друга жить у нас. Это случилось за месяц до выпуска. Распределение уже состоялось. Мы просились в одну школу, неважно где, и огребли, за что боролись. Тогда у юношей на выходе из педвуза была альтернатива. Полтора года в армии или три – деревенским учителем.

Отслужившие знакомые советовали ехать в деревню. Я колебался – выбор из двух зол не бывает правильным. Но полтора убитых года все же меньше, чем три. «Нет, – сказал мой приятель, испытавший оба удовольствия, – запомни: самая плохая гражданка лучше самой хорошей армии». И вот приплыли. Н-да...

Сельскую местность хорошо любить наездами. Выйти, например, из джипа в поле. Глотнуть целебного воздуха, приправленного коровьими специями. Повстречав застенчивую церковь на холме, жадно щёлкать Кэноном. Чтобы фоном непременно – одуванчики, трепетная синь, контрастный лес вдали. Забрести в едва живую кособокую деревню. Художественно фоткать избы, похожие на лица старух. А вечером под коньячок сладко отдаться неизбывной русской тоске. Курить у печки, жалеть, что не родился в позапрошлом веке. Думать: Эх!.. Стояла деревня и сто лет, и больше. Люди жили, работали, верили во что-то, а теперь...

И наутро с облегчением убраться восвояси. В городскую жизнь с её фальшивыми улыбками и пустословием. Где интернет, писательский халат и мягкое сиденье унитаза. Но уже планировать следующий выезд, очередную подзарядку батареей в какой-нибудь идиллии семнадцатого века.

А остаться в этой идиллии на год-другой слабо? Не слышу. А-а... Вот так-то.

Почта и хлеб – раз в неделю, и это удача. Большую часть года наши хлебные припасы лежат замороженными в снях. В селюпато и душно, пахнет мокрыми собаками. Ассортимент: галоши с интимным нутром, тусклые консервы, макароны, слегка похожие на бревна. Подозрительные соки в трехлитровых банках. Банки в хозяйстве нужны. Томат-паста и дрожжи уносятся, как мухи на ветру. Паста идёт на бражку вместо сахара. И дешевле.

Ночью приспичило – есть ведро. По-большому тяжелее: надеваешь штаны, телогрейку, валенки, берёшь фонарик и – махом по сугробам. Чистить дорожку некогда. Внутри тоже надо действовать очень быстро. А если быстро не выходит, что тогда? Как ни странно, эта жизненная тема не получила достойного развития в мировой литературе. Вот читаешь, например, Джека Лондона. Герои мчатся на собаках по арктической пустыне. Тысяча миль в один конец, плевков замерзает на лету. Интересно, как они справляли нужды?

В печке трещина сверху до низу. Школьный истопник Петрович, угрюмый

алкоголик, замазал ее чем-то. «Но, – предупредил, – топите аккуратно, ребята, может взорваться». Это как, интересно, «аккуратно», если за окном минус тридцать?

Бани своей нет. По субботам ходим мыться к директору школы. Не за спасибо – мы ему картошку выкопали осенью. После бани нас зовут к чаю. Дом – новый, просторный, один из лучших в селе. Уютный кухонный гарнитур, бормочет цветной телевизор. Гордость директора – тёплый клозет, хитрая система обогрева, подачи и смыва воды. Жаль, по-большому сходить не удалось... Получасовое ощущение нормальной, городской квартиры. С тоской возвращаемся в нашу избу.

Весной баня кончилась. Отмечали юбилей пожилой учительницы. Рубик закосел и вышел на крыльцо отлить. Вдруг появляется жена директора Елена Ивановна.

– Рубен Генрихович, что это вы здесь делаете?!

– Будто сами не видите.

Мой друг невозмутимо застегнулся и говорит:

– Хотите, исчезнем по-тихому? А потом незаметно вернёмся...

После этого директор осатанел. На работе цеплялся по делу и без. И никакой бани, конечно. Мылись в тазу, поливали один другого из чайника. С мая ходили на речку. Осклизлый берег, ледяная вода по шиколотку, коряжистое дно травмирует ступни... Лёг, встал, намылился. Снова лёг.

Дыры в реальности к тому времени опасно увеличились. Космическая пустота бессмысленно тарасилась из них. Бытие расплзлось, как изношенная кофта. По выходным наша изба погружалась в раздражённое молчание. Рубик тренькал на гитаре, ладно, хоть не пел. Его гнусавый тенор осточертел мне до желудочных спазмов. Я перечитал все детективы, имевшиеся в библиотеке. Потом взял увесистый том Блока, думая освоить его за неделю. Однако застревал почти на каждой строфе. Всматривался в буквы, твердил про себя, как маньяк: «И голос был сладок, и луч был тонок, и только высоко, у Царских врат причастный Тайнам, – плакал ребенок о том, что никто не придет назад. О том, что никто. Не придёт назад. О том. Что никто. Не придёт. Назад...»

Мы почти не разговаривали, всё было сказано. Только цапались из-за всякой мелочи, будто грызуны в клетке. Кому идти за водой, мыть посуду, готовить еду... В итоге решили: делает тот, кому первому надо. Первым всегда оказывался я.

Рубика бесили мои отлучки в Альметьевск и письма из двух городов. Меня – его лень и косяки, точнее, их последствия. Однажды затемно Рубик, приняв для храбрости, двинулся на танцы в клуб. Вернулся с очень нетрезвой дамой шалавного типа. Звали ее Людмила – домохозяйка, без комплексов, живет с матерью и сыном. Отец ребёнка, как говорится, пожелал остаться неизвестным. – О-о, класс, – зевнула Людмила, – я отдохну у вас немного, пацаны. А после можно и романсы, ой...

Гостью качнуло. Пугаясь в ногах, она выкарабкалась из сапог. Затем рухнула на мою койку и отключилась, как тумблером щелкнули.

– Хочешь, трахнем ее вместе? – предложил коллега. – Только я первый.

– Ты что, – говорю, – дебил? Это же статья.

– Твоё дело.

Рубик присел к Людмиле, начал расстегивать пуговики. Я, захватив сигареты, вышел на крыльцо.

С минуту в избе было тихо. Потом донеслась возня, голоса. Что-то упало, по звуку – табуретка. Выбежала Людмила, разгневанная и почти трезвая.

– Сука! – кричала она, застегиваясь. – Козел! Изнасиловать хотел... Я что, за этим сюда шла?!

«Нет, – подумал я, – ты шла посмотреть нашу коллекцию Ван-Гога».

– У меня парень есть, – не унималась гостья, стоя у калитки, – все ему расскажу!

Он вас обоих, козлов, порежет!

Слова «вас обоих» мне крайне не понравились. Появился Рубик с озадаченным лицом.

– Ты слышал, что она кричала? – спросил я.

– Слышал. Фуфло это все...

Оказалось, – не фуфло. Через полчаса к нам зашел десятиклассник Лёха. Он жил поблизости и часто заглядывал на стаканчик. Пару раз одалживал нам самогонный аппарат. Осенью добыл бензопилу, помог наколоть дрова.

– Это не от вас сейчас Людка убежала?

Такова деревенская осведомленность. Лёха подтвердил, да, есть один кент в соседней деревне, Федя Шилин. Недавно откинулся. Встречался с Людмилой ещё до зоны. Погоняло, естественно, Шило. И сидел, как нарочно, за драку с поножовщиной. Настроение ухнуло в подпол.

Ещё через день Лёха сообщил, что Шило якобы узнал про инцидент и грозился навестить учителей. Рубик спал с топором под кроватью. Я удовлетворился молотком. Лёха, дай Бог ему здоровья, сидел у нас допоздна каждый вечер.

– Вдруг не один зайвится, – пояснил он, – втроём ловчее отобьёмся.

– Может, не придёт?

– Придёт.

Девять вечера, играем в карты. Стук в окно и незнакомый голос:

– Эй, учителя! Открывай, поговорить надо!

Я приоткрыл форточку.

– Это кто?

– Конь в пальто!

И уже стучат в дверь.

– Кажись, один, – выдохнул Лёха.

– Слав, иди открой, – тихо сказал Рубик.

– Твой косяк, сам и открывай!

– Я открою, – Лёха шагнул в сени.

Рубик придвинул его табурет. Положил на сиденье топор. Укрыл полотенцем.

Вошёл неприметно одетый, квадратный человек в сапогах. Не оставил снаружи, гад, а я вчера полы мыл... Лёха тормознул у двери за его спиной. Незваный гость внимательно осмотрелся. Гладкая опасная физиономия. В глазах кураж и любопытство.

– Ты что ли Рубик?

– Допустим, – сказал Рубик, – и что?

Выглядел коллега собранно и зло. Почти Антонио Бандерас в фильме «Наемные убийцы». Это была маска от страха, но хорошая.

– А я Фёдор Шилин, слышали?

– Слышали, – рука моего друга скользнула к топору, – прямо здесь будешь резать или выйдем?

– Резать? – бандюга улыбнулся серыми зубами. – Кого? За Людку что ли?? Да вы заучились, пацаны! Кому нужна эта шалава? Я вообще-то познакомиться зашел.

Он вытащил из-за пазухи мутную бутылку, заткнутую куском газеты.

– Занюхать найдётся?

– Найдём, присаживайся.

– Ща, погоди, я обувь снять забыл...

Час спустя Рубик и Шило сражались в блэкджек по-русски. Мой коллега отважно выиграл три рубля. Он всегда играл удачливо, тем более на деньги. Как говорил Энди Такер, не могу проигрывать, когда ставят настоящие деньги. Рука не поднимается, пальцы бастуют...

Последние месяцы в Чучминке запомнились мне лишь фрагментами. Их с ненужной четкостью зафиксировала память. Контекст истлел, точно вязкий, болезненный сон.

У меня открытый урок литературы в девятом классе. Тема: основные идеи романа «Преступление и наказание». Я убедительно разоблачаю концепцию сверхчеловека, говорю о двух нравственных законах, о высоких целях и гнусных средствах. Вспоминаю бомбистов-народовольцев, Ленина и даже Мао Цзэдуна. Проверяющие скептически качают головами. После их ухода я задерживаю класс.

– На дом – сочинение по этой теме. Кто перепишет хоть слово из учебника – двойка. За свои мысли – пять баллов.

– А можно коротко? – интересуется галёрка.

– Можно. Главное – своё.

В первой же тетради я читаю: «Ваш Раскольников убийца и вор. И место ему в тюрьме». Поставил «отлично», а куда деваться?

Двоечник Талгат Мухаметзянов не явился на контрольную по алгебре. Работа итоговая: листки с печатями, задания в конверте. Я – его классный

руководитель. Завуч отправляет меня к прогульщику для выяснения и эскорта.

Иду и размышляю: вряд ли Талгат заболел. Такие индивидуумы жизнестойки, как сорняки. Вероятно, пашет на семейном огороде... А он валяется на печке.

Спит. Отодвинул занавесочку, свесил лохматую голову: «Чё зря позориться, все

равно двойка. Не пойду. Похер мне эта алгебра со школой вместе. И больше не лезьте ко мне».

Послать бы его... да, но – отчетность, районо... И пожилая математичка (та самая, у которой был юбилей: то ли в школе пятьдесят лет, то ли вообще) несёт паршивцу контрольную домой. И там диктует решения – с ошибками, на троечку. Ошибки дались ей труднее всего.

Посевная, горячие дни. Вдруг – происходит нечто фантастическое, можно сказать, диверсия. В сельпо завозят шесть ящиков коньяка. Многие не верят, бегут смотреть. Не забываем: время крайне тяжёлое – рулит минеральный секретарь. Люди годами живут без культурных напитков. Магазин в осаде. Продавщица уступает натиску масс. Через полчаса коньяк распродан.

Посевная временно отменяется. Замирает сельхозтехника, тишина в полях. Уложив коньяк, сельчане переходят на домашние изделия. Утренняя передача «Говорит Казань» обрывается на слове «хебердарлык». Звучит взволнованная речь председателя колхоза Супонинского. Даже тембр его голоса какой-то нецензурный. «Чуть не углядел, – кричит председатель, – а они, б... воспользовались! С... сс.. Совести у вас нет! Отсеемся – и жрите на здоровье! Но завтра, то есть, сегодня чтобы все как штык... А не то... Волков, Егор! Сам же бригадир, мать твою! Если ты ушёл из дома, ты думаешь, мы не знаем, где ты есть? Ты у Зинки Лашмайкиной пьёшь в сарае – третий день! Егор Иваныч, дорогой, выходи на работу. Станешь дальше бегать – мы тебя найдём и засунем... Нет, лучше выходи, Егор».

За неделю до отъезда из Чучминки мы приняли участие в ещё более мистическом событии. Добрые волшебники наверху снова что-то перепутали. Короче: в сельмаг завезли три бочки пива. Да не какого-нибудь, а чешского! И уже отпускали в разлив. Рубик, проходивший мимо, ущипнул себя за глаз. Затем метнулся в сберкассу. Купил целый бочонок с логотипом «Pilsner Urquell» и прикатил его домой.

Вечером того же дня к нам потянулись ходоки. Наутро их поток усилился. Пиво бойко шло втридорога. Кое-кто из гостей начинал банкет прямо у нас. Параллельно мой друг обыгрывал желающих в карты. Ставки быстро возросли с пяти копеек до рубля. В избушке сделалось накурено и тесно. Незаметно появился самогон.

Стоит ли рассказывать о том, что было дальше? Как я долго обнимался Бог знает с кем, щетинистым и потным. А тот вдруг оказался истопником Петровичем. Как, едва не прослезившись, заявил, что остаюсь в Чучминке навсегда... Как изрядно окосевшая Людмила убеждала Рубика трахнуть в знак примирения... А потом мой друг на бис исполнил «Скрипку»... А потом десятиклассник Лёха одолжил ему свой байк... Как Рубик под аплодисменты оседлал машину и тотчас навернулся в лопухи...

Да, он неслабо отвязался по весне. А я... всего-то-навсего похитил сто рублей. Злодеяние осталось нераскрытым. Его и не расследовали вроде.

И всё-таки зачем? Зачем я стёрил эти деньги? Долгое время я объяснял это

стрессом, частичной потерей рассудка. Что, возможно, прокатило бы в суде... Но есть и Божий суд, как уточнил поэт. И там потребуют серьёзных доказательств.

Я искал их тридцать лет – не то чтобы слишком усердно. Как-то из трясин бессознательного выплыл, пузырясь, давнишний эпизод. Настолько мелкий и вонючий, что я сомневаюсь, произошёл ли он в действительности. Короче. Был у меня в институте такой приятель Сид. Книжный фарцовщик, великий спец по запрещённой литературе. От него я впервые услышал стихи Гумилева и Бродского. Из его рук получал «до завтра» тамиздатовские книги Набокова, Лимонова, Оруэлла.

Мне нравилось бывать у Сида дома. Рассматривать дефицитные корешки на полках, выпивать, беседовать об изящной словесности. Нравилось – до одного события. Как-то вечером он звонит.

– Слушай, такое дело... в общем... У нас дома пропали сто рублей. Ты случайно не брал?

– Ты с дуба рухнул? – говорю. – Конечно, нет. И что значит, случайно? Случайно можно... в дерьмо наступить. Ты меня подозреваешь что ли?

– Нет. Но... Сегодня, кроме тебя, чужих в доме не было.

– Значит, вчера потеряли! Спрятали куда-нибудь, забыли...

– Да нет! Мать точно помнит, что...

– Погоди. Ты же со мной был... Как я мог их взять?

Эге, – думаю, – а ведь я уже ему подказываю.

– Я выходил из комнаты. Не в этом дело. Слав, если тебе нужны деньги... Ну, мало ли, бес попугал... Ты их оставь себе, а потом вернёшь... когда-нибудь.

– Да пошёл ты!

Я повесил трубку.

Ночью я плохо спал. Донимало нелепое чувство стыда. Приятель без тени сомнения обвиняет меня в краже. Что со мной не так? Или всё же – с ним? Это проекция, – убеждал я себя, – кому легко заподозрить другого, тот сам – латентный вор. К утру я почти верил, что украл эти деньги. Решил занять где-нибудь столик и швырнуть ему в лицо. Лучше мелкими купюрами, чтобы долго собирал.

Сид отловил меня на перемене. По его суетливому оживлению было ясно, что деньги нашлись.

– С меня кабак, братан! – он завладел моей рукой. – Мать сунула в белье и забыла! Совсем мышей не ловит. Все понимаю, эксклюзивы, сорри... Но и ты меня пойми.

Эх, надо было плюнуть в его улыбочку. Но шившая интеллигентность снова победила.

– Проехали, – сказал я.

Кстати. Через несколько лет Сид работал заместителем директора в посреднической фирме. Его туда пристроил владелец, школьный друг. И однажды – вот сюрприз! С помощью нехитрой финансовой аферы Сидди обувает бизнес друга на тридцать штук зелёных. Конечно, был разоблачён,

ободран до нитки и выпиннут под зад.

– Зачем? – спросил я. – Чего тебе не хватало?

– Не знаю, – поморщился он, – бес под руку толкнул.

Итак. Там и здесь – сто рублей. Совпадение? Нет... Тут надо уловить систему. Меня несправедливо обвинили в краже денег. Я страдаю ни за что, другая чаша весов пуста. Затем, чтобы восстановить некий метафизический баланс, я действительно краду эту сумму. Безнаказанно. Обстоятельства значения не имеют. Но как все сошлось: финал ужасного года, туман в голове, пустой дом... Направленный свет лампы. И неумолимая пачка купюр на столе. Иногда они возвращаются. Привет из минувшего, Слава.

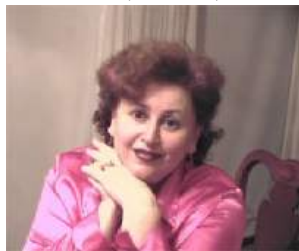
Мне часто снится эта деревня. Один и тот же мутный сон, бредятина в жанре нуар. За каким-то дьяволом я снова прибываю в Чучминскую школу. Директор хмуро подписывает бумаги, он все ещё зол на меня. Однако работать по-прежнему некому... Я иду по коридору. Невнятные приветствия коллег, смешки и глумливые взгляды учащихся. Сейчас мне придётся зайти в класс и начать урок. Разумеется, я не готов. Господи, забери меня отсюда! «Опять бражки напились», – вздыхает завуч Тамара Семёновна...

Безжизненный свет зимнего вечера, уже наваливается тьма. Снег резко хрустит под ногами. Кончается улица, за ней – придавленные небом холмы до горизонта. Крайние избы, размытые пятна окон. В нашей кто-то есть. Я догадываюсь – кто, вернее, знаю. Обиваю валенки на крыльце. Где-то здесь должен быть веник...

Человек курит, сидя у печки. Он еле узнаваем. Да он ли это? Телогрейка, седые космы. Из морщин выглядывают тусклые глаза. «Приехал все-таки, – говорит он, – а я думал, ты не вернёшься. Ничего, теперь поработаем вместе. Целая вечность впереди».

Проснувшись, я не иду в душ, чтобы смыть остатки кошмара. Все равно не получится. Я лежу и пытаюсь разобраться: зачем он изводит меня. Что важного скрывает этот год? Тогда я ещё не осознал, где мне стоит жить и как. Но точно понял, где и как мне жить нельзя. Я бессвязно думаю о том, что все мои последующие жизни есть по сути бегство из села Чучминка Татарской ССР. О том, что восемьдесят седьмой никуда не делся, а прячется за тонкой пеленой разделяющих нас лет. О том, как нелепо искать за ней ответа. О том, что никто не придёт назад.

ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах, сборниках и газетах («Нева»,

«Новый журнал», «Стороны света», «Крещатик», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

БабУшка

– БабУшка, бабУшка, look! – Патрик указывал левой рукой в небо, где парят два ярких змея, а правой рукой поворачивал ее лицо, чтобы она с гарантией увидала в небе огромную красную птицу и желто-голубую толстогубую рыбу.

– Это воздушные змеи, – объяснила Лера, глядя в небо. – Хочешь, мы с тобой такого купим и будем его запускать его в небо?

Патрик громко смеялся, хлопал в ладоши и обнимал ее за шею. Патрик очень ласковый ребенок

– БабУшка, you are the best! – Он гладил ее по волосам, по плечу, прижимал ее ладонь к своей щеке. Потом положил ее руку себе на голову, приглашая приласкать его самого. Глаза за толстыми линзами казались совсем маленькими. Он неуклюже переступал в песке босыми ногами. Кроссовки они оставили в машине, решили после школы походить по теплому песку. В конце октября солнце уже светит полетному, хотя вода в океане все еще прохладная. Они часто приезжают сюда после уроков посидеть на песке. Патрик строит только ему понятные конструкции из песка, а Лера любит океаном или читает. Русских книг здесь очень мало, приходится заказывать в России, хотя это для нее и дорого. Подумать только, раньше она не любила читать! Хотя и времени у нее особо не было, разве что во время отдыха. Но в отпуск они с мужем всегда ездили за границу, либо в очень хорошие пансионаты. И компания собиралась уже на месте. Борис, ее муж, был режиссером, а она актрисой. Сейчас бы сказали «звездная пара». Борис и спектакли ставил, и снимал много, и фильмы все были достаточно успешными, один раз даже в Венеции приз дали. А уж из нее, Леры, вылепил настоящую кинозвезду – таинственную и прекрасную! Борис

строго следил, чтобы за пределы семьи не просочилось ни одного слуха, ни одной сплетни, очень он боялся, что будут их имена по всей Москве, а то и по всей стране трепать. И часто примеры приводил: вот мол, такой-то в ресторане напился, с официантом подрался, теперь его никто в группу брать не хочет, или вот, актрису такую-то законный муж с любовником застал, скандал с дракой вышел, развелась они, и актриса уже год без работы сидит. Лера даже сниматься у другого режиссера не могла, Борис не разрешал. Но зато и условия ей для съемок создавал сказочные, все завидовали! А какие роли он ей подбирал! Лера и Шекспира сыграла, и Чехова, Мольера, и Ибсена, – всех не перечислишь! Ах, какая у них жизнь была волшебная!

Борис был ее старше на восемнадцать лет, шутил всегда, что она вполне могла быть ему дочкой, баловал ее, подарки дарил. Только детей не хотел. Сначала боялся, что Лера фигурку испортит и дома засядет, – кто тогда за нее играть станет и звездный статус поддерживать. Потом стал беспокоиться, что Лера станет ему меньше внимания уделять, вся уйдет в материнство. И всегда этот вопрос о ребенке у них не ко времени вставал. То картину только что закончили, то спектакль сдали; то читку новой пьесы начали, то картину запускать надо, – хлопот полон рот, где уж тут отпуск почти на два года брать! Так вот и дотянули до Лериных тридцати семи лет. У Бориса юбилей в тот год праздновали – тридцать лет творческой деятельности, у Леры скромные пятнадцать. Поехали они по путевке на Балатон, потом на неделю русского кино в Софию. Время провели отлично: и отдохнули, и с коллегами встречались, и кино разрекламировали. А по приезде в Москву выяснилось, что у Леры уже срок три месяца, и ребеночек успешно развивается. Ну, Борис сначала в шоке пребывал, потом расстроился, что нужно для следующей картины новую актрису искать, пару раз поскандалил даже! А потом понял, что ничего уже не изменить, примирился, что отцом станет, разомлел. Да и возраст у него солидный, куда уж откладывать, – сейчас или никогда! Борис даже согласился Лерину маму из Черемушек к ним в центр перевезти. И доплату за обмен выложил без возражений. Поселили маму здесь же на бульваре в пятиэтажке в двух шагах от их элитной «сталинки» – удобно. Рожать Борис устроил Леру в самое козырное место, и родила она легко, и уснула радостная, не удивившись даже, отчего же ей ребеночка-то не показали. Спала Лера и улыбалась во сне: мальчик, все как Борис мечтал – наследник! С тем и разбудил ее Борис: – Проснись, Лерунчик, кончай улыбаться, у нас неприятности! Так и назвал это – «неприятности»!

Мальчик их, такой долгожданный, в котором должны воплотиться все Лерины мечты и вся гордость Бориса родился с синдромом Дауна. Борис ей сразу же все рассказал. И что ей с карьерой придется проститься, и что Дауны и до школьного возраста не доживают, и что это позор для их семьи! Про позор он особенно долго распространялся. Благим матом орал:

– Мой сын – Даун??? Мой сын – дебил? У меня нет и не может быть такого сына! И жены, которая будет воспитывать Дауна у меня быть не может! В моем доме не место... И опять все с начала: – Мой сын – Даун!.....

Леру он сломал быстро. Она подписала отказные бумаги. Петечку, а Лера мысленно стала называть ребенка Петечкой, больше не приносили. Лера старалась не выходить из палаты, лежала, отвернувшись к стенке. Ей казалось, что все роженицы, медленно прогуливавшиеся по коридору, ее узнали, и что все они знают, что ее сын – Даун. Даун...

Леру выписали быстро. Борис приехал за ней с огромным букетом белых роз. Он забрал ее не на городскую квартиру, а на дачу и целую неделю жил с ней там, отпаивая ее чаем с коньяком.

– Я всем сказал, что ребенок умер! – как-то бросил он, пододвигая Лере чашку. – Твоя мама так плакала, что я думал, что придется неотложку вызывать!

А через неделю Борис заявил, что время не ждет и им уже пора запускаться, группа набрана, сценарий хороший. И роль там как раз под Леру – молодая одухотворенная учительница, влюбленная и благородная.

– Ты же не домохозяйка, которая копается в собственном кухонном мире! – говорил Борис. – Ты принадлежишь зрителю, а зритель хочет видеть тебя красивой и счастливой.

Они опять снимали зимой, Борису особенно удавались сцены зимой среди снежного простора. Вечерами уходили гулять за село. Лере Борис купил валенки, чтобы она не замерзала. Эти прогулки по вечерним снегам как будто бы снова их сблизили. Лера честно старалась забыть Петечку, пила на ночь снотворное и спала тяжелым сном без сновидений. Играла она плохо. Во время съемок Борис кричал и топал ногами.

– Ты можешь! Ты сделаешь это! Ты актриса, а не ткачиха ивановская! В конце концов Лера смогла отключиться и на автопилоте сыграла так как хотел Борис. Он остался доволен. Фильм сдержано хвалили, и сразу после положенного отпуска предложили запускаться с новой картиной.

Отпуск они провели в пансионате под Москвой. Прошло уже полтора года после истории с Петечкой. Лера все гадала, жив ли он еще или уже, слава Б-гу, отмучился и помер. Мысли о ребенке не покидали ее ни днем ни долгими вечерами, когда они сидели в Борисом у камина. Она представляла как выходит во двор с коляской, непременно высокой, синей с окошками, а в окошке виднеется младенческое личико. Однажды Борис разбудил ее на рассвете.

– Ты говорила во сне, – тихо сказал он, – звала Петечку. Это кто?

Лера молчала, испугавшись, что Борис будет сердит на нее. Он приподнялся на локте и пристально смотрел ей в лицо.

– Так кто такой Петечка? – повторил он.

– Я так его называю, – промямлила Лера, – ребеночка, нашего мальчика.

– Гос-ди, – мысленно взмолилась она, – ну кто у меня есть ближе чем Боря? Ну неужели он меня не поймет?

Она порывисто обняла Бориса:

– Отдай мне Петечку, – со слезами умоляла она. – Ты один можешь отдать мне ребенка! Давай попробуем еще раз, Боренька, родной! Я больше так жить не могу! Дай мне Петечку!

Борис тогда сам чуть не заплакал, обнял ее и гладил по голове как маленькую.

– Да, моя маленькая, да, любимая, – повторял он.

Каролина родилась через год. Прекрасная здоровая девочка, пухленькая, с беленькими кудряшками. Все поздравляли звездную пару, друзья восхищались, противники завидовали. Лерина мама души не чаяла в малышке. За заботами о Каролинке Лера стала забывать Петечку, перестала каждый день представлять его в доме малютки. С годами ей удалось убедить себя, что Петечки больше нет.

Каролинке не было и двадцати лет, когда скончался Борис. Лера еще несколько лет играла в театре, правда, уже роли второго плана.

Сниматься после смерти Бориса ее никто не звал. Дочка окончила университет, работала в фирме по продаже немецких холодильников, потом она перешла на работу в банк. Там в банке познакомилась Каролина с Диланом, австралийским менеджером, потом и замуж за него вышла. Через два года Дилан увез ее в Сидней. Жили они, судя по Каролиным рассказам, очень хорошо. Зарабатывали оба прилично, весь свет объездили, а потом и ребеночка завести решили. Каролина загодя оформила все документы, пригласила мать в гости на целый год. Лера радовалась, словно на крыльях летала – мальчик, внучек! Ее ждали в мае, Каролина уже и билет ей прислала. Мальчик родился в марте.

– Вес хороший – три двести, – писала в чате Каролина. – Рост пятьдесят один сантиметр.

Лера радовалась за них, покупала внуку яркие китайские одежды, ждала отъезда. Квартиру свою она сдала через агентство, деньги должны были переводить в банк.

– На мелкие расходы хватит, – думала Лера. – Главный расход в Сиднее на жилье, а я и жить, и питаться буду у детей, бесплатно. Так что мне на все хватит!

Не о том она думала!

Каролина встретила ее в аэропорту, обнялись, расцеловались, покатали чемоданы в машину. Машина, отметила Лера, шикарная - новая, открытая, ярко-красная – мечта, а не машина! Поехали они почему-то не домой, а в кафе. Дочка принесла кофе, какие-то пирожные.

– Мама, – начала Каролина, нервно теребя шарфик, – я хочу, чтобы ты знала до того, как увидишь Патрика. Только ты не волнуйся! У тебя лицо такое выразительное, ты чувства скрывать не умеешь. Дилан очень расстроится. Его родители вначале ужасно переживали, даже плакали.

– Да что такое случилось? – испугалась Лера. – Что с ребенком?

– Ты только не волнуйся, – опять завела Каролина. – У Патрика синдром Дауна.

Если бы в Леру угодила молния, то она бы не поразила ее настолько, насколько ударили по ней слова Каролины. Дочка долго не могла ее успокоить, Лера рыдала так, что им пришлось уйти из кафе. Они поехали на пустынный в это время берег океана и долго сидели на скамейке у пляжа. Каролина говорила о том какую помощь им оказывают, и как хорошо развивают таких детей, и как они живут полноценной жизнью, ну, почти полноценной. А в голове у Леры крутилось одно: – Патрик – Петечка, Петечка – Патрик! Я предала Петечку!

Привезла ее Каролина в тот день домой чуть живую. Лера даже посмотреть толком на Патрика не смогла, уснула едва раздевшись и проспала весь день. Только к вечеру поднялась.

– Мама? – Дилан вышел из детской с ребенком на руках. – Вы проснулись? Хорошо! По-зна-комтеc с внуком! Patrick dearest say hello to your Nanna Lera!

И он протянул Патрика Лере. Голубые глазки ребенка смотрели бессмысленно, светлые бровки удивленно приподняты, маленький полуоткрытый ротик был розовым, как бутоны пионов на подмосковной даче. Лера окинула взглядом маленькие ручки, сжатые в кулачки, кривенькие ножки в голубых носочках, трогательно тонкую шейку. Ее

внук. Тут уж не повыбираешь, какого Б-г послал, такого и любить. Она взяла Патрика на руки и заворковала над ним.

– Ты ж мой мальчик! Ты ж мой сладенький! Ты ж мой маленький!

Лера не видела, как прослезился Дилан, обняв за плечи Каролину, не слышала, как дочка, шмыгая носом, вытирает слезы о мужнину майку. Она вдыхала младенческий аромат внука, вбирала его по капельке, растила свою любовь к этому маленькому мальчику. И уже тогда знала, что любовь эта будет трудной.

– Бабушка! – снова подбежал к ней Патрик. – Я тебя лублу!

– И я тебя люблю! – улыбнулась Лера.

Патрик обнимает ее, его все еще младенчески пухлая ручка гладит Леру по плечу. Он отстраняется, улыбается ей и снова неуклюже переваливаясь на песке уходит к воде. Лера смотрит ему вслед и тоже улыбается. Патрик не говорит по-русски. Он знает несколько фраз, и знает, что бабушке приятно услышать что-нибудь на русском. «Лублу»!

– Петечка! – бормочет Лера.

Патрику уже шесть. За эти годы Лера была в Москве всего один раз. Город показался ей холодным и неухоженным. Без театра, без Бориса и вдаль от Кролины и Патрика жизнь теряла всякий смысл. Она пробыла в Москве две недели, переделала множество дел, поставила на продажу дачу. Встречаясь с подругами, которых завела уже после смерти Бориса, Лера водила их в дорогие кафе и изо всех сил старалась убедить их и в первую очередь себя, что жизнь удалась. Все у них с Каролинкой хорошо, все здоровы, ребенок растет, ему уже скоро в школу идти.

– Ласковый он у нас, Петечка, – рассказывала подругам Лера. – Перед сном всех – и меня и родителей, – обнимет, ручками погладит... И говорит уже хорошо, и по-русски немного знает. Гулять очень любит! Мы с ним в парк ходим, на велосипеде кататься учимся, на берегу домики из песка строим...

В конце концов Лера не выдержала и позвонила знакомому врачу. Справка обошлась недорого, и Лера узнала, что Петечка, названный в Доме малютки Сережей, в детский дом по достижении трехлетнего возраста, переведен не был. Просто не дожил до трех лет Петечка.

А Патрику через месяц должно было исполниться три года. Лера поменяла билет и улетела обратно в Сидней на месяц раньше. Что ей теперь в Москве делать? А в Сиднее Патрик без нее скучает. Няня его в парк не водит, во дворе играет, и на берег не везет мальчика, – зачем ей лишние хлопоты!

Лера привыкла к Сиднейской жизни, ей почти совсем перестала сниться старая сирень у окна ее спальни на даче. Да и сама дача теперь принадлежит чужим людям. Интересно, сохранили ли они сирень? Выкорчевали, наверное, старый куст, как сама Лера выкорчевала свою московскую жизнь...

Патрик уже ходил в школу, и Лера полдня была свободна. Она искала себе занятие, наводила блеск в доме, складывала из квадратиков картинки, записалась в библиотеку. Но не было такого дня, чтобы она не задавала себе ставший главным для нее вопрос:

– Сказать Каролинке про Петечку или не говорить? Унести тайну с собой или облегчить душу на старости лет?

Да и как воспримет это дочка? А уж Дилан, который в Патрике души не чаёт, верно, и слова с ней по-доброму никогда не скажет!

Патрик опять подбежал к бабУшке. Он нашел ракушку и спешит поделиться радостью. Таких ракушек у них уже много, и на каникулах они с Патриком будут делать бусы для мамы. Лера рассеяно погладила мягкие светленькие волосики Патрика.

– Ты мой любимый, – сказала она, – ты мой маленький Петечка!

– I am not Pe-tech-ka! – возразил Патрик. – Babushka say Pat-rick! Pat-rick!

Он выжидательно смотрел на нее, и Лера покорно повторила его имя трижды.

– Good girl Babushka! – похвалил ее Патрик и снова ушел к воде.

Лера посмотрела на часы: еще минут пять и пора домой. Дилан любит, чтобы к ужину все собирались вместе. После ужина Патрик помогает убрать со стола, а потом сразу ложится спать.

Дома они теперь едят из пластиковых тарелок. Патрик учится мыть посуду, и вилки, ножи и тарелки постоянно выскользывают из его неловких рученок. Но Дилан с Каролиной решили, что сын должен уметь сам себя обслуживать. Патрик сам одевается, чистит обувь, собирает свои игрушки.

– Мама, поймите, – доказывал ей Дилан, – мы не строги к ребенку, мы реально смотрим на вещи! Патрик должен жить как все дети, а времени обучиться всему у него уйдет больше, чем у других. Помогайте ему советом, но не более!

Лера понимает, что родители правы, но сердце ноет, глядя как Патрик мыльными ручками старается удержать скользкие тарелки.

– Так сказать или не сказать? – неотступно крутится в голове мысль. – А что это изменит? Петечки давно нет на свете, а Патрик мне самый родной ребенок. А Каролинка еще подумает, что мы ее родили взамен

Петечки. И вообще, она такая принципиальная... Дилан меня презирать будет, это уж точно!

Патрик попрощался с папой и бабушкой, и Каролина отвела его в спальню. Это ритуал, от которого ребенок не дает отступать. Мама должна прогнать всех монстров, притаившихся под его кроватью, а потом сказать: – Спи спокойно, увидимся завтра!

Лера сварила кофе, принесла поднос к дивану перед телевизором, поставила на столик. Дилан поблагодарил, отпил из своей чашки и оглянулся на Каролину.

– Ты хочешь рассказать или мне начинать? – спросил он.

Каролина молча глядела в свою чашку, и Дилан, вздохнув, начал разговор.

– Мама, мы хотели бы иметь еще одного ребенка. Когда мы состаримся, у Патрика будет близкий человек его возраста, брат или сестра. Мы сегодня были у врача. Он считает, что у нас очень хорошие шансы иметь здорового ребенка, посоветовал нам попробовать. Так и сказал: – Go ahead! – Вперед!

– Мама, ты нам очень помогаешь! – вступила Каролина. – Патрик уже в школе, полдня ты свободна. Когда родится ребенок, мы возьмем няню на полдня, она будет и с хозяйством помогать, и все вместе мы справимся.

– После школы Патрик будет проходить курс специального развития, мы уже нашли подходящий клуб, говорили с тренером. Начнем в феврале, пусть Патрик попробует, пускай привыкнет.

– Мама, – предвидя Лерины опасения вставила Каролина, – Патрику надо учиться жить. А там серьезные тренировки, даже пони-клуб есть, их учат ездить верхом!

Лера только и смогла сказать:

– Делайте как вы считаете лучше, дети...

Ночью она ворочалась, сон не шел. Ну, теперь-то надо Каролине сказать обязательно. И Дилану надо сказать про Петечку. А вдруг у них опять получится ... Лера даже мысленно боялась произнести этот приговор: «синдром Дауна».

– Несчастливая моя девочка, – думала она, ворочаясь под вентилятором в своей слишком теплой спальне. – Все из-за меня! Если бы я давно рассказала ей о Петечке, может быть она не стала бы рожать Патрика... В глубине души, хорошо зная свою Каролинку, Лера понимала, что та все равно бы родила, и так же самоотверженно заботилась бы о ребенке, независимо от того чем он болен. Вспомнить только какая она активистка в группе родителей детей с синдромом Дауна.

Утром Лера достала дорожную сумку. Она соберет немного вещей на первое время, вдруг дети воспримут ее рассказ совсем плохо и ей придется сразу уйти из дому. Деньги у нее есть. Дилан настоял, чтобы она не тратила на хозяйственные нужды. А теперь уже год как она стала получать австралийскую пенсию. Она проживет! Но вот Патрик... Как ребенок останется без бабУшки, кто его заберет со школы, кто повезет на берег. И воздушно змея она ему обещала... Может, отложить на денек, а завтра она сходит в магазин игрушек... Нет! Сегодня! Откладывать нельзя, потом будет поздно.

Патрик в тот вечер перед сном обнимал ее особенно долго, гладил ручками по спине, перебирал волосы.

– Ты такая красивая, бабУшка, – сказал он, – почти как мама. Спокойной ночи. Увидимся завтра!

Ритуал соблюден, и Патрик за руку потянул Каролину в спальню, а Лера стала варить кофе. Она теперь варит кофе с корицей и шоколадом. Детям нравится, хвалят. Кому она завтра кофе сварит, а главное, где?

Каролина вернулась быстро. Патрик, утомленный беготней по берегу, заснул, как только голова коснулась подушки.

Сегодня Лера решила не сидеть на своем обычном месте рядом с Каролиной на диване. Она выбрала низкий пуфик, на котором любил сидеть Патрик, и села напротив сидящего в кресле Дилана.

– Я должна вам рассказать, дети, – начала она. – Это случилось за два года до твоего рождения, – Лера подняла глаза на Каролину.

Когда она закончила свой рассказ смертью Петечки, в комнате повисло молчание.

– Ну, вот оно! – побледнела Лера. – Сейчас начнется...

– Бедная моя мамочка, – со слезами в голосе проговорила нараспев Каролина. – Бедная мамочка, ты скрывала это ото всех столько лет, носила в себе! С тобой не было никого, кто бы смог тебе реально помочь, посоветовать...

– А ребенок точно умер? – спросил практичный Дилан.

– Я читала о таком отношении к даунятам в то время, но теперь же все по-другому, правда? – в голосе Каролины звучала надежда.

– Это должно быть правдой! – подтвердил Дилан. – Время другое, врачи другие, и люди теперь совсем не такие категоричные! – А может у вас неверные сведения и Petech-ка жив? Мы можем нанять detective искать him! – Дилан от волнения вставлял английские слова.

– Нет, дети, все точно, – покачала головой Лера, – Петечка не прожил и трех лет. Тогда такими детьми не занимались, не развивали, – голос Леры прервался. – Не лечи...ли... – шепотом закончила она.

– Пойдем, мамочка, спать, – встала с дивана Каролина, – тебе надо лечь!

– Она обняла Леру за плечи и повела в спальню. Следом за ними в спальню вошел Дилан с бокалом бренди.

– Мама, вам надо выпит это! Русским всегда помогает выпит алкоголь! – настаивал он.

Лера выпила, даже не почувствовав вкуса и, слава Б-гу, провалилась в сон.

По субботам к ним обычно приезжали родители Дилана, жившие в маленьком городке недалеко от Сиднея. Они очень любили Патрика, каждую субботу увозили его гулять и кататься на пароходике, курсировавшем по Сиднейской бухте. Дилан попросил у Леры разрешения рассказать родителям о Петечке. Лера согласилась. Ей теперь было все равно, – дети поняли, не осудили, простили ее. Главное, что она останется с Патриком. В тот день, прощаясь, Грейс, мать Дилана, очень чопорная дама, неожиданно потянулась обнять Леру, а Байрон, его отец, долго тряс Лерину руку. В понедельник после школы Лера отвезла Патрика в парк. Маленький складной велосипед помещался в багажнике машины. Ребенок ездил по дорожкам, взвизгивал, проезжая возле фонтана, – брызги летели во все стороны. Умаявшись, Патрик сел на скамейку передохнуть.

– Бабушка, – спросил он, болтая ногами, – Nanna Grace рассказала мне о твоём маленьком мальчике. Он теперь в Раю и смотрит на меня, правда?

– Правда, милый, – подтвердила Лера.

– И ты очень печальная потому что скучаешь за ним, да? – допытывался Патрик.

– Да, милый, да, мой родной! – Лера обняла его плечики.

– Ты хочешь называть меня Pe-tech-ka? – повернулся к Лере Патрик. – Я не буду тебя поправлять, ты же просто хочешь кого-то так называть чтобы не быть печальной, да?

Лера не смогла сдержать слез, и Патрик сначала размазывал ей слезы по лицу руками, потом, вспомнив, достал из кармана школьной курточки клетчатый носовой платок.

– Use your manners! – очень серьезно сказал он, протягивая Лере платок. Лера рассмеялась сквозь слезы, и Патрик тоже улыбнулся, ему нравилось, что бабушка больше не плачет.

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

«Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Тарас Бульба. Николай Гоголь

Да полно, Николай Васильевич. Что-то Вы того, соврамши. Припомним хотя бы ближайшее к нам время суконных буденовок и легендарных тачанок. Ух, как резали братья друг друга, особенно на Украине. Да и искусственно организованный там же через десяток лет голодомор говорит о чем-то очень существенном. Невольно вспоминаются горькие слова того же Тараса Бульбы: «свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке». Так что последнее, как тенденция, проявилась задолго до приснопамятного 2014. Но лично для меня авторитет Гоголя был неколебим, несмотря на то, что многие умные люди именно ему приписывают сейчас всеобщий критический взгляд на русское общество в 19 веке, что в конце концов и привело к революции. Да иначе и быть не могло. Мир Хлестаковых, Маниловых, Коробочек, Городничих, Ноздревых и Собакевичей вряд ли имеет право на существование. Но первая трещина в моем великорусском мировоззрении появилась где-то в конце 1995 года, в разгар всеобщего криминала. Я тогда возвращался из Одессы после бурного семинара работников сохнута, с музыкой, танцами, флиртом напрополюю, с одесским Привозом, стриптиз-баром за казенный кошт и прочее, прочее. В конце концов, окончательно отощавший в смысле собственных карманных, я прихватил в ближайшем киоске поллитру с яркой наклейкой, убеждающей меня в ее чистейшем «пшеничном» происхождении, и отбыл на малую родину в Бердянск. По дороге, от скуки в дребезжащем с разбитыми окнами вагоне, я приложился пару раз к этой «паленке», и тут началось. В общем, я приехал в Запорожье едва живой, у меня было окно в несколько часов, и я пошел на местный базарчик перехватить какой-никакой экзотический фрукт, чтоб почистить организм. Хватило на пару бананов. Я стоял, снимал кожуру, и тут рядом услышал разговор, который меня буквально ошарашил. В то время стихийные митинги возникали как воронки на воде, то тут, то там, выплескивая массу интересной и незнакомой информации.

Общество, лишенное в течение 70 лет доступа к самым элементарным фактам и мнениям, питалось этим словесным планктоном и не могло насытиться. Но тут поперло что-то совершенно немислимое. Стайка молодых парней вполне трезвого (сис!) вида поносила вонючую, заплывшую салом Хохляндию. Главным объектом звериной ненависти был украинский язык. И это в самом сердце запорожского казачества, рядом с Хортицей! Во, блин! Главный аргумент был, что не может нормально мыслить человек, который вместо «ребенок» говорит ДЫТЫНА, вместо «лестницы» – ДРОБЫНА. А их Ленский поет «Чи гепнусь я дротом продертый». И т.д. и т.п. Я украинский осваивал в бригаде электриков на Львовском номерном, 24-м. Мне нравилась их певучая галицийская мова с большим вкраплением мягко шипящего польского. И, садясь перекусить во время перерыва, с неизменной мензуркой чистейшего ректификаката, никто не обращал внимания на каком языке кто говорит. Одни, особенно которые отслужили срочную - говорили по-русски, другие на мове. Все это было как-то гармонично и лишь придавало соли привычным мужским байкам, с преимущественно женской темой. Чаще всего насчет одной девчухи со сборки, которая работала там после окончания школы. В ней была какая-то толика еврейства и нас все пытались свести, чем приводили меня в жуткое смущение. И вся разогретая компания добродушно ржала. С того времени прошло уже 20 лет и разговор с такой отвратительной направленностью меня буквально потряс.

Мне случалось сталкиваться и с экстримом другого толка. Тогда к нам в институт ректором пришел Максимович, муж небезызвестной Марии, бывшей радистки самого Николая Кузнецова. Ему приписывали два генеральных тезиса. Первый был: «В моем институте будут преподавать только на украинском языке». И второй: «В моем институте я не допущу, чтобы евреи превысили 5-процентную норму».

Первое он начал осуществлять немедленно. На минуточку, это был 1964-й год. Помню как сейчас, пришел тогда в аудиторию Полищук, зав-кафедрой измерительной техники, ведущей на нашем факультете автоматики, и сказал: «С этого дня все лекции по моему предмету будут читаться на украинском. Иностранцы, сидящие здесь, могут выйти. Я им прочитаю эту самую лекцию на русском». Кстати, никто не вышел. А мне было до лампочки. Он читал на мове, а я успевал все записывать на русском. Хрена ли. Есть о чем спорить.

Но через десять лет после того примечательного разговора, подслушанного мной на рынке в городе Запорожье, я услышал буквально

то же самое. Опять о «дытыне», «дробыне» и «Чи гепнусь я...» у костра под Мельбурном на слете бардов, в 6 часов утра, пока еще все спали. Пара хлопцев из Новой Зеландии, заглянувших специально на мельбурнский слет, толковали о том же. С необычайной злобой. Это был уже 2006-й.

Тема имела неожиданное и несколько даже драматическое продолжение уже с прямым моим участием. Через год после слета в лесу, то есть осенью 2007-го, я попал в финал поэтического турнира в Лондоне «Пушкин в Британии». И там, в заключение, Владимир Бондаренко, бывший в жюри турнира, познакомил нас с малоизвестным тогда стихотворением Иосифа Бродского «На независимость Украины». Интересно, что сам Бродский это свое стихо никогда публично не озвучивал, и его можно понять. Привожу его в той редакции, в которой нам его представил тогда Володя.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

На независимость Украины

1994

Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
"время покажет Кузькину мать", руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.
То не зелено-квитный, траченный изотопом, –
жовто-блакытный реет над Конотопом,
скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.
Гой ты, рушник, карбованец, семечки в полной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.
Скажем им, звонкой матерью паузы медля строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога!
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть – так сообща, путь выбирая в чаще,
а урицу из борща грызть в одиночку слаще.

Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом. Вашего хлеба, неба,
нам, подавись мы жмыхом и колобом, не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом?
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Это земля не дает вам, кавунам, покоя.
Ой да Левада-степь, краля, баштан, вареник!
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза –
нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухай!
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Как говорится, вопрос исперчен. Куда там хлопцам из Запорожья
(Конотопа) или Новой Зеландии. На то он и нобелевский лауреат.
Сказал, как говно по стенке размазал, И неважно, что здесь правда, что
ложь. Это как раз те слова, которые как челнок в вязальной машине,
формируют материю.

Интересно другое. Получив в свое распоряжение столь горячий текст, я
не знал, что с ним делать. Он обжигал руки. И я решил проверить
реакцию публики. Тут как раз случилось в Мельбурне заседание так
называемого «дискуссионного клуба». Я взял слово, надеясь впарить
этот текст между делом, не концентрируясь... И запустил очень большую
тему насчет опасности раскола национального сознания. Рассказал, как
пал Иерусалим 2000 лет назад. Как античные радикалы, воинственные
фанатики «зелоты» (кинжалщики), вместо того, чтоб организовать
сопротивление римлянам, гонялись по осажденному городу вместе с
недавно обращенными в иудаизм идумеями за священниками из храма,
обвиняя их в готовности сдать Веспасиану, чтобы сохранить храм,
религию и государство. Кругом валялись истерзанные трупы в богатой
священнической одежде, расшитой самоцветами. В конечном счете,

чтобы исключить самую мысль о соглашательстве, эти zeloty подождли продовольственные склады, где было жратвы и вина еще года на три осады. После чего в городе начались эпидемии, голод, людоедство и пр. И, наконец, трагический и неизбежный финал. В заключение я привел стихотворение Бродского – дескать, как происходит нечто подобное на наших глазах. Что тут началось! Кто-то посреди чтения вскочил на ноги и стал на меня орать Я предложил ему не слушать и на хрен убраться, а я дочитаю. И он убрался, а я дочитал, невзирая на общий ропот. Иерусалим моментально был забыт. Меня обвинили в гнусной попытке поссорить два великих бртских народа – русский и украинский (на минуточку, в зале сидели 90 процентов с пятой графой – ужасно смешно). А на мое замечание, что это не более чем стихотворение Иосифа Бродского, написанное в 1994 году, никто не обратил внимания, а ведущий Зяма Плотке заявил, что это самое отвратительное выступление, которое он когда-либо слышал, и все должны от него откреститься.

Сказать, что я был обескуражен, значит ничего не сказать. В общем-то мне хотелось, кроме прочего, как-то донести, что крупнейший русский поэт на голубом глазу озвучил глубоко обывательскую, примитивную, абсолютно шовинистическую русопятскую точку зрения, потому, наверное, и стеснялся объявить ее публично. И не зря. Что и показала стихийная реакция зала.

Через семь лет громыхнуло. Вот так. А Зяма Плотке передо мной так и не извинился, увы.

СИМА ЦЫСКИНА

Из своего родного Таллинна, где она работала в газете, Сима Цыскина уехала в 1978-м году. До Австралии она добралась в 1979-м. Здесь у нее не было потребности писать, а была потребность много болтать, которая и реализовывалась в течение более 37 лет у микрофона

русской программы радио SBS. Как и любая работа, кроме профессионального навыка, она предполагала и наличие серьезного чувства юмора, который Симе сопутствовал всю жизнь. На вопрос: «А почему бы вам не писать?», – она всегда реагировала с недоумением. И вдруг, в достаточно уже солидном возрасте, в ней начали просыпаться забавные жизненные заметки.

Четыре сюжета про порнуху

Сюжет первый. ТАЛЛИН (тогда – с одним Н)

Про порнокино в СССР знали, в основном, понаслышке. Хотя и находились счастливицы, побывавшие в весьма неотдаленной Финляндии, которые, прибарахлившись у резвых торговцев в порту, находили время заскочить для культурного времяпровождения в кинотеатр.

Вернувшись домой, и задумчиво раскурив импортную сигарету от импортной же зажигалки в кафе Пегас, за чашечкой кофе с коньяком, они делились тем, что именно происходило на экране.

– Чуваки, это высокое искусство, игра света и тени. Красивые люди, красивые гениталии, – втолковывал Уно Каламаа, известный режиссер Таллинфильма, грея в ладонях тюльпановидный бокал. Недавно он был удостоен международной кинопремии за свою пластилиновую мультипликацию по мотивам Ильфа и Петрова.

Народ возбужденно тарасился.

Посмотреть порнуху было голубой мечтой.

И вот для избранного круга мечта осуществилась, но не подумайте – вовсе не для гнилой интеллигенции, а самых, что ни на есть, работяг.

В мастерскую бытовых услуг, разместившуюся в средневековом и довольно мрачном здании на углу Ратушной площади, вход в которое осенял пудовый чугунный сапог, кто-то притащил кинопроектор и

катушку 8-миллиметровой пленки. Здесь же, в небольшой комнате, растянули белую тряпку экрана.

Публики набилось, как сельдей в бочке, дым стоял коромыслом. Фильм был произведён в Швеции, и действие происходило в коровнике. Резвая доярка с косичками сначала подносила скоту сено, а потом на том же сене ублажала себя разными предметами, в том числе – ручкой от граблей.

Дамы стыдливо потупились, но из зала не выходили.

Затем появился конюх в фартуке на голое тело, и заученными движениями стал иметь доярку крупным планом, в хвост и в гриву.

Зрители ахнули, из коридора напирала желающие приобщиться. Атмосфера накалялась.

В последнем кадре героиня старательно слизала остатки пиршества с живота героя.

Часть вспотевшей публики вывалилась в коридор, в комнату вдавились новые зрители. Свет погас – и перемотанный ролик покатился снова.

Весть о запретном киносеансе распространилась быстро. За день фильм посмотрели ювелиры обоих полов, а также часовщики. Набежали портные и швеи из ателье на соседней улице Виру. Прибыл начальник цеха, со своим заместителем и секретаршей. Пришли продавцы, продавщицы и заведующий из гастронома напротив, а также два дворника.

Пожилой модный портной Леопольд Рубинчик, выбравшись из кинозала, положил под язык таблетку нитроглицерина, но сильных эмоций не высказал:

– В буржуазное время, когда это ателье было моё, мы тоже кое-что могли. Я был жгучий брунет, и меня любили эстонские дамы! Мы с братом Руди держали respectable квартиру на Виру, куда можно было пригласить блондинку, и все были довольны. Но Сталин был великой гуталинщик, и нас отправили в Сибирь. Хотя даже там со временем можно было с этим тоже как-то устроиться.

– А теперь у меня постоянно полшестого, – добавил он, пожевав губами, хотя часы на стене показывали без десяти четыре.

Последним на сеанс явился в полном составе наборный цех близлежащей типографии «Сигнал» во главе с метранпажем, дюжей женщиной Ритой, перекачавшей из одного угла рта в другой папиросину «Беломор».

– Вот моему бы Семену на это посмотреть, – провозгласила Рита после фильма. – А то он шишку-то свою трёт-трёт, а когда – давай, так ничего! Допился, алкаш...

На последних сеансах ролик крутили задом наперед. Все с удовольствием оценили творческую находку.

Позднее мастера цеха вызвали на ковёр, но никаких серьёзных санкций не последовало.

Поговаривали, что владелец пленки несколько раз крутил киношедевр в бане для горисполкомовского начальства, но это, конечно, были пустые сплетни.

Сюжет второй. ВЕНА

Мама Эльза всегда оставалась женщиной, до мозга костей. Несмотря на то, что в момент отъезда из Советской Эстонии ей исполнилось 70 лет, она выглядела не более, чем на 65.

Мама Эльза красила губы ярко красной помадой, ресницы чернейшей тушью, а брови наводила блестящим черным карандашом. Кроме того, под волосами у нее был спрятан шиньон, скрывавший поредевшую макушку.

Щеки у мамы Эльзы были нежного младенческого оттенка, благодаря изрядной порции румян, припорошенных сверху персиковой пудрой «Рашель».

Поскольку в Вене стояла осенняя погода, на маме Эльзе было великолепное пальто из черного букле с норковым воротником и кокетливо сдвинутая набок шляпа с широкими полями.

Артурчик, в отличие от мамы, выглядел не столь свежо. Перед отъездом он две недели гудел по таллинским кабакам в компании многочисленных подруг. Брючки его были изрядно помяты, на подбородке красовалась недельная щетина. Из-за хронического похмелья эффект от заграницы, обычно бьющий советского человека по мозгам, тоже оказался несколько смазанным.

По прибытии в Вену мама Эльза потянула сыночка прогуляться по улицам. Вену она помнила неплохо – до войны именно здесь она жила с родителями и сестрами, и именно отсюда семье удалось вовремя унести ноги в Эстонию, перед самым гитлеровским аншлюсом.

Но не успели они обосноваться в Таллинне, а папочка – поставить на производство очередную фабрику мануфактуры, как с востока произошел другой аншлюс – Эстонию присоединили к Советскому Союзу.

Снова пришлось погрузиться, на этот раз – в теплушки.

Папочка с тремя новоиспеченными зятями отправился в Сибирь, где сгинул без следа. А Эльза с годовалой дочкой, двумя сестрами, и в компании полного вагона арестованных эстонок, выгрузилась в Кировской области. Привыкшими к фортепиано руками, она первое время собирала картошку в колхозе, ну а затем шила шубы на фабрике «Белка» все последующие 10 лет ссыльного поселения. Причем весь конвейер работниц между собой говорил сугубо по-французски, несмотря на праведный гнев бригадирши, присматривавшей за буржуйками.

В общем, у мамы Эльзы была богатая биография, но, по ее собственным словам, она никогда не прекращала следить за собой, чтобы оставаться привлекательной для мужчин.

Потому что, по мнению мамы Эльзы, секс сохранял молодость.

И вот теперь, попав наконец в знакомую до боли Вену, и выпив кофе на площади перед сбором Св. Стефана, мама Эльза объявила Артурчику, о своем сокровенном желании - первым делом посмотреть порнофильм.

- Мама, ты сошла с ума, - завопил Артурчик. – Ты пожилая женщина. Твоей внучке в Израиле 18 лет уже. На что это похоже? Покойный папа в гробу перевернется...

– Не перевернется, – с достоинством ответила мама Эльза. – Рудольфи очень интересовался сексом, поэтому я постоянно вытаскивала из его постели любовниц. Даже в советское время, когда он вернулся из лагеря. А до войны они с братом Леопольдом на двоих держали на Виру холостяцкую квартиру для утех, пока мы с сестрой не прекратили это дело. В общем, считай, что я делаю это вместе с ним. Он будет мысленно с нами.

– Хорошо, – сказал Артурчик. – Я с тобой пойду, но я тебя не знаю.

Кинотеатр «Астор» размещался в довольно темном переулке, вдалеке от фешенебельных районов. Мама Эльза от трамвая, в котором они из экономии проехали зайцем, шла под руку с сынком, однако по мере приближения к дверям, он начал от нее отпихиваться.

Билеты купили по отдельности, и служитель с фонариком провел их на разные места. Артурчик сидел впереди, мама Эльза – на два ряда дальше. Зал был полупустой, в основном в креслах развалившись курили мужчины весьма пролетарского вида. Явление аристократической мамы Эльзы, при полном макияже, в модной шляпе и пальто, явно произвело впечатление, несмотря на полумрак.

Через полчаса, когда на экране со вкусом разворачивалась групповуха, с участием одного черного и трех белых парней и двух девиц с косичками, судя по виду – шведок, в зале раздавался хруст фольги и громкий шепот мамы Эльзы: – «Arthurchen... Arthurchen...»*

Артурчик замер, сделав вид, что не слышит. Не тут-то было. Зов стал настойчивей, и в нем послышались решительные нотки. Поняв в глубине души, что сопротивление бесполезно, он обернулся. Мужчина, сидевший за его спиной, передал ему полплитки шоколада и прошептал:

– Von dieser netten Dame.**

– Danke,*** – машинально пробормотал Артур, севшим от злости голосом, и пробираясь по ногам, вышел из зала.

Мама Эльза пришла в пансионат вечером довольная и возбужденная.

– Напрасно ты ушел, этот господин меня проводил. Он такой милый!

Завтра мы пойдем с ним пить кофе. Но знаешь, он мне рассказал, что есть кабинки, где можно смотреть порно в дырочку, только надо бросать монетки. А если быстро меняться, то за одну монетку мы сможем посмотреть вдвоем. Давай, собирайся!

*Артурчик (нем)

**От этой милой дамы (нем)

***Спасибо (нем)

Сюжет третий. РИМ

Ах, Рим!

Колизей, Пантеон, Сикстинская капелла, которая в том, приснопамятном году, как на зло, была закрыта на реставрацию.

Однако, разношерстную толпу бывших советских граждан, катившуюся туда-сюда по курортной набережной Лидо-ди-Остия, недоступность микельанджеловского шедевра вряд ли тревожила. Она была занята повседневными делами – добычей приработка к скудному еженедельному пособию от щедрот благородных американских евреев, ну и распространением слухов и сплетен, обычным в состоянии перманентной вздрюченности.

– Надо ехать в Майами, там хороший климат...

– Вы с ума сошли, только Нью Йорк, только Брайтон Бич, там все наши, и английский не нужен...

Стелла целеустремленно продиралась через толпу. Ей было дано задание купить порнофильм на восьмимиллиметровой пленке.

До этого она долго препиралась с мужем, кто пойдет, но в последнюю минуту зашел сосед и увел Гарика на Круглый рынок за куриными потрошками и индюшачьими крыльями, прозванными находчивыми эмигрантами «Крылья Советов». Ввиду крайней дешевизны они и составляли рацион большинства семей на довольствии.

Внучка соседки Эстер, уже ходившая в первый класс организованной тут же английской школы, копалась в супе, вылавливая кусочки и волновалась: «I hope, it's not pup!»

Стеллиной дочке Анечке было всего два года, но по мнению соседки по квартире, этого ребенка ждало большое будущее.

Соседка Эстер была интеллигентнейшей пожилой дамой из Эстонии, знавшей пять языков, и в молодости обучавшейся в венском университете. Маме Эльзе она приходилась троюродной сестрой, но слегка ту презирала, за чрезмерное, как ей казалось, внимание к собственной внешности, а племянничка Артура называла не иначе, как «стрекозёл».

Свое заключение о гениальности соседского ребёнка она сделала не на пустом месте – на днях Анечке, как положено, купили золотые сережки с маленьким камушком, и со второго этажа была приглашена свирепого вида бывшая косметичка из Москвы для прокалывания ушей, с шилом наперевес. При виде устрашающего инструмента Анечка заорала, как пожарная сирена, и орала, захлебываясь, до тех пор, пока ее не поднесли к зеркалу с сережкой в одном проколоте ушке. Посмотрев на результат, ребенок сглотнул слезы и сопли и решительно потребовал: «Дугую».

Тем временем в отсутствие Стеллы, папа Гарик уже полчаса безуспешно уговаривал свое чадо поесть индюшиного бульончику. И тут его осенила блестящая мысль – в коридоре на стене красовалось немудреное украшение бедной съемной квартиры – бутафорский рыцарский шлем и сабля. Сорвав саблю, он ворвался в кухню, с криком рассекая воздух: «Жри, дрянь, убью на фиг!». Кукольная Анечка с интересом посмотрела на папу большими черными глазами и радостно засмеялась.

Уставший Гарик валился с ног – ему надо было подготовиться к очередному выходу на базар «Порто Портезе», где эмигранты поторговывали всякой всячиной – от советских презервативов и нотных сборников до разного рода технических приборов. На кухонный стол был выставлен кинопроектор, который следовало опробовать. Дюжий Гарик стучал по агрегату железным ребром ладони, пытаясь добиться желаемого результата. Наконец проектор, устав сопротивляться, с ворчанием включился и дал луч.

– Направленно-рассеянный свет, – с удовлетворением констатировал Гарик.

– Дорогой мой, – образованная Эстер вынула изо рта сигарету, – это несовместимые понятия. Либо – направленный, либо – рассеянный...

– У кого-то, может, и несовместимые, а у нас, – изрек Гарик и пригласил убедиться.

Действительно, луч, несомненно, был направленным, но вместе с тем какая-то рассеянность тоже явно прослеживалась. По-видимому, причиной противоречивого феномена была хитрая советская оптика, пользовавшаяся среди итальянцев большим спросом. Вероятно, благодаря своим непредсказуемым эффектам.

Эстер подняла бровь. Она уважала Гарика за то, что он каждую неделю ездил в Рим, как он говорил – в театр. Правда на вопрос, какую пьесу он смотрел, отвечал уклончиво, ибо заплеванные стриптизные театрики вокруг римского вокзала «Термини» названия своим представлениям не давали.

Итак, поход Стеллы на набережную увенчался успехом. На контрольный прогон проектора были приглашены родственники, друзья и знакомые. Детей оставили в соседней комнате под присмотром Эстер.

Публика собралась благодарная и сопровождала каждую сцену одобрительными комментариями, ибо звуковой дорожки у ленты не было.

В разгар действия в небольшую паузу ворвался звонкий голосок Анечки, по-видимому, исхитрившейся сбежать из-под присмотра: «Тётя кусает банан!».

Гарик привычным движением рубанул по проектору ребром ладони, убив тем самым ни в чем не повинный прибор навсегда.

На следующий день соседка Эстер, закурив сигарету, повторила:

– Помяните мое слово, эта кукла еще даст вам всем просратья...

Так и случилось. Через много лет Анечка стала в Австралии кинорежиссером и сняла довольно успешный детективный фильм «Рашен Глобтроттер», изобиловавший постельными сценами, и тепло встреченный критикой.

Не все заметили, что в небольшом эпизоде снялся и полысевший папа Гарик.

Он очень достоверно сыграл труп.

Сюжет четвертый. МЕЛЬБУРН

В конце 70-х годов прошлого века Австралия была еще непуганой патриархальной страной. В воскресенье пабы и магазины закрывались, ибо воскресенье было днем для церкви. В субботу супермаркет работал до 12 дня, и эмигрантам, всю неделю вертевшимся на работе, как белки в колесе, надо было с утра успеть еще и на базар, чтобы дешевле отовариться овощами и мясом на всю неделю.

Культурная жизнь была ключом где-то в высших сферах, но по дороговизне билетов и слабому знанию английского для среднего бывшего советского гражданина была малодоступна. Зато для дома можно было, наконец, обзавестись цветным телевизором и даже – видеомагнитофоном. А к нему, конечно, полагались и фильмы. В том числе - вожделенная порнуха. Ночной кинозал, так сказать.

Качество сто раз переписанных кассет было неважным, поскольку официально прокат фильмов ХХХ-рэйтинга был запрещен почти во всех штатах Австралии.

Исключение составляла территория столицы Канберры, возможно потому, что членам правительства надо было как-то коротать время между напряженными парламентскими сессиями. Тем не менее, после обильного, по-советски, ужина с не менее обильными возлияниями, хозяин дома предлагал желающим просмотр этих мутных кассет. Сюжет, как обычно, был довольно незатейлив, а включённые в него физкультурные действия – однообразными.

Что-то интересное попадалось редко. Такое, например, как греческий ролик, произведший большое впечатление. При виде полу-античного красавца с внушительным инструментом, поросшего курчавым овечьим руном, одна из дам даже воскликнула: «Ах, какой человек!»

Тем не менее, душа жаждала большего.

Культурного времяпрепровождения, скажем, или выхода в город. Большого экрана, в конце концов.

Сенсацией эротического кино в ту пору была «Эммануэль». И именно туда был организован культпоход. Кинотеатр располагался на втором или даже третьем этаже офисного здания в центре сити на Сванстон стрит.

Перед фильмом обещали стриптиз.

У входа в пошарпанный кинозал зрителей встречала высоченная негритянка на платформах, с голой грудью и какими-то тряпочками на бёдрах.

Когда все расселись, она закрыла дверь и деловито поднялась на небольшую сцену. Народ захрустел попкорном. Заиграла оглушающая музыка, негритянка минуту отрешённо поизвивалась, и сняла свои тряпочки. Еще чуток повертев попой, она поцеловала в плешь предусмотрительно севшего в первый ряд выходца из Одессы, а затем удалилась.

Публика вяло похлопала, свет погас, и на экране молниеносно промелькнула эмблема с фонарем, в которой было что-то до боли знакомое. Оказалось, что до начала главного кино показывают мультик. Голос за кадром что-то бубнил по-английски, но незнакомые слова складывались в знакомые предложения: 'Pedestrians should be loved' – неужели – «пешехода надо любить???» И по мере того, как на экране бедный пластилиновый пешеход уворачивался от разных опасностей, в оторопевшем мозгу синхронно вспыхивали строки: «Пешеходу разрешают переходить улицы только на перекрестках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где волосок, на котором обычно висит его жизнь, легче всего оборвать».

В захудалом порно-кино, в центре Мельбурна пролог к «Золотому Теленку» воспринималась совершенной фантазмагорией. И, тем не менее, она была реальностью.

Наконец снова появилась серая эмблема «Таллиннфильма» с уличным фонарем, из-под которого поплыли заключительные титры, причем список гордо возглавляла фамилия Уно Каламаа, известного мультипликатора, который под коньячок в кафе «Пегас» проповедовал о высоком искусстве порнофильма. Все вернулось на круги своя.

А потом пошла «Эммануэль», но это было совсем уже неинтересно.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ВОЛШЕБНИКИ

Редактор Галина Лазарева

ДАРЬЯ ГЕРАСИМОВА

Кандидат искусствоведения, также пишет взрослые и детские стихи и сказки. За одну из своих первых книг – сборник детских стихов «Крокодиловая роща» получила премию «Алые паруса», а с одной из последних, книгой «Азбука. Игра в слова», стала лауреатом Всероссийского конкурса книжной иллюстрации «Образ книги» в номинации «Авторская книга». Живет в Подмоскowie, выращивает детей, котов, собак и маленькую черепашку

Люди

Люди разные,
Посмотри –
У кого-то птица поёт внутри,
У кого-то серая спит сова,
У кого-то ворон склевал слова.
Здесь –
Весною кричат грачи,
Там –
О чём-то павлин молчит.
У кого-то ласточка или стриж,
У кого-то – весёлый чиж.
Этот чиж
Все дни напролёт
Скачет, прыгает и поёт,
Ветры слушает, что кружат,
Учит песням своих чижат.
А бывает
Внутри живёт
Полосатый, когтистый кот.
Или нет никого внутри...
Люди разные,
Посмотри.

Вот пёс, который...

Вот пёс,
который любит мир,

А в мире:
стол, где режут сыр,
Где иногда
лежит паштет,
И никого с ним рядом нет,
Где белым облаком –
мука,
Где нету на двери
замка,
Где запах кур и колбасы,
Где рай,
в котором млеют псы,
Где чад и жар,
Плита или печь...
Где в самом центре можно лечь,
Забыв,
весь этот мир любя,
Что здесь –
споткнутся об тебя...

Осенние рыбы

Дождливою ночью,
Почуяв прохладу,
Осенние рыбы
Гуляют по саду.
Они,
Тихо-тихо,
Выходят из речки,
Шагают по травам,
Сидят на крылечке.
В садах,
Где промокли
Притихшие дачи,
Осенние рыбы
По яблоням скачут,
И песни поют
На своём языке.
И спелые яблоки
Катят к реке...

Лошадки

Над водой стоит лошадка,
В гриве –
Ветер и трава.
И в воде стоит лошадка,
В гриве –
Волны да плотва.

За спиной одной лошадки
Мокрый луг и новый дом,
За спиной другой лошадки
Облака и старый сом.

Разошлись, кивнув друг другу,
И не видно их нигде,
И одна ушла по лугу,
А другая – по воде.

Белые львы

В заброшенном парке
Холодной зимой
Лишь белые львы
Наблюдают за мной
С высокой старинной ограды –
И видеть меня они рады.

Им грустно сидеть
В одиночестве тут
И слушать как ветки
Деревьев скребут
Тяжёлые, низкие тучи,
И плачется ветер колючий.

Но только весна
Засвистит вдалеке,
И льдины, и рыбы
Запляшут в реке,
Ручьи зазвенят вдоль аллеи –
Львы станут желтее, теплее,

И будут они,
Несомненно, опять,
По старому парку
Ночами гулять,
Кататься на старом трамвае
В апреле звенящем и мае!

Но только зима
В старом парке пока.
Над белыми львами
Плывут облака
И вьюга кружится весь вечер,
И я прошепчу им: «До встречи!»

Я знаю, они меня слышат,
Лежат – и тихонечко дышат!

Мой дед – смотритель маяка

Мой дед – смотритель маяка –
Знал песни рыб и ветерка
И птичьи трели.
Мы с ним садились у окна,
Где ширь, и воздух, и волна,
И громко пели.

Про острова и моряков,
Про хитрость рыбьих косяков,
Про мир и горе,
Про шум причалов и портов...
И подпевая нам без слов,
Гудело море.

Потом мы шли варить обед,
Потом, укутав ноги в плед,
Мы с ним дремали...
С тех пор прошло немало лет,
Я стал медлителен и сед,
Коплю печали.

Я внуков жду, и суп варю,
Я с рыбой старой говорю
Про мир и горе,
Стою на летнем ветерке,
Включаю свет на маяке,
И слышу море.

Зелёная кошка

Однажды мой дед,
Собирая морошку,
Нашёл на болоте
Зелёную кошку.
Принёс он тихонько
В свой маленький дом
Зелёную кошку
С зелёным хвостом!

С тех пор эта кошка
У деда жила,
Цыпляток кормила,
Дорожки мела,
И песенки пела
У печки потом
Зелёная кошка
С зелёным хвостом!

Пекла эта кошка
Прекрасно блины,
Круглей и желтее
Осенней луны.
И с дедом сидела
За старым столом
Зелёная кошка
С зелёным хвостом!

Осеннее утро

Рыжий дворник
у ворот

притворяется сердитым.
Магазин,
что на углу,
притворяется открытым.
На скамейке
серый кот
притворяется не спящим,
А прохожий
по делам
притворяется спешащим.
Притворяется забор,
что он что-то охраняет,
А промокший старый двор,
будто он с листвой летает.
Я иду, себя бужу,
но никак не просыпаюсь,
то ли в школу я спешу,
то ли тоже –
притворяюсь.

ОЛЕГ БАБИНОВ

Родился в Свердловске. Окончил философский факультет МГУ. Жил в России, США и Великобритании. Победитель Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии и международного конкурса ПУШКИН в БРИТАНИИ. Стихи публиковались в

журналах "Дружба народов", «Знамя», «День и ночь», «Литературный Иерусалим», «Ковчег», «Южное сияние», Luterrатура, "45 параллель", газетах «Литературная Россия», "Независимая газета", МК и в других изданиях. Автор сборников «Никто» (Санкт-Петербург, 2016) и "Мальчик сломал слона" (Москва, Стеклограф, 2019).

В подборку вошли тексты детских песенок для школьного спектакля «Откуда берутся сказки».

Кто придумывает сказки
Алексан-Сергеич Пушкин,
Поподробнее про кота!

Про животик, лапки, ушки,
Про изгибистость хвоста.

Где учился в Петербурге,
С кем о сказках говорил,
Как дворовой серой Мурке
Он цепочку подарил.

Все мы родом из Нарошка –
Это древний городок.
Он древнее на немножко,
Чем и Запад, и Восток.

Жаришь к ужину картошку
И завариваешь чай –
По Нарошку, по Нарошку, по Нарошку
Поскучай!

Кто придумывает сказки,
Пишет пьесы и стихи?
Из Нарошека подпаски,
Из Нарошка пастухи.

Кто пасёт коров, овец,
Коз пасёт, гусей пасёт,
А они – стада словечек
Целый день и круглый год.

Человечек из Нарошка
Спит – святая простота.
По двору гуляет кошка,
Ждёт учёного кота.

Дуэт мальчика и девочки с разных планет
– Конвергенция, импликация, перспектива.
– Это живое, глупый! Так цветёт слива.
– Трансформация, интервенция, оккупация.
– Это озеро. В озере можно купаться.

- У меня на планете разумно, прочно и вечно.
- У меня на планете чисто и человечно.
- Вот мой робот. Он в бесконечность бежит без страха.
- Но его обгоняет моя собака.

- Разве ты считаешь полёт воздушного змея?
- Разве ты рисуешь лицо воздушному змею?
- Разве мы с тобой космосом разлиты?
- Ты опять про ракеты!
- Ты опять про цветы!

Песня про сказочника

Писатель в буквенном дозоре
Стоит и видит белый свет
И даже лес, и даже море,
Где леса нет и моря нет.

Он жарит затемно картошку,
Он маслом мажет бутерброд,
А жизнь проходит понарошку,
Сюжет не лезет в поворот.

Он мир и зрением, и слухом
Сканирует туда-сюда,
И у него над левым ухом,
И у него над правым ухом
Горит звезда, горит звезда.

Жил-был Никита Фиолетов.
Жил-был от носа и до пят.
Встречал он множество рассветов,
Когда все спят, когда все спят.
Талант – не в книге, не в журнале,
Не в заколдованном рубле,
Не в пресловутом гонораре.
Зарыт в земле, зарыт в земле.

Когда в песочницу заходят,
Вползают нимфа и атлант,

Они в песочнице находят
Чужой талант и свой талант.

ВИКТОРИЯ ГРЕКОВА

Мой родной город – Донецк. Люблю и горжусь нашей Вселенной и страдаю от того, что мы, люди, делаем со своим наследством.

Стихи... Я их чувствую не только глазами – всем телом, иногда с трепетом родства, иногда с дрожью отвращения. В последнем случае – упрямо считаю, что это не стихи.

Сама начала писать в школе, просто решила однажды – я буду писать стихи. И начала. И

получилось. Люблю читать. Люблю горы и звезды. Люблю людей и очень за них переживаю

Луна

Докричалась детвора –
Небо лопнуло!

Дыра!

Жёлтым глазом светится,

Ото всех секретится,

Прячет солнце,

Прячет ветер,

Самый долгий сон на свете,

Звонкий месяц,

Сестрин зуб –

Всех сжевала:

– Хруп!

– Хруп!

– Хруп!

Воробьи не удержались –

Залетели, потерялись.

Нужно маму попросить

Небо поскорей зашить,

Лунными иголками

Вышить месяц шёлковый.

Дед Мороз

Кто-то скрипнул половицей
В моей ком- на- те.
Я боюсь пошевелиться
В полной тем- но- те.

Скрип – шажок,
Скрип – другой,
Зацепили стул ногой,
Набрели на куклу Настю,
Пропищала кукла: «Здрасьте!»;
Вот кота согнали с полки,
Наконец дошли до ёлки.
Зашуршали там приятно
И пошли себе обратно.

Вот теперь усну всерьёз:
Снова здравствуй, Дед Мороз!

Зуб

Хнычет,
хнычет,
хнычет брат.
Погремушке он не рад.
Скорчила я рожицу,
Но ему неможется.
Спела брату песенку,
Но ему не весело.
Хмуρο тянет в рот кулак,
Всё не ладно, всё не так.
Я печально ела суп,
Брат растил свой первый зуб.
Тяжело зубам раститься.
Может,
с братом поделиться?
Подарить зубов штук пять,
Чтоб не плакать,
а играть.

Шкаф

К нам приехал новый шкаф –
Гиппо-слоновый жираф:
Высоченный и толстенный,
И голодный, как гиена.

Отобрал у мамы шляпки,
Мой рюкзак, пищалки-тапки,
От голодной от тоски
Проглотил мои носки,
Брюки съел, трусы, футболки,
Все любимые заколки,
Посмотрел по сторонам
И бельё с постели – ам!
А ещё – я знаю точно –
Слопал пару книжек ночью.
Засосал шарфов штук шесть...
Может
нас
не станет есть?..

ИРИНА ПОЗОВСКАЯ

Родилась и выросла в столице Эстонии, Таллине, в музыкально-математической семье. Юношеские годы прошли в Израиле, Иерусалиме. Раньше мечтала сделать мир

лучше, но со временем поняла, что мир существует по своим непостижимым правилам, в моих потугах не нуждается, и успокоилась. С тех пор совершенствую исключительно себя. Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте. В силу своей профессии (медик), стала свидетелем многих людских судеб, что и явилось впоследствии основным поводом взяться за перо.

Живу и работаю в Сиднее, замужем, мать двоих детей.

"Кто-то"

Кто-то влез в шкатулку к маме
И её карандашами

Разукрасил: пол, комод,
Стены, щеки, уши, рот,

Влез на стул,
Открыл буфет,
Слопал полкило конфет,
А ещё без разрешенья
Слямзил баночку варенья,

Перепачкал новый плед
(шоколадом от конфет),
Вилкой исцарапал стол
И забил в витрину гол...

А когда проснулся папа,
Этот кто-то тихой сапой
спрятался, сидит и ждёт:
– Может, мамочка спасёт?

Почемучка
(или тринадцать «почему?»)

Почему мое лукошко
Не полно грибов и ягод?
Почему сосед Сережка
Выше, хоть и младше на год?
Почему горит зелёный,
Если улица пустая?
Почему кричат вороны?
Почему снежинка тает?

Почемучка, почемучка
Задаёт свои вопросы,
Очень скоро почемучка
Подрастёт – и станет взрослым!

Почему сгорела гренка?
Почему скрипят колёса?
Почему болит коленка
И царапина под носом?

Почему пельмень горячий?
Почему погасла люстра?
Почему Наташка плачет?
Почему бывает грустно?

Почемучка, почемучка –
Задаёт опять вопросы,
Очень скоро почемучка
Подрастёт –
и станет взрослым!

Мама закрывает книжку
(за окном смеркаться стало).
– Почему? – спросил сынишка,
– Потому, что я устала...

Кактус Ян

Кактус Ян - печальный очень,
С ним никто дружить не хочет,
От тоски он стал зелёный
И морально угнетённый.

Всех страшат его иголки
(Ян, порой, бывает колкий),
Но причина очевидна:
Он – один, ему обидно.
От того и нелюдим,
Что один, совсем один...

Вы в беде его не бросьте –
Позовите Яна в гости.
Если кто-то позовёт,
Он от счастья расцветёт!

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

ЛЕВ ГУРЕВИЧ

Родился в Москве в 1945 году. Специальность – радиоинженер. В настоящее время проживаю в Германии, в городе Карлсруэ. Публиковался в журналах "СЛОВО/WORD", "Гостиная", "Кольцо А", "Эмигрантская лира", "Новая Литература", "Эрфольг", "Чайка", «Автограф», "Мишпоха", "Литературный Азербайджан", газете «Еврейская Панорама».

Об одном стихотворении Арсения Тарковского

Люди старшего поколения, возможно, помнят рассказ Марка Твена «Режьте, братцы, режьте!», который нередко можно было услышать в пятидесятые – шестидесятые годы прошлого, XX века по Всесоюзному радио в исполнении замечательного мастера художественного слова Эммануила Исааковича Каминки.

Сюжет рассказа достаточно незатейлив: Марку Твену попался на глаза дурацкий стишок про кондуктора с припевом:

Режьте, братцы, режьте, режьте осторожно.

Режьте, чтобы видел пассажир дорожный.

Этот стишок оказался столь навязчив, что Твен не только не мог избавиться от него сам, но и заморочил стишком голову своим друзьям. (Хочу заметить, что к похожим произведениям можно отнести рассказ «Жасминный домик» знаменитого английского писателя и драматурга, автора «Дживса и Вустера» Сэра Пелама Вудхауза).

Многим из вас, наверняка, знакомо состояние, когда назойливая песенка или стихотворная строка «застревает» в вашей голове, вплетается в ваши мысли и крутится снова и снова, и избавиться от нее практически невозможно. Феномен «прилипчивой песни», который называют «синдромом застрявшей песни», «прилипчивой музыкой» или наиболее распространенным термином «ушной червь» (англ. «Earworm»), очень распространен, и является предметом изучения психологов.

Нечто подобное произошло со стихотворной строкой время от времени возникавшей, и неотвязно крутившейся в моей голове:

Эту книгу мне когда-то

В коридоре Госиздата

Подарил один поэт...

Почему-то мне казалось, что данное стихотворение принадлежит перу главного консультанта и идеолога легендарного журнала «Чиж» Самуила Яковлевича Маршака, а книга была подарена одним из участников литературной группы ОБЭРИУ: Николаем Олейниковым, Даниилом Хармсом, Александром Введенским, Николаем Заболоцким.

«Перелопатил» собрание сочинений Маршака в 8-и томах, изданное в начале 70-х годов и, увы, ничего не нашёл.

Ироничный читатель усмехнётся: тоже мне, «бином Ньютона!» – найти стихотворение, но, прошу не забывать, что это было в то время, когда в литературе господствовала цензура, у меня в голове крутятся всего три строчки, а Интернета нет и в помине.

К сожалению, в кругу моих знакомых настоящих знатоков русской поэзии не оказалось. Можно было бы обратиться к старинному другу нашей семьи Владимиру Абрамовичу Гальперину – «ифлийцу», профессору, заведующему кафедрой искусствovedения Театрального училища имени Б.В. Шукина, но, как писал великий поэт: «Иных уж нет; а те далече...». В конце 80-х годов Владимир Абрамович с семьёй сына переехал в США (Сан-Диего), где он вёл свою литературную страницу на Русском Радио в Америке. Не будешь же, позвонив по телефону в Америку, выяснять, кому принадлежат строки: «Эту книгу мне когда-то...», а написать письмо не догадался.

К счастью, в конце 90-х годов Интернет в России дошёл до массового пользователя. В один из дней «набиваю» в поисковой строке застрявшие в голове строки и, о чудо, на экране появляется:

АрсенийТарковский

Жил на свете рыцарь бедный... А.С. Пушкин

*Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.
Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.*

*Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.
Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.
Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!
Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.
Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.
Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.
Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.
1963г.*

Хотелось закричать подобно Александру Сергеевичу: «Ай, да Интернет, ай да сукин сын!»

Несколько раз перечитал стихотворение и понял, что не зря первые три строки меня «зацепили», настолько необычны были и стихотворная форма и содержание текста.

Фамилия Тарковский была, что называется, на слуху, но, правда, больше благодаря сыну поэта, знаменитому кинорежиссёру Андрею Тарковскому.

Что касается Поэта, то, поскольку «Алмазный мой венец» к этому моменту времени был прочитан, и все персонажи расшифрованы, то «вычислить» Осипа Эмильевича Мандельштама особого труда не представляло, да и Интернет подсказал, выдав в качестве бонуса фотографию поэта.

Открываю том «Строфы века. Антология русской поэзии», составленный Евгением Александровичем Евтушенко и читаю краткую биографию поэта Арсения Александровича Тарковского:
«Родился в Елисаветграде. Гражданскую войну увидел детскими глазами, оказавшись внутри ее кровавого вихря. Вспоминал, что когда-то по голове его погладила сама атаманиша Маруся. Путь к признанию был мучителен, извилист. В 1925-1929 годах учился на Высших литературных курсах. Но с 1932 года занимался главным образом переводами классической поэзии Востока. Первый собственный сборник вышел лишь в 1962-м ("Перед снегом"). Это был триумф в московских интеллектуальных кругах. Высокая поэтическая культура Тарковского была несомненна. Поддержал многих молодых поэтов своим добрым напутствием. Рядом с его могилой в Переделкине оставлено место для возвращения праха его сына – кинорежиссера Андрея Тарковского, похороненного в Париже. В его знаменитый фильм "Зеркало" включены стихи отца».

Поинтересовался, а что же пишут литературные критики по поводу данного стихотворения?

Статья в журнале «Литературное обозрение» за 1990 год, написанная в духе советского кондового мировоззрения, – *«Поэт заплатил дорогой ценой(!) за каждую свою строку: каждая из них вынашивалась годами и так же медленно, ощупью искала свой путь к читателю»*, кроме общеизвестных, избитых истин ничего нового к творчеству Тарковского не добавила. О стихотворении «Поэт» там вообще ни слова.

К слову сказать, современное литературоведение на среднего, рядового читателя, интересующегося поэзией, явно не ориентировано. Возьмём, к примеру, статью Артёма Скворцова: «“Поэт” Арсения Тарковского: от реального – к идеальному», опубликованную в журнале «Вопросы литературы». Честно признаюсь, что специфические выражения, такие как «перифрастический», «филологическая рецепция» или «автометаописание» мало способствуют пониманию текста статьи, но

это обстоятельство честно отношу на счёт собственного филологического невежества. Настоящая же беда ожидает читателя, когда автор начинает рассматривать стихотворение «с точки зрения сюжетно-композиционного уровня, попутно затрагивая вопросы жанровой генетики». Да Бог с ними, с этими статьями. Исследователи творчества Мандельштама и Тарковского, как и их предшественники, до сих пор ломают копыя, пытаясь выяснить, – достоверны ли строки:

*Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.*

Но какое это имеет значение, если в этих словах в полной мере выражен характер единственного в своём роде поэта.

Для других литературных критиков самой большой загадкой является вопрос: дарил ли, в действительности, Мандельштам свою книгу стихов Тарковскому, и, если да, то какую?

По воспоминаниям И. Лиснянской, Тарковский в одном разговоре с нею высказался против отношения к стихам как источникам фактов:

«Мандельштама я видел всего однажды, в полуподвальной квартире у Рюрика Ивнева. Мы пришли вместе с Кадиком Штейнбергом. Помню, там был и Мариенгоф. Я боготворил Осипа Эмильевича, но, и стыдясь, все-таки отважился прочесть свои стихи. Как же он меня раздраконил, вообразил, что я ему подражаю.

– Почему только однажды? Вы же Мандельштама и в Госиздате видели, никто лучше вас о нем не написал:

«Эту книгу мне когда-то...».

Тарковский мою декламацию пресек:

– Инна, прекратите. Жизнь и стихи далеко не одно и то же. Пора бы вам это усвоить в пользу вашему же сочинительству».

Таким образом, выходит, что абсолютизировать правдоподобие мемуарности «Поэта» не стоит.

Для нас, читателей, необычайно важно, что существуют эти удивительные строки, которыми хочется поделиться с любимым человеком, друзьями, и просто с незнакомыми людьми.

Всмотритесь в лицо одного и того же человека, изображённое на фотографиях, сделанных с промежутком в тридцать, или около того, лет. На первом снимке мы видим девятнадцатилетнего молодого человека,

ещё не подозревающего, что он станет одним из четырёх главных поэтов России первой половины XX века, и смотрящего в мир широко раскрытыми глазами.

В обычных жизненных обстоятельствах возраст 47 лет – это расцвет для мужчины, который ещё полон сил для предстоящих свершений.

Однако, на втором, предсмертном фото, сделанном в мае 1938 года, перед нами предстаёт глубоко уставший от гонений человек, смирившийся с обрушившимися на него несчастьями, но так и не осознающий до конца, что его ожидает.

Начало формы.

Конец формы.

Казалось бы, следует признать, что Мандельштам своим стихотворением «Мы живем, под собою не чуя странь» навсегда пригвоздил сталинскую нечисть к позорному столбу истории. Между тем, знакомясь с выступлениями современных «тонкошеих вождей», читая материалы и комментарии, публикуемые в Интернете, с горечью констатируешь, что сталинизм не только глубоко закопан в землю, а, напротив, поднимает голову.

Время стремительно убегает вперёд, твоё поколение уходит, но, пока живёшь, то с комком в горле повторяешь последние строки стихотворения замечательного русского поэта Арсения

Тарковского:

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.
Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

P.S. Для особо дотошливых читателей сообщаю, что впервые стихотворение Арсения Тарковского «Поэт» было напечатано в сборнике Арсений Тарковский. Стихи разных лет. Москва, "Современник" 1983. Увы, узнал об этом также с помощью «палочки-выручалочки», то есть Интернета.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Родился 25 июня 1907 года. Поэт, переводчик, прозаик, отец великого кинорежиссера Андрея Тарковского. При жизни поэт был известен большей частью как замечательный переводчик Абу-ль-Ала-аль-Маари, Низами, Махтумкули, Кемине, Саят-Новы, Важа Пшавелы, Адама Мицкевича, Молланепеса, Григола Орбелиани и многих других.

Арсений Александрович Тарковский родился в Елизаветграде в семье бывшего народовольца. Окончив единую трудовую школу, переехал в Москву. Там начинающий поэт посещает

Высшие государственные литературные курсы при Всероссийском Союзе поэтов. Его первым поэтическим наставником был Г. А. Шенгели, по чьей рекомендации молодой Тарковский начал работать в газете "Гудок". В это же время (1924-1926) там трудятся Михаил Булгаков, Ю. Олеша, И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев. Он знакомится с О. Мандельштамом; в 1940 году – с М. Цветаевой, вернувшейся из эмиграции.

В 1932 году начинают выходить его первые переводы, а в 1940 году поэт становится членом Союза писателей.

Вторая мировая война врывается в его жизнь. И Тарковский идет добровольцем на фронт. Сначала он – корреспондент газеты 16-й армии "Боевая тревога". Затем принимает участие в боях под Москвой, продолжает службу на Западном, Брянском, 2-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. После ранения и ампутации ноги Арсений Тарковский вынужден демобилизоваться в звании гвардии капитана.

После войны поэт готовит к изданию сборник "Стихи разных лет". Однако выпустить в свет его не удастся: выходит печально известное постановление ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград", и издание книги становится невозможным. Тарковский-поэт долго остается неизвестным массовому читателю. Но не Тарковский-переводчик: его великолепные переводы восточных поэтов продолжают издаваться. Сборник собственных стихов "Перед снегом" удастся издать лишь в 1962 году. Почти одновременно на экраны выходит фильм Андрея Тарковского "Иваново детство", где звучат стихи поэта. Анна Ахматова оценила сборник как "драгоценный подарок современному читателю". Вслед за первым сборником начинают

появляться другие: "Земле – земное" (1966), "Вестник" (1969), "Стихотворения" (1974), "Волишебные горы" (1978), "Зимний день" (1980), "Избранное" (1982), "Стихи разных лет" (1983), "От юности до старости" (1987), "Звезда над Арагацем" (1988).

Как, пожалуй, каждый поэт, Тарковский в своих стихах говорит не только о вечных ценностях, но и декларирует устами лирического героя свой личный кодекс чести:

Мне стыдно руки жать льстецам,
Лжецам, вора́м и подлецам,
Прощаясь, улыбаться им
И их любовницам дрянным.

За признанием поэта народом последовало признание власть предержащими: он был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, удостоен Государственной премии Каракалпакской АССР им. Бердаха, Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули. Государственная премия СССР была присуждена Арсению Александровичу Тарковскому уже посмертно.

Сердце поэта перестало биться 27 мая 1989 года.

(По материалам Википедии)

Бессонница

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.
От вседневного груза плечам
В эту пору дается свобода,

В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые, немые, глухие
Разбредаются по этажам.

В эту пору часы городские
Шлют секунды туда и сюда,
И плетутся хромые, кривые,
Подымаются в лифте живые,

Неживые и полуживые,
Ждут в потемках, где каплет вода,

Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,

За дверями стоят, как беда,
Сверла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее они – кредиторы,

И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли. Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,
Невозможно заснуть, – так тревожна
Для покоя нам данная ночь.
1958

Близость войны

Кто может умереть – умрет,
Кто выживет – бессмертен будет,
Пойдет греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.

На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями
Пойдем в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!

Счастливец, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей Вселенной.

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
А эта жизнь – плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.

* * *

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,

Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.

Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный,
Стоит передо мной.

И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли,
И что-то пели в нем,

А ночью на крылечке
Прощались и впотьмах
Затепливали свечи
В бумажных фонарях.
1976

В дороге

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосой отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит приезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

В музее

Это не мы, это они - ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари, – это они!

Кровь, как булыжник, торчит из щербатого горла,
И невозможно пресытиться жизнью, когда
В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,
В рабьих ноздрях – жесткий укус царева суда.

Я проклиная тиару Шамшиада,
Я клинописной хвалы не пишу все равно,
Мне на земле ни почета, ни хлеба не надо,
Если мне царские крылья разбить не дано.

Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней,
Чтобы заполнить глотающий кости провал.
В башенном городе у ассирийцев на тризне
Я хорошо бы с казненными попиrowал.

Я проклиная подошвы царских сандалий.
Кто я – лев или раб, чтобы мышцы мои

Без возданыя в соленую землю втоптали
Прямоугольные каменные муравьи?

* * *

В последний месяц осени, на склоне
Суровой жизни,
Исполненный печали, я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт молочно-белым
Стеклом тумана.
По седым ветвям
Стекали слезы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо: на закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Как птичьей песни легкое копьё,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

Верблюд

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колочкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,

Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу – печаль и величье,
И верно, с тех пор погремोक
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

Весенняя пиковая дама

Зимний Германн поставил
Жизнь на карту свою, –
Мы играем без правил,
Как в неравном бою.

Тридцать первого марта
Карты сами сдаем.
Снега черная карта
Бита красным тузом.

Германн дернул за ворот
И крючки оборвал,
И свалился на город
Воробьиный обвал,

И ножи конькобежец
Зашвырнул под кровать,
Начал лед-громовержец
На реке баловать.

Охмелев от азарта,
Мечет масти квартал,
А игральные карты
Сроду в руки не брал.

Ветер

Душа моя затосковала ночью.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжащие на лету.
Над мокрыми сентябрьскими садами,
Как бабочки с незрячими глазами,
И на цыганской масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки как перед бедою.

И кажется, она была жива,
Жива, как прежде, но ее слова
Из влажных *Л* теперь не означали
Ни счастья, ни желаний, ни печали,
И больше мысль не связывала их,
Как повелось на свете у живых.

Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живою больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.
Сентябрьский ветер и ко мне в жильё
Врывается –
то лязгает замками,
То волосы мне трогает руками.

1959

Поздняя зрелость

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды – вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины, –
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще наклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, член Союза писателей Израиля. Родилась и жила в Одессе; с 1992 г. в Израиле, живет в Иерусалиме. Автор восьми книг, участник международных художественных выставок. Печаталась в разных литературных журналах: «Юность», «Радуга», «Арион», «Топос», «Бег», «Приокские зори», «Дерибасовская–Ришельевская», «Иерусалимский журнал», «22», «Артикль», «Литературный Иерусалим», «Интерпоэзия», «Квадрига Аполлона», «Бег», «Кольцо А», «Новая реальность»

и др.; в одесских и израильских поэтических антологиях «Вольный город», «Ориентация на местности», «120 поэтов русскоязычного Израиля», «Антология поэзии Израиль 2005», «Глаголы настоящего времени». Победитель Международных конкурсов графики (Варшава, Москва).

Звук и слово Киры Муратовой и других

В этом городе все знают друг друга, все связаны, все могут уместиться в один фильм Киры Муратовой и умещаются.

Вадим Ярмолинец. РОковое лето
Журнал «ВОЛГА-XXI век», №3-4, 2008.

Цитата из рассказа Вадима Ярмолинца и ко мне имеет отношение. В фильме Киры Муратовой «Долгие проводы», запрещенном при выпуске в 1971 г. и на долгие годы положенном на полку, сына героини Зинаиды Шарко, лучшей роли актрисы в кино, оставшейся нам на память от режиссера, играет Олег Владимирский, позже фоторепортер, сотрудничавший с рядом одесских газет. Во второй половине 1980-х гг. редактор газеты Одесского университета, где я тогда работала, Николай Трофимович Щербань по договору взял Олега Владимирского фотокорреспондентом в нашу газету.

А в фильме Муратовой «Астенический синдром», сначала запрещенном, а позже удостоенном двух премий «Ника», премии за лучшую женскую роль на кинофестивале «Созвездие» и «Специального приза жюри Берлинского кинофестиваля» 1990 г., две части картины, бежево-черно-белую и цветную, соединяет ведущий киноклуба и мой коллега по

Одесскому литературному музею Борис Владимирский. В отличие от его эпизода в фильме – неудачной попытки поговорить со зрителями о серьезном современном кино (сквозь шум расходящейся публики звучат имена Киры Муратовой, Сокурова и др.), в реальном киноклубе при одесском кинотеатре им. Фрунзе, куда я ходила в 1980-е гг., по воспоминаниям Елены Каракиной, сегодня ученого секретаря литмузея: «Благодаря Владимирскому кино обретало трехмерность и протяженность во времени. Открывались вторые, третьи, пятые планы... Вместо с трудом выдавленного мычания «нравится»-«не нравится» возникала ткань диалога, связывающего человека и произведение искусства» (журнал «Мигдаль Times», №15, октябрь 2001).

И, конечно, прямое отношение данный эпиграф имеет к нашему с Вадимом Ярмолинцем другу, писателю Сергею Четверткову, автору сценариев и актеру нескольких муратовских фильмов. В моей книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015) на стр. 93 приведена фотография Сергея Четверткова, сделанная при нашей встрече в Одессе в апреле 2011 г., когда я приезжала на неделю в родной город, и помещенная мною на сайте визуального искусства «Иероглиф», а оттуда попавшая на ряд киносайтов. Подпись под фотографией в книге: Сергей Четвертков-Шикера, поэт, прозаик, сценарист фильмов Киры Муратовой «Второстепенные люди», «Настройщик». Одесса, 2011. Фото Б. Верниковой.

По его сценарию снят и показанный впервые на Венецианском кинофестивале 1999 г. короткометражный фильм Киры Муратовой «Письмо в Америку», где сценарист и исполнитель главной роли Сергей Четвертков по ходу сюжета гротескно читает свое стихотворение «Путешественнику», опубликованное в моей рубрике «Антология одного стихотворения» в журнале «Интерпоэзия» (№ 2, 2008). В предисловии к рубрике я заметила, что «без учета этих стихотворений представление о русской поэзии нашего времени будет неполным и ущербным».

Звук Киры Муратовой – прежде всего говор ее персонажей, где в одесские интонации актеров Натальи Бузько, Георгия Делиева, Жана Даниэля, Анатолия Трухина или в механические изломы произношения Уты Кильтер и Филиппа Панова вплетается странный выговор Ренаты Литвиновой, которую Кира Георгиевна Муратова сделала одной из ведущих своих актрис, полагаю, именно благодаря необычному звучанию ее голоса, адекватному индивидуальной пластике. К месту здесь и музыка композитора Валентина Сильвестрова в декорациях

художника-постановщика Евгения Голубенко, и московская дикция Аллы Демидовой, и отголоски украинского детства Нины Руслановой. Как пишет Олег Зинцов в статье «Памяти Киры Муратовой» в газете «Ведомости» (7 июня 2018): «В Одессе на 84-м году жизни умерла Кира Муратова – великий и недооцененный кинорежиссер, отменивший банальность. ...»

Порой ведь ловишь себя на том, что ситуация – как в фильме Муратовой: по степени обыденного абсурда, речевого автоматизма или внезапно ставшего явным гротеска. Но это уровень бытовой, поверхностный, а приметливость Муратовой была гораздо глубже, острее».

Это утверждение касается и художественной выразительности звука в фильмах Киры Муратовой. В кино, как удачно сформулировал по другому поводу звукооператор «Мосфильма» Лев Соломонович Трахтенберг: «каждый голос должен диссонировать, тогда в звуке массовая сцена будет многообразной и выразительной» (см. в книге: Л.Трахтенберг. «Мастерство звукооператора». М.: «Искусство», 1972). А.Н.Огарков и И.К.Романова отмечают в статье «Голос в кино» в Вестнике Санкт-Петербургского университета (Серия 6; Вып. 2, 2013), что «Реабилитация голоса (в кино) как одного из основных приемов художественной выразительности произошла далеко не сразу: длинные планы молчащих героев авторского кинематографа (Антониони, Тарковского, Сокурова и других) убедительно свидетельствуют в пользу того, что его создатели предпочитают добиваться своих целей скорее визуальными средствами».

Упомянутый там же французский кинорежиссёр 1920-1930-х гг., писатель и актёр Рене Клер считал, что звуковое кино покорило мир голосов, но потеряло мир сновидений (см. его статью 1929 г. в журнале «Сеанс», № 37/38: Рене Клер. «Искусство звука»).

В 1924 г., когда звук еще не угрожал Великому Немому, Юрий Тынянов опубликовал в журнале «Жизнь искусства» статью «Кино-слово-музыка», где определил кино как искусство абстрактного слова, подчеркнув, что в немом кино «музыка дает богатство и тонкость звука, неслышанные в человеческой речи. Она дает возможность довести речи героев до хлесткого, напряженного минимума. Она позволяет устранить из кинодрамы весь смазочный материал, всю «тару» речей» (см. в книге: Ю.Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977).

В рассмотренных далее и открытых в сети фильмах режиссеров, связанных с кинематографом Киры Муратовой, заметно стремление при наличии звука сохранить мир сновидений, присущий некогда немому

кино. Достигается это разными средствами, в том числе обращением к старым немым фильмам и к литературе гротеска и абсурда. Короткометражный немой черно-белый фильм «Девушка с коробкой» 2013 г. – автор сценария и режиссер Рената Литвинова, музыкальное оформление Земфира Рамазанова – ремейк одноименного немого фильма Бориса Барнета, поставленного на студии «Межрабпом» в 1927 г., повторяет некоторые смысловые детали и техническое оформление старого фильма. В фильме Барнета девушка с круглой шляпной коробкой в исполнении Анны Стэн приезжает в жутком вагоне, забитом пассажирами, где с полки над ее головой нависают валенки главного героя, из пригорода в город, чтобы сдать шляпы в магазин и получить оплату за их изготовление, в качестве которой ей дают облигацию, и вокруг этой выигравшей крупную сумму облигации закручивается сюжет любовно-мордобойной картины, снятой в ходе рекламной кампании государственного займа. Надписи-интертитры в фильме Бориса Барнета:

Наташа Коростелева и ее дедушка жили под Москвой в маленьком домике.

Ежедневно железнодорожный кассир Фогелев стремился к предмету своей безнадежной любви.

Наташа и дедушка занимались на дому изготовлением шляп. ... и т.д.

После вступительных титров следует надпись о достоинствах картины, видимо, сделанная в 1968 г. при музыкальном озвучении фильма в новой редакции на студии им. М. Горького:

Этот фильм – одна из первых работ кинорежиссера Бориса Барнета.

Поставленная с целью пропаганды государственных выигрышных займов, комедия интересна своими новаторскими попытками в разработке характеров героев, привлекает лиризм повествования. В получасовом короткометражном фильме Ренаты Литвиновой девушка-курьер Любочка Орлова (!) в исполнении актрисы и модели Любови Инжиневской получает в московском модном доме с интерьерами в стиле модерн продолговатую коробку с платьями, на которой по-английски написано имя дизайнера моды Александра Терехова, – для ценной клиентки, живущей в Петербурге. Куда она едет в шикарном полупустом вагоне «Красной стрелы» с Ингеборгой Дапкунайте в роли проводницы, и во время поездки прогуливается вдоль купе, сначала в своем платье, а позже надевает одно из платьев, взятое из коробки, чтобы быть замеченной молодым человеком, которого играет дизайнер А.Терехов, он же художник-постановщик фильма.

На экране надписи-интертитры:

«В нашем вагоне оказалось занято только три купе – мое, соседнее с загадочной дамой в сверкающем платье, и еще одно – с молодым человеком и его мамой»;

«Я проснулась, не досмотрев сон..., а прекрасный юноша так и не пришел»;

«Как красиво!» ... и т.д.

В вагоне едет еще одна пассажирка в шикарном платье из коллекции Терехова («даже внешне простые вещи из коллекций модельера выглядят стильно и, что называется, «дорого»), дама с пистолетами в исполнении Ренаты Литвиновой, и как выясняется из ее телефонного разговора, испугавшись слежки гуляющей по вагону девушки-курьера, она сходит на ближайшей станции.

Приехав и пройдя по питерской набережной, Любочка Орлова приносит коробку с платьями по назначению. «Эпатажная дама», как написано в титрах, в исполнении Сати Спиваковой, заметив в коробке надорванную упаковочную бумагу, не ругает курьера, а дарит ей платье из порванной упаковки вместе с подходящими туфлями, чем вызывает у девушки восторг, который наблюдает зритель. Далее поездка в автобусе задремавшей Любочки, увидевшей себя во сне в пяти экземплярах в платьях из той же коллекции. Кончается фильм хэппи-эндом – встречей девушки-курьера с разыскавшим ее попутчиком в исполнении Александра Терехова.

Таким образом, как и фильм Барнета, фильм Ренаты Литвиновой участвует в рекламной кампании – модного брэнда «Alexander Terekhov» – и при этом отличается художественными достоинствами в контексте приведенных выше высказываний Рене Клера и Юрия Тынянова.

Модельная пластика Любови Инжиневской и ее проходы с коробкой по городским улицам возвращают нас в мир сновидений, «к длинным планам молчащих героев авторского кинематографа».

А сопровождающая фильм музыка, которая «дает богатство и тонкость звука, неслыханные в человеческой речи», собрана певицей Земфирой из киноклассики эпохи джаза и блестящей истории музыкального Голливуда – в заключительных титрах перечислены композиторы Макс Стайнер, Бернанд Херрманн, Миклош Рожа, Альфред Ньюман, Хьюго Фридрих Коул Портер, Фридрих Холландер, авторы музыки многочисленных голливудских фильмов и неоднократные номинанты и обладатели Оскаров.

«Блажью крепленья звучаний привносятся смыслы»

(из книги стихов Беллы Верниковой «Звук и слово». Иерусалим, 1999. Стр. 84).

Еще одну киноленту, где звучат стихи Сергея Четверткова в авторском исполнении, снял в 1996 г. одесский кинорежиссер Сергей Рахманин, ныне живущий в Буэнос-Айресе. Это десятиминутный черно-белый с цветными вставками короткометражный фильм «Вчера, сегодня, завтра...», обозначенный в титрах как проект, а при публикации в сети – «Видео-арт. Paris, metro etc». Авторы проекта: Сергей Рахманин, Сергей Четвертков. В фильме использованы киноматериалы Петроса Севастикоглу.

К сожалению, в титрах тех копий, что открыты в сети, не указан композитор, чья музыка сопровождает фильм, дополняясь телефонными звонками, стуком колес идущего поезда и голосом поэта на фоне городских конструкций, пассажиров в метро и в пространстве города в дождливую и ясную погоду. Сергей Четвертков с перерывами читает свой абсурдистский верлибр из трех обширных строф, преобразованный в диалог, когда поэт говорит «Алё, алё!» и задает вопросы, состоящие в основном из разговорных и литературных клише, а механический голос отвечает Да или Нет. Привожу заключительный фрагмент верлибра Сергея Четверткова, звучащего по ходу фильма:

Алё, алё! Алё! А среди пилотов «Нормандии-Неман» смотрел? – ДА
.....

А в длинных и коротких очередях смотрел? – ДА

А русский бунт бессмысленный и беспощадный видел? – ДА

А в кухне за плитой смотрел? – ДА

А в южном полушарии смотрел? – ДА

А в левом полушарии смотрел? – ДА

А ощетиная смотрел? – ДА

А небо в алмазах видел? – ДА

А сколько горя вокруг видел? – ДА

А Пола Сколфильда в роли Гамлета видел? – ДА

А в манящий вырез ее платья смотрел? – ДА

А за больным отцом смотрел? – ДА

А как голубые краснеют под взглядом коричневых видел? – ДА

А как засыпают, пуская слюну, видел? – ДА

А среди шелковидных червей смотрел? – ДА

А в полной уверенности что всё теперь будет иначе смотрел? – ДА

Нету? – НЕТ

Звучащую фактуру времени представляет зрителям видео-арт Сергея Рахманина и Сергея Четверткова, сегодня доступный в сети.

Открыт в сети и смонтированный режиссером Сергеем Рахманиным короткометражный фильм-портрет «Николай Кочегаров. Памяти актера и человека», где безвременно ушедший актер представлен зрителям как исполнитель главных ролей в фильмах С.Рахманина «Второй» и «Человек К», в музыкальном сопровождении Мюнхенского Бах Хора и Мюнхенского Бах Оркестра.

Фильмы Сергея Рахманина «Второй» (сценаристы Надежда Бессокирная, Игорь Потоцкий, Сергей Рахманин, Людмила Самодаева) и «Человек К», по раннему ирреальному рассказу Кафки «Быть несчастным», вошедшему в его сборник 1913 г., можно увидеть в Интернете в сокращении. При их просмотре вспоминается строфа из стихотворения современного поэта Ольги Боченковой «Галка по имени Кафка»:

А если смотреть изнутри – это будет даже красиво,
и не менее осязаемо, чем если смотреть снаружи,
думай медленно, наводи птичьим своим курсивом
сеть рисунка из соли, воды и стужи.

Стажер Киры Муратовой в фильме «Второстепенные люди» режиссер Ева Нейман сняла на Одесской киностудии картину «У реки» (2007) по мотивам рассказа Фридриха Горенштейна «Старушки» (сценарий Сергея Четверткова при участии Евы Нейман), где наряду с Мариной Полицеймако играют Нина Русланова, Сергей Бехтерев, Юрий Невгамонный, чьи голоса знакомы нам по муратовским фильмам. Как сказал в интервью РИА Новости кинорежиссер и сценарист Андрей Прошкин: «Кира Муратова создала потрясающие фильмы, она диктовала моду в кино. ... Великие уходят, она, безусловно, была очень крупным режиссером, отдельным человеком с непростой жизнью и с потрясающими картинками. Очень самостоятельная, она не поддавалась моде, а сама, наоборот, оказывала влияние».

июнь 2018

Дымится сад чудесный

Александр Кушнер о небесном кабинете, метафорической рубашке и поэтической сахарнице.

Поэзия Александра Кушнера наполнена размышлениями о сегодняшнем дне и о вечном. Это традиция, та классическая линия акмеизма, которую поэт пронес через жизнь, это эпоха. Александр Кушнер – один из немногих, кто в наше непоэтическое (в призме социума) время известен не только в профессиональной среде. Но главное, что его слово, отточенное в стихах, в речи обретает не меньшую ответственность.

С Александром КУШНЕРОМ побеседовал **Владимир КОРКУНОВ.**

– Александр Семенович, лет 10 назад в одной из статей прочел, что вы мыслите книгами, методично готовя одну за другой с перерывом в несколько лет. Книга для вас – полноценный способ высказывания, подведение промежуточных итогов – или что?

– Нет, конечно, «книгами я не мыслю», пишу стихи, а не книги. Но по прошествии трех-четырёх лет набирается количество стихов, достаточных для новой книги. При этом получается так, что каждая следующая книга не похожа на предыдущую, отличается от нее, потому что за это время ты и сам изменился, повзрослел на три-четыре года, и время тоже не стояло на месте, изменилось – и таким образом, у каждой новой книги возникает свой лирический сюжет.

Понятие «книга стихов» утвердилось сравнительно недавно. В первой половине XIX века его еще не было. «Сочинения», «Стихотворения», «Повести и мелкие стихотворения» – так назывались сборники стихов Пушкина и его современников. Стихи в них шли в хронологическом порядке или представляли собой случайное собрание не связанных даже хронологией стихотворений. А главную нагрузку брала на себя поэма, стихи же были дополнением к ней.

Первой книгой стихов в сегодняшнем понимании явилась книга Баратынского «Сумерки» (1842 год). Как видите, у нее уже было название, и стихи в ней были выстроены в соответствии с ее главным смыслом – трагическим мироощущением поэта, его одиночеством, подведением неутешительных итогов жизни. И в книге не было ни одной поэмы! Эта тоненькая книга в зеленой бумажной обложке – одна из самых драгоценных реликвий – стоит у меня на книжной полке.

И в нашем сознании книга стихов утвердилась как решающий факт поэтического творчества: «Стихи о прекрасной Даме» Блока, «Кипарисовый ларец» Анненского, «Белая стая» Ахматовой, «Сестра моя – жизнь» Пастернака и т.д., вплоть до наших дней.

– *А поэма? У вас, как я помню, есть даже стихотворение «Отказ от поэмы»?*

– Наша поэзия непредставима без великих поэм Пушкина, Лермонтова, Некрасова... Но что такое поэма? Это стихотворное повествование, и оно было необходимо в отсутствие прозы. А затем проза Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова вытеснила поэму. Уже Тютчев не написал ни одной поэмы. В поэзии лирика вытеснила эпос. Не писали поэм Иннокентий Анненский, Мандельштам... Вы скажете: а как же «Облако в штанах» Маяковского или «Поэма горь» Цветаевой? Отвечу так: в этих вещах преобладает лирическое чувство, лирическая интонация. И главный герой этих поэм – сам автор. Можно сказать, что это уже не поэмы, а большие лирические стихи.

– *Как я понимаю, вы лирику предпочитаете эпосу?*

– Совершенно верно. Всю жизнь я отстаиваю лирику, считая ее душой искусства. Ее прирост и в стихах, и в живописи, и в музыке – везде – представляется мне спасительной и счастливой тенденцией. Лирика говорит с человеком наедине, ведет с ним тайный, скрытый от чужих глаз, интимный разговор. Эпос представляется мне архаикой, он пропитан кровью, человеческая жизнь для него настоящей ценности не представляет: одним человеком (или сотней людей) больше или тысячей меньше – не важно, не имеет значения.

Чем была занята советская идеология? Поощрением эпоса. Потому и приветствовалось создание крупногабаритных произведений, эпических поэм, вплоть до «Поэмы о наркоте Ежове» Джамбула. А лирика защищала человека, помогала ему выжить в этих железных тисках. Потому и выбраны были в качестве жертв в 1946 году Ахматова и Зощенко, потому и развернулась война против «камерности» и «мелкотемья».

– *Но ведь и у эпоса есть свои заслуги, невозможно представить мировой литературы без него!*

– Разумеется. А все-таки Гомер сегодня писал бы лирические стихи. И будем точны: его эпос то и дело пересекается лирическими мотивами – вспомним сцену прощания Гектора с Андромахой или даже такую прелестную подробность, о которой у меня есть стихи, начинающиеся так: «Первым узнал Одиссея охотничий пес,/ А не жена и не сын.

Приласкайте собаку./ Жизнь – это радость, притом что без горя и слез/
Жизнь не обходится, к смерти склоняясь и мраку».

– *Теперь для меня как-то по-новому открылся смысл характеристики, данной вашему творчеству Иосифом Бродским: «Александр Кушнер – один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу каждого, чей родной язык русский».*

– Да, лестное для меня высказывание, может быть, даже слишком лестное. Кстати сказать, Бродский, прекрасный поэт, писал и поэмы, но они мне кажутся слишком громоздкими, их я не перечитываю, другое дело – его стихи. Нашу поэзию без них уже и представить невозможно. Но скажу еще несколько слов в утешение тем, кто без эпоса обойтись не может: именно в «книге стихов» лирика берет на себя некоторые функции поэмы, разворачивает панорамную картину мира. Книга стихов рассчитана на последовательное чтение от начала до конца, в ней отражено, «остановлено» время, прожитое нами.

– *Позвольте дискуссионный вопрос, который должен приблизить читателя к пониманию вашего творческого метода. Как вы считаете, имеет ли поэт право размышлять в стихах, доносить результат размышлений, и не противоречит ли это художественному образу?*

– Мысль не может противоречить художественному образу, потому что в стихах это не голая мысль, а поэтическая, можно сказать, родившаяся в счастливой, метафорической рубашке. Приведу лишь один пример. Есть у меня стихотворение памяти Лидии Гинзбург, моего старшего друга, замечательного филолога и прозаика, ученицы Тынянова и Шкловского. Называется оно «Сахарница». Это реальная сахарница, стоявшая у нее на столе, а после ее смерти попавшая к другим людям, в другую обстановку. В гостях у этих людей я увидел ее опять – и мне показалось, что ей и здесь хорошо, она не скучает по хозяйке, «не хочет ничего, не помнит ни о чем». Но вот его последние строки: «...И украшает стол, и если разговоры/ Не те, что были там – попроще, победней,/ Все так же вензеля сверкают и узоры/ И как бы ангелок припаян сбоку к ней./ Я все-таки ее взял в руки на мгновенье,/ Тяжелую, как сон. Вернул и взгляд отвел./ А что бы я хотел? Чтоб выдала волненье?/ Заплакала? Песок просыпала на стол?»

Это стихи о жизни и смерти, о памяти и любви к умершему человеку, но мысль о его посмертной жизни в нашей памяти высказана не голыми словами, а опосредованно, предьявлена в художественном образе. К слову сказать, эти милые, добрые люди подарили мне сахарницу – и теперь она стоит у меня в шкафу. Могу показать.

– С удовольствием посмотрю. Но пока самый важный, наверное, вопрос: что такое поэзия для вас?

– Поэзия для меня – великая радость и утешение, счастье моей жизни и ее главный смысл. И все-таки я, наверное, не писал бы стихи, если бы не знал, что такую же радость и утешение находят в поэзии многие люди, любящие стихи. Дать определение поэзии невозможно так же, как музыке. У Пастернака есть чудесное стихотворение «Определение поэзии», но это определение – чистая условность: «Это – круто налившийся свист,/ Это – щелканье сдавленных льдинок,/ Это – ночь, леденящая лист,/ Это – двух соловьев поединок». Как видим, и он не справился с определением, да и не стремился к этому.

– Поэзия в XXI веке – какой она станет? Вытеснят ли верлибры традиционный силлабо-тонический стих или оба течения будут существовать параллельно?

– Какой станет поэзия в XXI веке, предсказать не берусь. Надеюсь только, что силлабо-тонический стих не будет вытеснен верлибром. Не будет вытеснен потому, что как будто специально создан для русской речи с ее падежными окончаниями, многовариантностью ударений, а главное – со свободным порядком слов в предложении: «Редает облаков летучая гряда». Подлежащее стоит в самом конце предложения! Или строка из Батюшкова: «Я берег покидал туманный Альбиона». Она тоже завораживающе действует на нас благодаря своей непредсказуемой инверсии. И все это придает русскому стиху ту мелодичность, которой нет и не может быть в верлибре. А рифмы! Как их много, сколько неожиданных, непредвиденных. И разве есть старые рифмы? В каждом новом прекрасном стихотворении они живут по-новому. И еще одно чудесное свойство силлабо-тонического стиха – он запоминается, его мы твердим, шепчем, читаем наизусть: «Выхожу один я на дорогу. Сквозь туман кремнистый путь блестит...». А верлибры запоминанию не поддаются, их мы в своем сердце не носим.

– Сегодня даже образованные люди зачастую посредственно ориентируются в современной поэзии. Но когда цитирую две ваши самые знаменитые строчки: «Времена не выбирают,/ в них живут и умирают», кивают с узнаванием.

– Да, этим строчкам повезло. Но стихотворение не сводится к ним. «Что ни век, то век железный,/ Но дымится сад чудесный,/ Блещет тучка, обниму/ Век мой, рок мой на прощанье./ Время – это испытанье./ Не завидуй никому». Этому стихотворению повезло: его пели Сергей и Татьяна Никитины. Но ничуть не хуже, мне кажется, и другие стихи,

например, такие: «Умереть – расколоть самый твердый орех,/ Все причины узнать и мотивы./ Умереть – это стать современником всех,/ Кроме тех, кто пока еще живы». Или такие: «Всё нам Байрон, Гёте, мы, как дети,/ Знать хотим, что думал Теккерей./ Плачет Бог, читая на том свете/ Жизнь незамечательных людей./ У него в небесном кабинете/ Пахнет мятой с сиверских полей...». Или из недавних стихов: «Рай – это место, где Пушкин читает Толстого./ Это куда интереснее вечной весны...». Или вот эти: «А вы поэт какого века?/ Подумав, я сказал, что прошлого./ Он пострашнее печенег,/ Но, может быть, в нем меньше пошлого./ И, приглядевшись к новым ценникам,/ Шагну под сень того сельмага,/ Где стану младшим современником/ Ахматовой и Пастернака...».

Владимир Коркунов

Поэт, критик, журналист. Родился в г. Кимры (Тверская область). Окончил МГУ приборостроения и информатики и Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «НЛО», «Вопросы литературы», «Воздух», «Арион», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», Ното Legens, «Literrатура», «Гвидеон», «Интерпоэзия», «Волга», «Урал», «Новая Юность», «Юность», «Литучеба», «Дети Ра», «Крещатик», «Вокзал» и др. Автор монографии «Кимры в тексте». Живёт в

Москве.

ЛЕВ КРОФТС, НАТАЛЬЯ КРОФТС

Инстапоэзия: два взгляда из разных культур

Идея этой статьи возникла из диалога двух языков и поколений. Мой собеседник – двадцатилетний молодой человек, редактор и автор нескольких оксфордских журналов. Родной язык у него – английский. Всё началось с моего вопроса:

– Как работает Инстаграм?

И, как только я уяснила для себя азы, мы принялись обсуждать, насколько эта платформа подходит для литературы.

Так я узнала, что в этой социальной сети «племя младое, незнакомое» уже давно читает поэзию... Вернее, «инстапоэзию». Поясню для тех, кто с Инстаграмом не знаком: вы открываете это цветастое приложение на своём мобильном телефоне – и перед вами тут же пестреет ряд картинок, одна заманчивее другой. Кто-то сфотографирует аппетитный супчик, которым грел душу за обедом, кто-то – морской пейзажик, кто-то – себя любимого, а кто-то радость очей своих, котика пушистого. Мелькают видео. Вот в этой-то весёлой ленте и появляются иногда «стихи».

Как любой инструмент, Инстаграм в определённой мере задаёт правила игры: видеоролики должны быть не длиннее минуты, а стихотворение – в идеале, помещаться на одном снимке. Конечно, можно приучить свою аудиторию читать стихи в описании, но это – лишняя «щелчок мышью», при котором неизменно теряется часть читателей. Или можно искать другие пути «подачи» стихотворения.

Впрочем, твёрдых правил на платформе нет. Многие бесхитростно «цепляют» стихи подписью к какой-нибудь более или менее заманчивой картинке. Кто-то начитывает стихи на видео. А кто-то экспериментирует с визуальной подачей, шрифтами, сочетанием букв и рисунков, стремясь сконцентрировать произведение до очень короткой надписи на самом изображении – что, наверное, более точно соответствует понятию «инстапоэзия», а не «вообще стихи, которые вывесили на Инстаграме».

И поскольку размер каждой картинке довольно маленький, то краткость здесь не просто сестра таланта, а залог выживания на платформе

Но есть авторы, которые не только «выживают» на Инстаграме, а делают себе громкое имя. Благодаря этой соц. сети двадцатипятилетняя канадка Рупи Каур стала мировой знаменитостью, продав более 2.5 миллионов экземпляров своей первой книги стихов – книги, которую девушка выпустила самиздатом, поскольку её никто не хотел публиковать. Сейчас на странице Амазона этот сборник, «Молоко и мёд» – бестселлер №1 в

категории «Любовная поэзия», а вторая книга Каур – бестселлер №1 канадской поэзии. Стихи Каур были переведены на 30 языков, есть в продаже и её аудиокнига. Листая первый сборник – триумф минимализма – читаешь:

*you look like you smell of
honey and no pain
let me have a taste of that(1)*

Или:

*i am a museum full of art
but you had your eyes shut(2)*

Пытаясь разобраться в ценности этого нового жанра, мой собеседник написал небольшое эссе об «инстапоэзии». Один из оксфордских журналов тут же опубликовал статью с ехидной припиской: «Лев Крофтс помогает сделать человечеству огромный рывок – принять поэзию Рупи Каур».

* * *

Искусство из интернета: взгляд на инстапоэзию

Помните, некогда бытовало такое понятие – «искусство»? Многие считают, что оно просуществовало три тысячелетия, а тридцать лет назад приказало долго жить. В чём неизменно обвиняют технический прогресс. Он выхолащивает мозги. Рассеивает внимание. Нам нужны короткие предложения. Не более 250 символов.

В таком гнусаво-неодобрительном тоне обычно насмешничают над «инстапоэзией» – короткими стихами, написанными для социальной сети Инстаграм. Должен признаться, что именно так снисходительно фыркнул и я, впервые прочитав творения Рупи Каур, самого знаменитого поэта Инстаграма. Даже познакомился я с этим именем в группе Фейсбука под названием «Ужасная сетевая поэзия, которую мы всё же любим читать». Слова Каур, подумал я, пропитаны псевдо-глубокомысленностью примитивненького микроблога, а необъяснимая разбивка строк по элегантности соперничает с кабриолетом, сварганенным из частей угнанных машин. Впрочем, подобная критика стихов Каур давно уже не нова и не оригинальна. Некоторые пользователи «Твиттера» развлекаются тем, что пишут сатирические «кауризмы», среди которых встречаются весьма уморительные, как например, написанный автором Guy Mizhari:

*кто-то может сказать вам
что он закажет пиццу*

*а может на самом деле заказать пиццу
и это не одно и то же*

Однако успех Рупи Каур говорит сам за себя. Сейчас, когда я пишу эту статью, на её странице в Инстаргаме – 1.9 млн. подписчиков (*одинадцать месяцев спустя, эта цифра выросла до 3,2 млн. – Н.К., ноябрь 2018*). Её первая книга, «Молоко и мёд», разошлась тиражом более 2.5 млн. экземпляров, оживив рынок поэзии. Значит, чего-то я недопонял. И я возвращаюсь к стихам Каур, чтобы разобраться в причинах её успеха. Ведь настоящее искусство не боится ни вердиктов ухмыляющейся мужской элиты, ни ругани бледных критиков «Таймс», ни косых взглядов профессоров истории искусства. Оно живёт, чтобы пробуждать эмоции в тех, для кого оно создавалось. А в этом отношении Рупи Каур бьёт все рекорды. Так почему же её «инстапоэзия» нашла отклик у такого широкого круга?

Когда-то у искусства была своя география – место, которое одно произведение занимало по отношению к другим. В галерее, эта картина могла смотреть прямо вон на ту фотографию, висящую на противоположной стене. За пару километров от галереи, в кинотеатре, крутили фильмы. А дальше, в двадцати минутах ходьбы, был книжный магазин, где тесно прижимались друг к другу стихи. Это путешествие от одного произведения искусства к другому можно было даже пометить на карте. И у каждого творения была своя точка в пространстве: место жительства конкретной идеи и её воплощения. Чтобы прикоснуться к произведению искусства, нужно было потратить деньги и время – переместиться из вашего пространства в пространство нужной вам вещи. И в этом пространстве – на концерте, в театре или в библиотеке – идеи наполняли ваше сознание, и произведение искусства ненадолго становилось вашим миром. Творения жили поодиночке: каждое из них нужно было пропустить через себя, прочесть и перечесть, неспешно снять лак, чтобы добраться до глубинной сути.

Интернет изменил эту модель. Внезапно искусство осталось без географии. Стихи витают в эфире вперемешку с картинками и плей-листами Спотифая, сливаются, лопаются, как мыльные пузыри. Вы просматриваете ленту новостей, это лоскутное одеяло из произведений искусства, новостей и развлекательных сюжетов – палец скользит по экрану, синхронно скользит взгляд. Быстрое потребление, широкий и случайный ассортимент.

Я вижу, как консерваторы закатывают глаза, ворчат, что интернет разжижает мозг. Но, может, это просто новый способ восприятия

искусства? Американский поэт и бард Том Уэйтс однажды сказал: «мир – это адское место, и плохие авторы портят качество наших страданий». Но мне кажется, что именно эта уверенность в загнивании мира и порождает уверенность в загнивании искусства. Если нам не нравится контекст создания какого-то произведения, то, скорее всего, и само произведение будет нам не по душе. В диалоге Платона «Федр» фараон Тамус недоволен возникновением письма: «Память – дивный дар, её надо постоянно поддерживать. Из-за твоего изобретения у людей испортится память. Они будут вспоминать не благодаря внутреннему усилию, а благодаря внешней поддержке». В нас выпестован инстинкт, побуждающий нас защищать мир, в котором мы родились, но этому инстинкту иногда нужно противиться, если мы хотим проложить для искусства новые пути.

Инстаграм трансформирует наше представление о поэзии. Произведения Каур отличаются прекрасной простотой: обычно её стихи сжаты до одного высказывания, количество слов сведено до минимума, но при этом явно чувствуется сладковатый аромат «поэзии». Это – такая высокоскоростная загрузка важных понятий и эмоций: о женской жизни, о домашнем насилии, о расовой принадлежности. Сделаны эти стихи так, что читатель «эффективно потребляет контент» – и быстро переходит к следующему посту Инстаграма. Другие авторы тоже экспериментируют с этой платформой. Например, фотограф, видеограф и поэт Игги ЛДН (iggyldn) создаёт работы о стереотипах, которые навешивают на чёрных мужчин. Он также исследует тему отцовства – пронзительно и жёстко, но в то же время доступно для любителей Инстаграма. Страница поэта отсылает к более развёрнутым работам, выложенным на Ютубе, глубоким и сильным, как, например видео «Чёрным мальчишкам плакать нельзя» – демонстрируя способность Игги создавать произведения искусства в разных форматах.

Лично я всё же привык, что поэзия – это объект, живущий в пространстве. Сейчас рядом со мной лежит «Книга желаний» Леонарда Коэна. Дописав статью, я сяду на веранде, включу музыку – и перечитаю его стихотворение «Тысяча поцелуев». Коэн создавал это стихотворение более десяти лет, а потом читал его вслух на концертах. Здесь над словами нужно думать – и каждый раз находится что-то новое. Именно любовь к такому искусству заставила меня пренебрежительно отнестись к «инстапоэзии». Но если отойти от стереотипов, то можно только порадоваться, что поэзия как жанр ответила новым видом произведений на изменения в технологиях – и на возникновение новых платформ, где

могут существовать стихи. Возможно, зыбкая сущность «инстапоэзии» – как раз и есть новое в развитии искусства. Эти стихи должны увлечь, захватить читателя немедленно – и потом уступить место другим. У каждого из нас внутри бьётся жилка, противящаяся переменам, а новые формы искусства всегда вызывали насмешки традиционалистов. Но если мы готовы принять искусство, которое мы понимаем не сразу, то, возможно, и нам самим откроются новые пути для самовыражения. *Лев Крофтс, Оксфорд, 2018.*

* * *

История Рупи Каур продолжается. В 2018 году издательство Эксмо выпустило её книгу на русском языке с подзаголовком «Белые стихи, покорившие мир» – и многие русские читатели немедленно откликнулись рецензиями в духе «Каур – голос миллионов женщин». И правда: родилась ли женщина в Индии или в русской глубинке, она поймёт эти строки:

*не ищи исцеления
у ног
тебя сокрушивших.*

Или:
*тебя утратив
я обрела
себя.*

Впрочем, понять – и даже принять – чьи-то чувства, ещё не значит согласиться, что эти творения – поэзия, как заметила одна из почитательниц Каур:

Стихами это назвать не всегда получается, это скорее мысли вслух. Они могут быть банальными, странными, неприятными, провокационными, но каждая девушка найдёт что-то близкое себе.

Действительно, часто «инстапоэзия» читается как личная записная книжка. Помните школьные «Откровенники» доинтернетной поры, пестрящие глубокомысленными – как нам тогда казалось – высказываниями? И здесь Рупи Каур далеко не одинока. Например, у автора Atticuspoetry, почти 700тыс. подписчиков) читаем:

*The doubters
are just dreamers
with broken hearts(3)*

Но может сложиться впечатление, что публикации в Инстаграме – это удел официально непризнанных одиночек англоязычной литературы.

Что совсем не так: например, чикагский журнал «Поэзия», один из ведущих поэтических изданий англоязычного мира, также активно издаёт стихи в Инстаграме, чередуя стихотворные «картинки» с видео. Правда, число подписчиков на этой странице в десятки раз меньше, чем у мисс Каур: только 62 тыс. человек следят за журналом в Инстаграме. Впрочем, о количестве почитателей писал ещё Александр Сергеевич, сравнивая популярность своих произведений со спросом на басни «Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта»: «Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?»(4). Похоже, мало что изменилось с тех пор.

Что же происходит с «инстапоэзией» в русскоязычной среде? Есть масса публикаций и несколько «клубов» – страниц в Инстаграме, посвящённых русским стихам. Но пока никто ещё не повторил успеха Рупи Каур, сделавшей себе громкое имя исключительно благодаря стихам, написанным специально для Инстаграма. Основная масса русских стихов на платформе – это попытки «втиснуть» в новый формат уже существующие произведения, созданные совсем для других целей. То есть, используя вышеприведённое определение, в русском Инстаграме всё ещё доминируют «стихи вообще», а не новая «инстапоэзия».

Поэтому пока нет смысла цитировать здесь строки, опубликованные в русском Инстаграме – в текстовом аспекте эти вещи ничем не отличаются от публикуемого в других социальных сетях.

Но, даже не создавая специальных «инста-стихов», «раскрученные» сетевые авторы привлекают значительную аудиторию и на этой площадке. Один из самых востребованных русских авторов в Инстаграме – Сола Монова (sola_monova): в ноябре 2018 года число её подписчиков достигло 865 тысяч. Если вы, уважаемый читатель, поднимаете бровь и вопрошаете «Кто это», то значит, невнимательно следили вы за новостной лентой Бахыта Кенжеева, несколько месяцев назад прокомментировавшего работу этого автора, озаглавленную «Кролик»: «Крольчонок такой няша! И девушка – чистое мимими!!!». Впрочем, необходимо всё-таки добавить несколько штрихов к этому описанию.

Настоящее имя автора – Юлия Валерьевна Соломонова, она – режиссёр, окончила ВГИК и голливудскую киношколу. Юлия Валерьевна создала гламурно-саркастический образ, особенно ярко выраженный в авторских видео клипах, которыми полна её лента Инстаграма и других соц. сетей. На её странице очень сильна визуальная составляющая: вполне вероятно,

что многие подписчики стихов не читают, а просто просматривают картинки. В данном случае большое количество поклонников вполне объяснимо: Сола Монова последовательно и профессионально работает на определённую целевую аудиторию, и эта целевая аудитория платит ей неизменным интересом. А принадлежать ли к этой целевой аудитории – это уже личное дело каждого.

Правда, название профиля порождает ещё один вопрос – насколько здесь правомерно самоопределение? Ведь автор отрекомендовался не просто как «Сола Монова», а как «Сола Монова. Поэт». Этот вопрос здесь останется риторическим, поскольку обсуждение и сущности поэзии вообще, и сетевой поэзии как явления выходит за рамки этой небольшой статьи, всего лишь рассматривающей Инстаграм как платформу для творчества и публикаций(5).

Замечу только, что, как бы каждый из нас ни относился к качеству отдельных сетевых творений – да и, к слову сказать, к качеству отдельных произведений, изданных на бумаге – грань между сетевой и «бумажной» литературой исчезла. Почти десятилетие назад эту мысль высказал куратор «Журнального зала» Сергей Костырко(6). В наши дни публикация на бумаге – не гарант качества: каждый из нас видел прекрасные сетевые издания и ужасные бумажные. И наоборот. Раньше, чтобы прочесть новые стихи любимого поэта NN, нужно было терпеливо ждать новый номер толстого журнала – а потом листать его, досадливо пожимая плечами на страницах авторов нелюбимых и лично вам не нужных: мол, зачем это здесь? Сейчас плечами можно не пожимать вовсе, а просто подписаться на поэта NN в Фейсбуке, или читать его на просторах интернета до полного изнеможения. Помните пророческое: «Пусть пока всего четыре копии»? Да, Александр Аркадьевич, в наши дни Эрика берёт ровно столько копий, сколько есть желающих почитать каждое конкретное творение. И это только чётче выводит на свет нехитрое, казалось бы, но такое пронзительное откровение: «нужно ясно понимать, что писатель – это не тот, кто пишет, а тот, кого читают». Не удивительно, что сказал это в своём последнем интервью «рекордсмен» самиздата(7), Борис Натанович Стругацкий. Строго говоря, половина рекордсмена под названием «братья Стругацкие»(8).

«Погодите-погодите», – скажет внимательный читатель, – «А как же вышеприведённая мысль Пушкина о поэзии и “массовости”? И потом. Хорошо, если вы уже знаете поэта NN. А кто же посоветует новых авторов? Самому копать на просторах интернета – это всё равно, что,

простите за банальность, перелопачивать пустыню в поисках потерянной где-то бусинки».

Как ни странно, на оба эти вопроса ответ один. Действительно, нужен редактор. Очень нужен. Сейчас – более чем когда-либо. Причём редактор, вкусу которого лично вы доверяете. А это очень непросто. Вспомните, даже когда возникает впечатление, что у вас с собеседником много общего, и поболтать вместе приятно, и человек вроде милый, но заговорите о поэзии – и окажется, что вы – в лес, а он – по дрова. И моя твоя не понимать.

Но есть один сказочно умный редактор. Он помнит все публикации. Более того, он отлично знает, что лично вы любите читать – честно, в одиночку, когда вас никто – казалось бы – не видит. Это как раз и есть интернет. Вернее, даже не сам интернет, а программы, которые стали возможны благодаря интернету и новым методам анализа(9). Времена, когда сеть была просто тупым «длинным забором», по выражению Льва Аннинского(10) давно прошли. В наши дни есть техническая возможность предсказать с огромной степенью точности, что именно вы хотите почитать, послушать, посмотреть – и дать вам именно это. Примеры применения таких технологий, пусть даже пока (по разным причинам) далёких от совершенства – сетевые магазины типа Амазона, и, кстати, социальные сети Ютьюб и Фейсбук – платформы, на которых уже сейчас есть множество стихов. Конечно, большинство сайтов ещё не пользуются этими техническими возможностями в полной мере – но, скорее всего, в будущем из сайтов как раз и выживут сильнейшие. Или хитрейшие. Те, которые научатся наиболее точно работать конкретно у вас редакторами вашего личного журнала для чтения. Те, которые знают, что вам нужно непременно «что-то типа поэтов А, Б и В», и ни в коем случае не надо вам предлагать творения поэта Д и ему подобных – потому что читать вы это не будете. И тогда у авторов появится, пусть не обязательно «массовый», но «свой» читатель. Даже если это будет один человек, живущий за тысячи километров от автора. Несомненно, ещё долго будут существовать издания, где авторы и произведения рекомендуются редакторами, а не искусственным интеллектом. Но в наше время всё меньше роли играет то, опубликовано ли произведение на бумаге – или просто вывешено в вашей личной новостной ленте на Фейсбуке, которая в таком случае становится своеобразным литературным журналом нового времени. Причём журналом с преимуществом: у новостной ленты популярного

пользователя соц. сети – огромная потенциальная аудитория, но нет расходов, связанных с изданием бумажного журнала.

В Инстаграме тоже есть своя рекомендательная система, правда, точный алгоритм – это хорошо охраняемая тайна. К тому же этот алгоритм постоянно меняется. Но вернёмся к самим авторам Инстаграма. Тем более что галерея персонажей русской «инстапоэзии» становится всё интересней. За Ю. Соломоновой по количеству подписчиков следует не «Ах Астахова» (372 тыс.) и даже не В. Полозкова (137 тыс.), которая, впрочем, Инстаграмом пользуется как личным фотоальбомом, а не как платформой для публикаций.

Нет, здесь появляются новые «звёзды». Есть в интернете ещё одно заметное явление: девушки, читающие стихи. Конечно, есть и «юноши, читающие стихи», есть даже и вполне себе уже «дяденьки», но симпатичные девушки в этой сфере явно доминируют. И как раз одна из таких исполнительниц занимает видное место на платформе – на одном только Инстаграме у неё более 670 тыс. подписчиков. Очень красивая девушка двадцати с лишним лет, в прошлом – победитель городских соревнований чтецов, выкладывает видеозаписи, на которых она просто, безо всякой мишуры и декораций, читает стихи. Звучат строки Шекспира и Лермонтова, Цветасвой и Рождественского... А ещё – вещи современных авторов, известных и не очень – в том числе, и творения самой исполнительницы. Вот здесь и происходит очень наглядная вещь. Даже когда качество прочитанного не выдерживает критики, особенно по сравнению со звучащей здесь же классикой, большинство «потребителей контента» этого, кажется, не замечают. А если кто-то и высказывается с неблагоприятным комментарием, мол, «что это за...?», то на него тут же набрасываются другие поклонники: «Человек тут душу излил, а ты зубоскалишь, как тебе не ай-яй-яй!» Вакханки уже вошли в такой экстаз, что даже не замечают, когда их очаровательный Орфей вдруг дал петуха.

Что, собственно, и приводит нас к логическому заключению этой статьи. На бумаге можно напечатать «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз», а можно – сплетни о гламурной тусовке. На фортепиано можно сыграть «Революционный» этюд Шопена, а можно – «Собачий вальс». И, что самое интересное, кому-то понравится одно, кому-то – другое. Причём кто-то заметит, что пианист сфальшивил, а кто-то – не заметит, и будет слушать этого пианиста дальше, потому что ну такой ведь симпатичный паренёк, и играет он так самозабвенно, и локоны у него в такт музыке подрагивают очень мило.

Как и многие другие платформы, Инстаграм – зеркало читателя. В этой соц. сети можно найти стихи золотого и серебряного века; представительница прекрасного пола повсюду цитируют замечательную Екатерину Горбовскую; здесь начинают появляться стихи А. Кушнера, А. Кабанова, Б. Кенжеева и других современных поэтов. Уже более года выкладывает в Инстаграм свои стихи Ян Бруштейн. И вполне возможно подписаться, скажем, только на цитаты из классиков, на стихи Бродского – или, скажем, на Игоря Губермана. Правда, публикует «гарики» явно не сам Игорь Миронович, зато по формату творчество Губермана идеально подходит для Инстаграма. «Гарикам» не нужны ни красивая подача, ни стильно-гламурный интерьер: четыре строчки, нацарапанные на желтоватой бумаге – и грустная, понимающая улыбка вам обеспечена. Да и читать очень удобно – даже трудно оторваться от этого «виртуального листания», так и скользишь от одного четверостишья к другому.

Но всё же русский Инстаграм ещё ждёт своих поэтов. Ведь существует немало хороших авторов, пишущих кратко. Есть малые поэтические жанры, которые, возможно, прекрасно прижились бы на Инстаграме: одностишья, пирожки, порошки(11)... Да и сама русская «инстапоэзия» как жанр ещё ждёт своего развития и своих героев. И, может, какой-нибудь творец эпических поэм попробует однажды, шутки ради, вместить весь свой творческий посыл на крохотный экран мобильного телефона – и вдруг с удивлением откроет в самом себе искрящийся новый дар.

Лев Крофтс родился в Лондоне. Студент Оксфордского

университета; главный редактор одного из старейших оксфордских журналов, «Исида» (публикуется с 1892г.), арт-директор журнала «1555» (издание колледжа Св. Иоанна). Статьи и рассказы публиковались в ряде англоязычных журналов и вошли в литературную антологию «The Mays».

Наталья Крофтс

родилась в Херсоне, окончила МГУ имени Ломоносова и Оксфордский университет.

Автор многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в журналах «Интерпоэзия», «Нева», «Новый журнал», «Юность»,

«Новый берег» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Живёт в Австралии.

.....

*(1)похоже ты пахнешь
молоком и отсутствием боли
дай мне попробовать это*

*(2)я музей искусств
а у тебя закрыты глаза*

*(3)Скептики
это мечтатели
с разбитыми сердцами*

(4) А.С. Пушкин, «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения».

(5)Желающих услышать разноплановые мнения критиков могу отослать, с одной стороны, к статье Д.В. Кузьмина «О новом призыве звёзд “сетевой поэзии”», а с другой – к статье Е.А. Ермолина «Роль и соль. Вера Полозкова, её друзья и недруги».

(6)Точная цитата: «Грань между сетевой и «бумажной» литературой исчезала на глазах». Из интервью С. Костырко «Сетевая литература или литература в сети?» ("Русский журнал", 26.05.09)

(7)«По свидетельству архивариуса Архива Восточной Европы в Бремене Габриэля Суперфина, наиболее массовыми произведениями самиздата были повести братьев Стругацких и «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева». Ксения Митрохина, «Самиздат: неподцензурная журналистика в СССР».

(8)Беседа Игоря Логвинова с Б.Н. Стругацким «Жизнь – трудное занятие»; «Гудок», 23.11.2012.

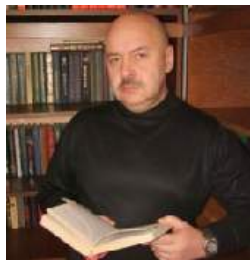
(9)Желающим больше узнать на эту тему советую почитать о «больших данных» (англ. “big data”) и о рекомендательных системах.

(10)Беседа Сергея Павленко со Львом Аннинским: "Я впервые попал в страну поэта"; «Красноярский рабочий», 30 сентября 2004г.

(11)Пирожки – нерифмованные четверостишья, написанные четырёхстопным ямбом; порошки – рифмованная разновидность «пирожков».

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

(род. 1962, Нижний Тагил)

Русский писатель; прозаик и литературный критик. Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте Ииституте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться,

поскольку желание говорить то, что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату. Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

«Кто знает об одном из лучших прозаиков современной России – Александре Кузьменкове (Братск)? Все мои попытки издать его сборник в Москве закончились ничем, а между тем это серьезнейший прозаик и мыслитель, равно не имеющий отношения к “новому реализму” (который в действительности

С ШИРОКО ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

(Г. Яхина «Зулейха открывает глаза»; М., «АСТ», 2015)

Вот стоит она перед нами, простая татарская ханым – мужем битая, муллой пуганная, в Сибирь сосланная... Не захочешь, да всплакнешь. Дебютный роман сценариста Гузель Яхиной по своим тактико-техническим характеристикам вполне может быть приравнен к газу CS, а потому закономерно угодил во все мыслимые шорт-листы, снискав особое расположение у яснополянского и большекнижного жюри. Кроме того, книжка приглянулась Захару Прилепину: «Чисто по-человечески это просто хороший роман. Убедительный, серьезный, глубокий...

Первое место "Зулейхе..." присуждено совершенно заслуженно. Таких писателей, как Гузель, для меня в этом году нет. Всем советую прочесть!»

Есть, однако, и другое мнение. «Вокруг романа поднят беспочвенный ажиотаж», – считает татарский драматург Рабит Батулла. Вот это, сдается, гораздо ближе к истине. Сейчас попробую обосновать.

По-моему, сценарист в литературе, за редким исключением, – примета скверная, страшнее черной кошки: иные эстетические парадигмы, иная степень владения языком, иные требования к материалу, в конце концов. Синема, все-таки, – плод коллективного труда: режиссер отретуширует сюжетные нестыковки, оператор восполнит лакуны видеорядом. Но прозаик остается один на один с читателем, и вот тут сценарных навыков оказывается трагически мало. Скажем, Арабов в «Тельце» выглядел вполне кошерно, но когда взялся продолжить лениниану в прозе, вышел откровенный конфуз – кто заглядывал в «Столкновение с бабочкой», тот меня поймет. С Яхиной приключилась примерно та же история: барышня начисто лишена слуха, охотно жертвует правдоподобием ради эффектной картинки и еще охотнее оперирует штампами.

С них, пожалуй и начнем, – благо, в романе им несть числа. Если попадется читателю ссыльный интеллигент, – то непременно в треснувшем пенсне. Если чекист, – не извольте сомневаться, с горячим сердцем и чистыми руками. Если муж, – то гарантированы мохнатое брюхо, невымытые пятки в трещинах и загрубелые пальцы. И совершенно механический секс: *«Во время исполнения супружеского долга Зулейха обычно мысленно сравнивает себя с маслобойкой, в которой хозяйка сильными руками взбивает масло толстым и жестким пестом»*. Но уж если любовник, – налицо сахарно-белые зубы, светлая и чистая кожа и свежее дыхание. И неземная стр-расть: *«Она не ходила – летала... и целыми днями ждала ночи»*. Свежее дыхание облегчает понимание, ага. Впрочем, на фоне дальнейшего это зло не так большой руки. Ибо «Зулейха», – воспользуюсь определением Мартына Ганина – содержит все основные признаки культурной невменяемости, которую в просторечии называют графоманией.

Яхина – по ту сторону литературного добра и зла; свидетельством тому стиль романа – он сродни рунической поэзии, где каждая последующая строка перефразирует предыдущую:

«Как получилось, что за годы он прикипел к этой недружелюбной и суровой земле? К этой опасной реке, коварной в своем вечном непостоянстве, имеющей тысячи оттенков цвета и запаха? К этому

бескрайнему урману, утекающему за горизонт? К этому холодному небу, дарящему снег летом и солнце – зимой?» – и так 512 страниц. Большая книга, это точно. Преимущественно по объему.

Время от времени авторесса производит вполне приличный продукт: «*За высадкой переселенцев наблюдает Игнатов, держа под мышкой неизменную папку “Дело”*». *За долгие месяцы пути она выгорела, посветлела, казенное лицо ее покрылось синими шрамами печатей и штампов*». Но качественная метафора тут же тонет в россыпи красот совершенно дилетантского свойства: «*Он обнажает в улыбке прокуренные, хороводом пляшущие во рту зубы*». Что за напасть у мужика с зубами – остеопороз, пародонтоз, диабет? Все остальное ничуть не лучше. «*Нежно-серые стволы пообтрепалихся за зиму елей*», – простите, как елки обтрепались за зиму – ведь не лиственницы же? Впрочем, наткнувшись на «*щепотку сала*», понимаешь, что Г.Я. описывает какую-то параллельную реальность, далекую от земных законов.

Судите сами: баржа со спецпереселенцами тонет, в кораблекрушении гибнут инструменты и провиант, единственная надежда тридцати выживших – мешок патронов к табельному револьверу коменданта (кстати, отчего-то шестизарядному – никак, вместо нагана кольт выдали?). Впереди зима и практически верная смерть в тайге. Но что б вы думали? – ни гипотермии, ни цинги, ни алиментарной дистрофии. От Ильича до Ильича – без инфаркта и паралича! Зато с постоянным перевыполнением плана и самогоном из всех видов местной флоры. С землянкой на тридцать человек, вырытой руками и палками (!) за два дня (?!). С медведем, которого Зулейха завалила одним выстрелом, – даром что ружье первый раз взяла. Тимофей Баженов рядом с яхинскими робинзонами – просто жалкий двоечник.

Прикажете еще? Пожалуйста: «*Зулейха пробирается по лесу... На ней серый, в крупную светлую клетку и с широченными плечами двубортный пиджак... На блестящих темно-голубых пуговицах, намертво пришитых суровыми нитками прошлым владельцем, мелкие непонятные букочки хороводом: Lucien Lelong, Paris*». Сделайте милость, растолкуйте, как прочла героиня французскую надпись, коли даже с кириллицей не знакома?

Кстати, о Париже: в 1946 году сын героини Юзуф получает письмо от своего учителя, художника Иконникова, ушедшего из трудпоселка на фронт: «*Слов в письме не было; в центре листа – свечка Эйфелевой башни (карандаш, тушь); мелкая приписка в углу: Марсово поле, июнь*

1945 (Париж цензор вымарал черным, а Марсово поле и дату оставил)».

Бежал к союзникам? – вряд ли: солдатский треугольник, цензор... Значит, легендарная встреча имела быть не на Эльбе, а на Сене? Да уж. Музыку Покрасса оставить, текст Солодаря срочно переписать: «Едут, едут по Парижу наши казаки!»

Впрочем, эта правка – лишь часть работы, которую предстоит проделать историкам после прочтения «Зулейхи». Судите сами: *«Весной сорок второго Кузнец явился, как всегда, – снегом на голову, вдруг. Привел с собой баржу, плотно набитую изможденными людьми с темно-оливковой кожей и породистыми выпуклыми профилями – крымские греки и татары... Басурман депортировали с южных территорий превентивно, не дожидаясь, пока край будет занят оккупантами и малые народы и народцы получают возможность переметнуться к врагу».* До яхинских открытий считалось, что «басурман» выселяли из Крымской АССР в 1944-м, и оказаться вместе они никак не могли: татар депортировали 18-20 мая, а греков – 27 июня...

Но самый большой труд достался мусульманским богословам: им придется редактировать ханафитский (как минимум) мазхаб. Опять-таки цитата: *«Муртаза долбит землю у могилы, пытаясь вставить лопату в еле видную, смерзшуюся щель... Щель постепенно ширится, растет, поддается – и наконец распахивается с протяжным треском, обнажая длинный деревянный ящик, из которого веет мерзлой землей. Муртаза бережно сыпает туда солнечно-желтое, звонкое на морозе зерно... Хлеб. Будет спать здесь, между Шамсией и Фирузой, в глубоком деревянном гробу, – ждать весны... Вырыть схрон на деревенском кладбище придумал Муртаза... Крышка ящика захлопывается. Муртаза забрасывает снегом разворошенную могилу».* До «Зулейхи» правоверным разрешалось вскрывать могилу лишь в исключительных случаях – скажем, если захоронению грозит затопление...

Сценаристу Яхиной явно требуется режиссер – желательно, Станиславский с его громовым «Не верю!»

Однако самое недостоверное, что есть в тексте – даже не детали, но авторский, простите за матерное слово, мессидж. Книжку условно можно разделить на две части. Первая выглядит анафемой 30-м годам: Г.Я. активно перерабатывает литературный секонд-хэнд, прилежно воспроизводя кошмар стольпинского вагона по Солженицыну и Гинзбург. СССР вызывает, мягко говоря, не самые лучшие ассоциации: *«Велика страна, где живет Зулейха. Велика и красна, как бычья кровь. Зулейха стоит перед огромной, во всю стену, картой, по которой*

*распласталось гигантское алое пятно, похожее на беременного слизня, – Советский Союз». Однако за этим следует головокружительное сальто-мортале – ап! – и анафема плавно перетекает в осанну, «Крутой маршрут» – в «Аристократов», если не в «Спутник агитатора». На берегах Ангары происходит массовая сбыча мечт. Зудейха наконец-то рождает жизнеспособного ребенка, профессор Лейбе чудесным образом исцеляется от давнего психического недуга, чекист Игнатов обретает любовь, пусть и недолгую, агроном-теоретик Сумлинский радостно применяет свои знания на практике, а художник Иконников получает возможность хоть иногда писать для души, – и все вместе вливаются в созидательный труд на благо социалистического Отечества. Название трудового поселка Семрук созвучно имени вещицы птицы справедливости и счастья Семруг – легенда о ней в тексте, знамо, присутствует. «Любовь и нежность в аду», – писала Л. Улицкая в предисловии к роману. Однако ад на поверку оказывается более чем комфортным. Сравните-ка два более чем красноречивых пассажа. Год 1930, деревня Юлбаш: *«Зудейха открывает глаза. Темно, как в погребке... За окошком у изголовья – глухой стон январской метели»*. Год 1938, поселок Семрук: *«Зудейха открывает глаза. Солнечный луч пробивается сквозь ветхий ситец занавески... Рассвет»*. Трудящаяся женщина Востока сбросила ярмо векового рабства, и было ей счастье. Долой паранджу! Гузель Шамилевна, вы вообще-то за красных или за белых? Впрочем, в контексте ситуации не суть важно. Важно вот что: стоит перед нами простая татарская ханым – мужем битая, муллой пуганная, в Сибирь сосланная... Читатель доволен: ему что сало шепотками, что Красная Армия на Рю де Ла Пэ – все по барабану. Ему, болезному, немного надо: сперва прослезиться, потом умилиться, а прочее от лукавого. И это, между прочим, в случае Яхиной совершенно верно. Ибо единственный возможный способ читать «Зудейху» – с широко закрытыми глазами. Как она и была написана.*

СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН

«СЛОЯМИ ПРОЖИТЫХ СТРАСТЕЙ»

Изяслав Винтерман. Страсть страстей. М.: «Сибирский тракт», 2018 — 80 стр.

ISBN 978-5-9909267-9-0

Есть такой прием – сочетанием имени в единственном числе с тем же именем в числе множественном достигать превосходной степени выражаемого словом понятия – *святое святых, небо небес, раб рабов, суета сует*. Свою новую книгу стихов Изяслав Винтерман назвал «Страсть страстей» – по аналогии с библейской «Песнь песней», агиографом, означающим превосходнейшую, *лучшую из лучших* песен. Такое название наиболее точно отвечает и форме, и содержанию сборника иерусалимского поэта. Автор решил создать «высокую песнь» – возвышенное произведение священной любовной поэзии.

Итак, за образец взято собрание песен царя Соломона – «Песнь песней», «Canticum canticorum». Это поэма восхитительной хвалы истинной любви, которая и есть гармония, а где гармония, там – настоящее счастье, следовательно, любовь.

Страсть – это личное переживание, ему невозможно помешать, его нельзя полностью преодолеть. Поэт произносит стихи, насыщенные восхвалением чувственной, пламенной любви, священнодействует торжественно и интимно. Как и в древнем тексте, все в «Страсти страстей» от начала до конца написано таинственно, с загадочным иносказанием, смысл содержится не в букве, а скрыт глубоко под нею. «*Вовлекая в прозренья*», автор использует сложный словарь взаимодействующих и взаимозаменяющих, универсальных символов и метасимволов, творит, «*упорствуя в своей неправоте и сравнивая то, что несравнимо*».

Если «Песнь песней» представляет собой цельную поэму, то «Страсть страстей» следует понимать как собрание отрывочных песен «нового Соломона», объединенных темой возвышенного чувства. Страсть и противоположна, и симметрична действию. В Книге Винтермана нет драматического действия (в библейском тексте оно – действие – построено на диалоге), но есть драматически выраженный монолог.

*В мягкой внутренности ночи
тёмной страстью одиночки
и фонариком согрет...*

От первого стиха до последнего книга представляет собой поток душевных излиятий. Страсть – явление неизбежное и означает сильное влечение. Ее принято считать потоком короткоживущих, преходящих эмоций, отождествлять с влюбленностью, противопоставлять любви. Это свойство выражается безотчетным влечением, необузданным, неразумным и чрезмерным намерением, страсть всегда основана на пылком желании. В большинстве случаев, когда человек добивается востребованного, его страсть затухает, в этом её отличие от любви. Но иногда случается и так, что страсть перерастает в более сильное и глубокое чувство. Именно о таком чувствовании, о таком приращении, книга поэта – сильном глубоком расположении, самоотверженной и искренней привязанности мужчины к женщине, влюбленного – к избраннице, мужа – к жене. В этом прикосновении – страсти – каждый находит свое «второе я», без которого не может жить. В радости соединения двух существ осуществляется божественный замысел, цель которого — конечное единство и всеобщая гармония. В глубине нашего существа, в самой основе души, иногда для нас неосознанно, таится и скрыто действует странная сила – «невидимая кровь». Эта воля – она темная, или светлая? Непонятно.

*Когда прибывает вода – ты к ней не готов.
Когда отступает – ты сам себе не река...*

Страсть – греховна? Она – ошибка, безумие? Обуздать ее, укротить, исцелиться? Для автора сборника страсть означает горячую преданность и пламенную привязанность, попытку придать смысл своей жизни. Пылкости нередко сопутствуют мучительная забота, страх перед возмездием, тревожность, что «выпадет боль росой». Страсть может существовать без любви, любовь не может существовать без страсти. «Положи меня, как печать, на сердце твоё, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют

ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением» (8:6-7).

У Винтермана страсть – сложное чувство, оно предстает облагороженным воспоминанием, осознанием, что испытанное когда-то счастливо переросло в любовь, не имеющую границ. Теперь для певца страсть-любовь обладает неиссякаемыми запасами ощущений, осознаний, предчувствий, влечений, переживаний, и поэтому никогда не закончится. Это бесконечное притяжение двух людей. Поэт – истинный царь Соломон.

Как и в предыдущих сборниках, тема осмысления преображения, благорастворения, жизненного наполнения остается для Винтермана главной. Разгадка тайнства соприкосновения страсти и любви – вот еще один аспект, удачный подход к решению главной задачи, поставленной поэтом.

«Страсть страсти» – исповедальная история о всепобеждающей любви и обретаемом бессмертии. Это преумноженное чувство не замкнуло поэта в самом себе, не сделало его непроницаемым и непрозрачным, а, наоборот, побудило к созданию замечательной книги.

МУЗЫКА СВЕТА

Александр Куликов. Двенадцать звуков разной высоты. — Екатеринбург: «Евдокия», 2018 — 216 с.
ISBN978-1-387-77653-5

Вчитавшись в книгу стихов «Двенадцать звуков разной высоты», я вспомнил историю одного художника. Сто лет назад судьба забросила Георгия Якулова на Дальний Восток, в край, где сегодня живет поэт Александр Куликов. Якулов позже признавался: «В творчестве я двигался с Востока на Запад, тогда как европейцы идут с Запада на Восток». Если Якулову суждено было связать традицию Востока с изысканной эстетикой позднего модерна, то Куликову выпало оказаться в точке слияния трех потоков: русской поэтической традиции, культуры дальневосточных стран, новаторских тенденций Америки. Казалось бы, сочетание несочетаемого: рэндзю и рэгтайм; Поплавский, Фрост, Такубоку...

Восток – «край безразличного колебания, вечного движения “голубой призмы”». Здесь создается эффект переламывающихся ритмов, похожий

на дробление изображения в воде. Картина обычно строится по линии ниспадающих волн или на быстром передвижении плоскостей и их ломки. Это подобно тому, как рисунок перебрасывается с волны на волну. Изображая предметы в перспективе, художник на Востоке оставляет линии параллельными. Такое построение дает представление не об одном, а о нескольких моментах. Для мастера важно изобразить континуальное состояние – собственное колебание в каждом мгновении. Это очень тонко чувствует Александр Куликов, и это очень важно для понимания его стихов.

Современный поэт неизбежно сталкивается с преодолением канонов. Наложение нескольких образных планов друг на друга Куликов называет *лессировкой*. Его поэтический прием похож на живописную технику получения глубоких переливчатых цветов за счет нанесения полупрозрачных красок поверх основного цвета. Так автором достигается смысловая полифония – сложение смыслов, сущностей, сюжетных ходов, маневров.

Осенние дожди и листья, ветры и снега – любимые персонажи стихотворца, но все-таки главное значение для Куликова имеют свет и звук. Поэта не привлекает «кипящее» изобилие деталей, он старается избегать множества персонажей, безразличие к изображению вещей влечет его *к музыке и небесам*.

Для художника на Дальнем Востоке нет светотени. Здесь отсутствие светотени и есть свет. У Куликова он не столько движется, сколько покоится. Излюбленный образ поэта – торонагаси, красочные бумажные коробочки со свечами внутри, тысячами желтых огней плывущие по реке Русской, указывая путь в иной мир душам предков, посетившим на время праздника Обон мир живых. Читателю кажется, что свет движется поступательно, но, на самом деле он возвращается, тем самым, убеждая нас, что всё вокруг суть движение круговое, как и само вращение солнечного диска. Вот и поэт Роберт Блай, герой одного из циклов книги, наблюдая «застывшее в ветвях» «холодное солнце», приходит к мысли, что смерть это «высшая степень свободы», и «возвращенье в исходную точку» – возможно.

В послесловии к книге автор делится размышлениями. «Преодоление временных границ способно смещать пространство. Это вполне естественно: если время прессуется, сходится в одной точке, то почему бы не растянуться пространству?» Сжатие пространства означает наступление ожидаемого – снега, света, смерти...

Возвращаться в прошлое необходимо, прежде всего, для того, чтобы заново пережить неудачи, провалы – всё то, от чего в свое время ты отмахнулся, как от неприятного пустяка. Печаль и скорбь – это осмысленная боль, без которой человек ничего не сможет изменить в себе. Без нее нет мудрости, полноты и красоты жизни.

Как и Роберт Блай, Куликов мог бы сказать: «Звук сам по себе чрезвычайно важен в пробуждении важных вещей внутри нас, и, прежде всего, образов. Звук должен пройти через все тело, и тогда картины придут сами по себе». Человеческое предназначение в том, что мы должны постоянно звучать подобно натянутой струне. Но ужасно, когда все ноты постепенно сливаются в монотонное жужжание. Это похоже на причитание старого холодильника – вы его замечаете, только когда он перестает работать. И тогда восклицаете: «Боже, наступила тишина, и я не знаю, что с этим делать!»

Плохой поэт сказал бы: «Моя жизнь – симфония». Автор «Двенадцати звуков разной высоты» не столь самонадеян. Взыскательный и требовательный к нам и к себе, он призывает вслушаться в тишину между двумя нотами, всегда находящимися в диссонансе. И это позиция настоящего поэта.

Куликов сдержан, он избегает прямого «излияния чувств», общается с читателем через едва заметный, но, все же, сюжет. Допустим, стихотворение можно рассматривать как поэтическую зарисовку на тему о красоте зимнего леса. Но при более внимательном взгляде осознаешь в нем борьбу между тягой к созерцанию красоты и чувством осмысления своей экзистенции, противостояние эстетики и этики. В манящей притягательной силе ветра может таиться сила иная – искушающая, втягивающая в себя все живое.

Блейк писал: *«Великое из встречи гор с людьми / Рождается, а не из толкотни»*. Может быть, поэзия – это и есть соприкосновение с чем-то большим, чем наше «я»? Автор «Двенадцати звуков разной высоты» размышляет над проблемой ego, над тем, как люди обеспокоены притязаниями на сделанное и «принадлежащее» им, но при этом не понимают, что если созданное соприкасается с высшими ценностями мира, то людям оно, на самом деле, уже не принадлежит.

«Mysterium tremendum et fascinans» – «благоговение и тайна взгляда». Благоговение!.. Оно – в природе, в «терцетах белой трясогузки», в «клевста мелькнувшем огоньке», в «легком и воздушном, как благословение, прикосновении луча вечернего света, пробившегося сквозь толщу осенних туч и двойное стекло окна электрички».

Мне очень нравится, как один философ определял этимологию английского слова «bliss» – «блаженство». Оно восходит к французскому «blessure», что означает «рана». В этом-то и заключается человеческое блаженство – в возможности через печаль и страдание осознать свое неразрывное единство с миром. И это одинаково верно как для Востока, так и для Запада. В этом убеждаешься, читая книгу Александра Куликова.

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. До 2000 – Одесса. Сейчас – Нетания, Израиль. Публикации в периодической печати, в альманахах. В 2011 – сборник стихов. В 2006 – Международный конкурс сатириков и юмористов – 1-е место в номинации «Афоризмы».

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД – НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

ПЕРЕСТРЕЛКИ

В нас зря пропадает энергия, приходится ее тратить на что ни попадя. В наших стихотворных перестрелках (где по строчке, где по две, где по три) рождаются совершенно невозможные шедевры.

НЕ ДУМАЙ О БОРДЕЛЯХ ВООБЩЕ

Южнокорейские бордели
С израильскими несравнимы, –
Сказала так Козлова Эля
Супругу своему Вадиму.

- Нельзя сравнить как с супом кашу,
Как с подорожником подснежник,
Академизм борделей наших
С авангардизмом зарубежных.

Вообще же, сравнивать бордели,
Их жанры, методы и стили –
Ну, как майолики Бурделя
С картиной Репина "Приплыли".

Вадим ужасно удивился
Таким познаниям Козловой.
И фрикаделькой подавился,
Об этом думая в столовой.

Мораль сей басни очевидна,
Как в женском лифчике гантели:

Обедай скромно и солидно,
Не отвлекаясь на бордели.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Невинность моя протекала довольно легко.
И очень легко утекла далеко-далеко.
Не то чтобы сильно я ею тогда дорожила,
Но нынче жалею, что выгодно в банк не вложила.

Излишняя честность меня довела до добра.
Теперь я скажу вам, когда и стара и мудра:
Не слишком я с этим добром хорошо поступала –
Я с ним на плечах в пионеры однажды вступала.

И с ним же нарвалась на первый мужской поцелуй.
Тогда же Господь мне с небес пригрозил: “Не балуй”.
Но я не послушалась, я баловалась безбожно,
И даже чертям за меня становилось тревожно.

Болезненно доброй я долгое время была.
Себя по кусочкам практически всю раздала.
Мужчины надеялись мной обладать безраздельно,
А я им сдавала частями в прокат понедельно.

Вот так моя gloria в мунди ушла насовсем.
Я стала желанна, как вечный агент 007.
Как будто невинность ко мне, поблудив, возвратилась.
Вот так, Ваша честь, я сюда по наклонной скатилась.

МИХАИЛ РАБИНОВИЧ

Родился в 1959 году в бывшем Ленинграде. Работал, естественно, инженером. В Нью-Йорке с 1991 года. Работает, конечно, программистом. Рабинович – это псевдоним, но настоящая фамилия тоже Рабинович. Четверть века назад его рассказы стали публиковаться на страницах юмора, а вскоре – и на других страницах печатных изданий нескольких стран. Сейчас таких публикаций – примерно четыреста. Ну, триста девяносто – почти наверняка. Есть – и в толстых журналах, есть и переведенные на английский язык, есть и книга – "Далеко от меня", вышедшая в Нью-Йорке. После сорока начал писать стихи, которые тоже можно прочесть в альманахах, журналах и в сборнике "В свете неясных событий", изданном в Одессе. Широко представлен в Интернете. Участвовал в передачах американских русскоязычных радиостанций и "Эха Москвы".

НАКАЗАНИЕ

Одного человека – как в кино – приговорили к высшей мере наказания за неправильную парковку. В подобных случаях обычно высшей меры не требуется, но в этот раз судья посчитал строгое наказание необходимым, особенно учитывая поддержку масс в этом вопросе. Мест для парковки всегда не хватает, а приятные, радостные – вовсе редки. Человек был, правда, без машины, но все равно – нарушил.

Судья недаром считался чуткой личностью, он в глубине души понимал, что высшая мера в данном случае – это чересчур, но что он мог сделать один? Почти ничего. Но сделал все-таки, добился: тому человеку разрешили совершить еще одно серьезное преступление, такое, чтобы высшая мера не вызывала сомнений у самых ехидных критиков и закоренелых скептиков. Сошлись на изнасиловании.

Человек уже давно ушел с того места, где стоял неправильно и без машины. Настроение у него было неважное, несмотря даже на грядущее приключение с женщиной. Судья дал ему список кандидатов, которые готовы были пострадать за торжество справедливости, "Если только без особых извращений", - сказали они, и судья кивнул, пообещал поговорить с преступником, но кому как не судье было знать, что без извращений у нас почему-то ничего не получается, а уж тем более, коли речь идет о торжестве справедливости. Впрочем, тот человек, без машины, не хотел иметь больше

никаких дел с судьей, даже список женщин прочитал невнимательно. У него был свой список.

"Только жалко их", – подумал человек, просматривая свою смятую бумажку. С одной он целовался еще в детском саду – кто знает, куда занесло его подругу, какой она стала – внешне, да и не слишком ли реакционны теперь ее политические взгляды. Тогда, в детском саду, она была на голову выше его и отбирала формочки, лопаточки, лейки, – и машинки, конечно, – и доводила нарушившего ныне правила парковки человека до слез, однако изнасилование – это вещь серьезная. "И, в сущности, бессмысленная, – подумал человек. – Временная мера". А ему самому-то грозила постоянная, высшая. Формочки и лейки, не говоря уже о машинах, исчезли в потоке событий и того, что могло произойти, но не произошло.

Была еще одна – сотрудница, начальница, администратор базы данных, – которая так болезненно для человека-нарушителя построила свою работу, что ее правила не нарушить было невозможно. Человек, причем в рабочее время, бывал так зол на нее, что мечтал проявить свои, обычно дремавшие, садистские наклонности: сорвать с нее платочек и гребешок в волосах, оставить в одном строгом рабочем костюме и заставить ее в разных позах исполнять бессмысленные противоречивые указания, да еще каждые пятнадцать минут требовать электронное письмо с обновлением статуса, и чтоб грудь ее – там, под костюмом – ходила бы ходуном от страстей человеческих и неправильно обработанных исходных условий; еще и один носок с нее сорвать. "Но и ее, с носком, жалко, – подумал человек. – И без носка тоже. Пусть черт с ней, но и она ведь размышляет, сопит, стремится. Да и неловко как-то насиловать эту, пусть неприятную, женщину, хотя бы и ради торжества справедливости, при моральной поддержке судьи. У нее ведь и муж есть, дети непослушные, собака, машина..."

Но у него самого машины не было. "Вот что, – думал человек, – вот оно как", – и не только об этом думал, но и о другом, разном, и не мог уснуть. Судья тоже не спал. Он анализировал – но не бесстрастно, не холодно, а с чувством – все ли он сделал для того, хоть и преступника, но современного ему существа, не упустил ли возможность подбодрить человека в непростой ситуации, улыбнуться ему уголками рта – это лишним не бывает. Все же дело необычное. И народу улыбнуться – народ поддерживает.

А той, из детского сада, приснилось давно ушедшее, горшки какие-то в большой светлой комнате. Она открыла глаза – темно, рядом – спящий мужчина, сопит, стремится куда-то; она подумала, мол, вот паразит, разлегся, занял большую часть территории ее жизни, она даже так подумала: "...несчастной жизни".

А человек, преступник, давно уже ушел из неположенного места в другое, тоже неположенное, вот и не уснуть, и его приговорили к наказанию, и он идет дальше, и хоть ту, из детского сада жалко, и судью жалко, и администратора базы данных тоже – ее рабочий костюм, смятый, лежит на полу, и его надо будет погладить перед уходом на работу, и накормить мужа, непослушных детей, собаку, залить в машину бензин, по дороге – покормить еще одного человека, тоже грубого, как и все остальные, но не похожего ни на кого, замечательного, того, о котором никто не знает, и лучше бы и она не знала, но, чтобы понять, что знать его не надо, ей пришлось его узнать, какой еще был выход? – жалко и ее, да, но все-таки того, кто запарковался – даже не запарковался, раз был без машины, а зачем-то занял чужое место, или свое, не заметив, что его, не разобрался, словом, в житейском смысле, и понесет наказание высшей мерой, неясно еще, что за мера такая – того не жальче ли всех... Вдруг – и не жальче, вот в чем дело, и в этом – тоже.

Человек идет по ночному тихому городу. Если бы это действительно было кино, то силуэт человека расплывался бы в тумане, он уменьшался бы под музыку заключительных кадров, уменьшался, пока не превратился бы в точку и не исчез бы совсем, но это – не кино, и он не исчезает.

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Окэй

...– Окэй, – сказал Боря, помявшись.

Сначала я думала, что он не понимает, зачем нужен переводчик: я спрашиваю по-русски, он отвечает по-русски, потом я перевожу его ответ на английский.

– Вы можете говорить по-русски, – сказала я. – Да или нет?

Он побледнел, потом покраснел и опять сказал:

– Окэй.

Регистраторша заволновалась и повторила:

– Так хочет он поменять врача или нет?

– Так вы хотите поменять врача? – повторила я по-русски.

Он опять немножко побледнел и сказал:

– Окэй.

– То есть хотите?

– А надо? – спросил Боря.

– Это она вас спрашивает, хотите вы поменять или довольны тем, который у Вас сейчас.

– Я понял, – пролепетал Боря. – Окэй.

– Он не хочет, – сказала я регистраторше. Давайте следующий вопрос.

– Родной язык? – спросила регистраторша.

– Родной язык? – сказала я по-русски.

Боря опять начал бледнеть. Регистраторша начала краснеть. Видимо, она считала, что я неправильно перевожу.

– Русский? – подсказала я Боре.

– Э-э, – сказал Боря, – в некотором роде... Но я же и иврит хорошо знаю.

Боря переехал в Штаты из Израиля, где прожил восемь лет.

– Но родной-то у Вас русский!

– Ну да, – сказал Боря, – в некотором роде...

Регистраторша начала нервничать:

- Мне надо знать, какого переводчика приглашать в следующий раз.
- Им надо знать, какого переводчика приглашать в следующий раз, - сообщила я Боре по-русски. – Так говорить, что русский?
- Окэй, – пробормотал Боря. – А...а как им удобнее?
- Как вам удобнее? – спросила я регистраторшу. – Русский или иврит?
- Нам все равно, – сказала регистраторша. – Мы делаем так, как ему удобнее.

– Они делают как вам удобнее, – сказала я. – Выберите язык.

– Окэй, – сказал Боря.

И замолчал. Воцарилась тишина.

– Я запишу оба, – сказала регистраторша. – Сделаю для него исключение.

На обратном пути Боря меня благодарил и восхищался наличием у нас машины:

- Надо же, как хорошо с машиной, не надо ждать автобуса!
- Так что ж Вы машину не купите?
- Да-да... Надо купить... Только ведь обманут...
- Да никто вас не обманет. Обязательно поищите машину.
- Окэй.

Я встретила Бору через полгода. Машины у них по-прежнему не было.

– На автобусе-то далеко не уедешь, – пожаловался он мне.

– А вы машину искали?

– Э-э, в некотором роде...

– Хотите, мы с вами съездим?

– Э-э... окэй, - сказал Боря.

И я не стала навязываться.

Национальность Карла Маркса

Галина Васильевна сложила руки на животе, прямо под кружевным воротником, и продиктовала:

– Карл Маркс родился 5-го мая 1818 года в немецком городе

Трире...

– А какую национальность писать? – быстро спросил Сенюшкин.

– Что? – не поняла Галина Васильевна.

– Ну, имя, дату, место рождения записали, а как же национальность?

Галина Васильевна покраснела, но сделала вид, что не заметила вопроса, и продолжила:

– ... в семье адвоката...

– Так какую национальность писать? - не унимался Сенюшкин.

Галина Васильевна покраснела еще больше и могла бы уже посоревноваться в яркости со свеклой. Все ждали. Галина Васильевна продолжала молчать, и видно было, что она мучительно размышляет над ответом. Назвать Маркса немцем Галина Васильевна не могла, поскольку и сама таковым его не признавала. Ответить "еврей" было нельзя по двум причинам. Во-первых, слишком сильно затянулась пауза. Если так долго пришлось молчать, значит, было, что скрывать, значит в том, что Маркс был евреем, крылось что-то постыдное, а ничего постыдного в этом вроде бы не было. Конечно, быть евреем хуже, чем быть немцем, но и не стыдиться же этого! В конце концов, хорошо, что Маркс не был чукчей. Во-вторых, произнести слово "еврей" во всеулышание – это было просто неприлично, все равно что сказать при всем классе слово "жопа". И сказать такое о ком! О самом Марксе! Щеки у Галины Васильевны надулись, и на лице явно прочитывалась обида на Маркса: "Надо же, великий человек, и такая национальность!" В классе начали хихикать.

– Так какую национальность писать? - спросил Сенюшкин в третий раз.

Галина Васильевна выдохнула и произнесла скороговоркой:

– Где родился, ту национальность и пиши.

– Пишу. Карл Маркс, национальность – Трир, – немедленно откликнулся Сенюшкин под общий хохот.

А я подумала, как чудесно звучала бы эта национальность в марксовской биографии. "Карл Маркс, трир по национальности, родился в Германии...", или "Карл Маркс родился в семье немецких триров..." Простенько, элегантно и до того непонятно, что не вызывает никаких вопросов. И не торчит из текста красным указующим перстом: вот, мол, он кто на самом деле, хоть и родился в Германии. Говорят, Галина Васильевна после того, как мы закончили школу, перешла на преподавание истории средних веков и никакой другой. А я до сих пор в компании слово "еврей" произношу с усилием. Даже слово "жопа" дается мне легче. По крайней мере, на "жопу" почти никто не обижается.

ОДНОСТИШЯ

Пишу роман. За деньги перестану.

Сосед - собака и, что странно, сука!

Детям - цветы, а бабам - как обычно.

Муму всплывет, Герасим, вот увидишь!

Беременеть старалась непорочно.

Брак по расчету: взяли за полтинник.

Кончаю. Страшно. Перечесть "Отелло"!

Куда уехал цирк? Где депутаты?

Патриотизмом я страдаю с детства...

Ни дня без строчки в петербургском лифте...

Мы с вами под забором не встречались?

Дешевые духи! Придется выпить.

Скорей бы старость, смерть, а там посмотрим...

Бордель закрыт в субботу. Все кошечно.

И принц в двенадцать превратился в тыкву!

Не выспаться никак во время секса.

"Война и мир" полгода не кончалась...

По-моему, у вас украли совесть.

Опять голосовали мимо урны...

Я вам пишу... Прочтете на заборе.

Мне двадцать семь! (плюс 20 минус 8)

Желаю... У-у! Да вам уже желали...

Вампиры обнаглели: просят закусь.

Проснулись утром. Глядь – кровать украли!

Мы с мужем записались в феминистки.

...но и постель не место для дискуссий...

Пока я отдавалась, он нажрался!

Кормящим матерям на водку скидка.

Обидно: импотент в командировке.

За миллион продать бы Перельмана...

Я к вам пишу... Чего бы написать бы?

МАША РУБИНА

Мария Рубина – поэтесса из Массачусетса, урожденная петербурженка, постоянный автор журналов "Чайка" и "Фонтан", создатель многочисленных лирических и многочисленных юмористических стихотворений, миниатюр и афоризмов, в том числе беспардонно ушедших в народ.

ЗОЛУШКА И ХЭМИНГУЭЙ

В баре царили тишина и полумрак. Слышно было только, как жужжит одинокая муха, висящая под потолком. Ещё полгода назад старый хозяин бара повесил её к потолку вместо люстры, да так и умер, а отцепить забыл. Новый хозяин бара муху отцеплять не торопился и даже привык к её монотонному жужжанию.

Пусть висит, – объяснял он поздним посетителям, – знать, судьба у нас с ней такая.

Всем было известно, что от нового хозяина недавно ушла молодая жена. Завсегдатаи бара судачили о причинах этого развода, но новый хозяин и сам не особо их скрывал.

Пусть висит, – повторял он и наливал себе ещё один стакан шнапса.

У стойки бара стояли два официанта: один повыше и постарше, с седыми усами и в попорченном молью сюртуке, второй - пониже и помоложе, в широких штанах, перехваченных у щиколоток резинкой.

– Слыхал, что учудил этот малый с ранчо Джона Кинга? – спросил официант постарше.

– Уж не тот ли малый, что разбогател на продаже тыкв в Нью Калифорнии, а потом открыл притон по продаже обуви? – поинтересовался младший и усмехнулся, а потом добавил: – Имя у него ещё такое забавное – Принс Полуботинок.

– Он самый, – отозвался первый, – Старый Джо вчера рассказывал, что тот совсем рехнулся, ездит по посёлку с какой-то туфлём из кожи буйвола, которого пристрелил Блайнд Шутер * 15 лет назад в Габоне, а туфля, говорят, размером со спичечный коробок.

– Интересно, зачем ему это понадобилось? – равнодушно ответил младший.

– Старый Джо ещё говорил, что парень врывается в дома и всем женщинам посёлка пытается натянуть эту срамоту, ну, туфлю эту, то есть, на ногу. А жениться после этого не хочет. Ноги, видите ли, у них большие. Тьфу.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Это верно, – согласился старший, хихикнув, – Старый Джо ведь ещё сплетничал, что Полуботинок не просто так это делает, а что, мол, началось это всё на вечеринке в салуне Мамаши Бигтитс **, где он встретил какую-то девчонку, а потом так накачался муншайном, что заснул, а когда проснулся, то ни девчонки, ни его кошелек не было, зато под подушкой лежал презерватив, а в нём – вот эта самая туфля.

– Туфель, – презрительно поправил его младший.

– Не умничал бы ты, Бад Вайзер***, – обиделся старший.

В это самое время дверь бара открылась и вошла маленькая девушка с жёлтыми волосами и в переднике, который волочился по земле. В одной руке она держала большой цинковый совок, в другой – швабру. Девушка подошла к стойке бара и положила швабру с совком на пол.

– Найдётся в этом треклятом заведении чего-нибудь выпить? – спросила она неожиданно хриплым прокуренным голосом.

Официант, что помладше, проворно подскочил к ней.

– Привет, малышка, – ласково сказал он и плеснул в стакан виски.

– Стакана мало, наливай полный графин, – возмутилась желтоволосая.

– А не много ли будет тебе, крошка? – удивился младший, – судя по росту, тебе ещё и шестнадцати нет. А судя по бюсту – и восьми.

– Не твоё дело, козёл, – отрезала девица и злобно прищурилась.

– Не цепляйся к девчонке, Бад, – сказал старший, – не нужно жалеть выпивки, если у человека болит душа.

– Как звать-то тебя, маленькая? – участливо добавил он.

– Эш Трэй****.

Младший официант презрительно хмыкнул и отвернулся.

После трёх выпитых графинов желтоволосая разговорилась.

– Папаша мой – старик Трэй, женился на злобной старухе Степ***** из соседнего посёлка Мавафака*****, – доверительно сказала желтоволосая, – а она возьми да приведи с собой в дом двух своих дочерей, которые пили и курили сутки напролёт и заставляли меня покупать им виски, сигареты, вытряхивать пепельницы и выносить бутылки.

– Да так и спиться недолго, – охнул старший.

– Вот я пью и курю с тех пор, – хрипло сказала Эш и заплакала.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Ты это уже говорил, – мягко ответил старший, – смени пластинку.

– Ну вот, а в один прекрасный вечер я сбежала в салун к мамаше Бигтите, и встретила там его. Он был таким...таким...

– Каким? – вдруг заинтересовался младший.

– Таким, таким... – задумалась желтоволосая.

– Любовь слепа, – задумчиво сказал старший. – Думаешь, что видишь человека насквозь, а на следующее утро уже не можешь припомнить, какой у него нос – курносый или с горбинкой. И какого цвета у него ботинки – тоже не помнишь.

– Вот и я не помню, – ответила маленькая.

– А потом он заснул, а мне надо было бежать, потому что в этот день сигареты продавали только до двенадцати. Я ушла, а он так и не проснулся. А когда пришла домой, то обнаружила, что один тувель остался у него под подушкой в презервативе. Ведь в нашем посёлке презервативы не продают, а передают по наследству от отца к сыну, а я у моего папаши – единственная дочь. В общем, с тех пор я не видела ни презерватива, ни туфли, ни его.

– Любовь – страшная штука, Бад, – грустно сказал старший. – Теряешь больше, чем находишь. Иногда теряешь ещё до того, как нашёл. Раздался звон выбитого стекла. В окно на белом коне въехал Принс Полуботинок. В руке он держал крошечный башмачок.

– О, а вот и мой тувель, – радостно воскликнула желтоволосая.

– Девочка моя, – ласково сказал наездник.

– И я тебя люблю, – заплакала Эш.

Муха наконец-то отцепилась и упала на пол. Жужжание стихло.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Пошли спать, – устало сказал старший, – нажрался и талдычишь одно и то же.

Дома старший официант лёг в постель и долго ворочался. Завтра будет новый день, подумал он, а потом ещё один, и ещё, а потом нам всем настанет крышка. Но об этом нельзя думать, потому что когда-нибудь кто-нибудь придёт, приподнимет крышку и напишет о нас. И мы никогда не умрём.

Любовь и виски делают человека ненормальным, раз, два, и ты уже с катушек долой, подумал он, окончательно проваливаясь в сон.

Словарь имён:

* Слепой Стрелок

** Мамаша Большие Сиськи

*** Ну, это и ежу понятно

**** от англ. ashtray (пепельница)

***** от англ. stepmother (мачеха)

МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года – свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе».

В том же 1992 году переехал в Германию (город Франкенталь). Долгое время писал для себя, не участвуя в

литературной жизни, не пытаясь публиковаться и выставляя свои живописные работы – в странах СНГ, Европы и Америки.

В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи». Поэзию и прозу автора опубликовали литературные журналы и альманахи в Украине, России, Германии, Великобритании, Финляндии, Израиле, Австралии и США. В 2013 году издательство АСТ (Москва) выпустило книгу прозы М. Юдовского «Воздушный шарик со свинцовым грузом», в апреле того же года американское издательство «POEZIA.US» опубликовало поэтический сборник автора «Тела и тени», а в 2014 году в издательстве «Петит» (Латвия) вышла книга стихов «Полусредние века». Лауреат нескольких литературных премий, его живописные работы находятся в музеях, а также частных коллекциях пятнадцати стран мира. Пишет как на русском, так и на украинском языке. В 2015 году закончил работу над переводом на русский и украинский языки всех сонетов Шекспира.

СВОЛОЧЬ

О том, что я сволочь, мне сообщили между закуской и горячим, которые подавались на открытой палубе небольшого плавучего ресторана, расположившегося близ набережной Некара, в мутно-зеленой воде которого плавали белоснежные лебеди. Я как раз залюбовался, как они красивыми парами скользят по глади реки, наслаждаясь попутно теплым сентябрьским деньком и видом на гейдельбергский замок, полускрытый деревьями, когда ухо мое выловило из звуков окружающего мира это далеко не лучшее слово.

- Наверное, было бы глупо спрашивать, не ослышался ли я? – полубопытствовал я у моей спутницы.
- Очень глупо, – ответила та. – Потому что ты не ослышался.
- Я почему-то так и думал, – кивнул я.
- И это всё?
- А что еще?
- Тебе даже не интересно, почему я назвала тебя сволочью?
- Извини, – пожал плечами я, – я просто не знал, что для того, чтоб

назвать меня сволочью, тебе нужен какой-нибудь повод.

Она ничего не ответила, просто взяла фужер с минералкой и плеснула мне на рубаху. И вот тогда-то, когда меня уже не только обозвали сволочью, но и облили, нам принесли горячее.

– Прошу, – сказал официант, ставя перед нами тарелки с дымящимся мясом.

– Извините, – обратился к нему я, – мы заказывали красное вино. Можно попросить вас вместо красного вина принести водки?

– Разумеется. – Официант немного замялся.

– Да? – Я поднял на него глаза.

– Простите, что вмешиваюсь, – проговорил официант, – но, по-моему, вы делаете ошибку. Красное вино намного лучше подходит к мясу.

– Согласен, – кивнул я. – Красное вино намного лучше подходит к мясу.

А водка намного лучше подходит ко мне. Она легче отстирывается.

Принесите, пожалуйста, водки.

– Как скажете.

Официант с полузаметным поклоном удалился.

– На чем мы остановились? – Я вновь повернулся к ней.

– По-моему, ты слишком много себе позволяешь, – сказала она.

– Приятно слышать это от человека, который только что облил тебя с ног до головы.

– С чего это ты заказал водку, не спросив меня?

– А ты разве не будешь?

– Буду. Тебе назло.

– Если ты думаешь, что причинишь мне зло, выпив водки...

– Вот поэтому ты и сволочь, – сказала она. – Это невыносимо. Ты даже не замечаешь, как каждой мелочью, каждым крохотным словом и поступком убиваешь меня. Или, может, ты замечаешь и делаешь это нарочно?

– Понимаешь, – сказал я, – еще в Киеве один из моих друзей научил меня фокусу, как засовывать в нос гвоздь...

– Ты с ума сошел?

– Подожди. Так вот, однажды я проходил таможенню в аэропорту и решил попробовать этот фокус. Дело было летом, я в одной футболке и штанах, прохожу через металлоискатель – звенит. Таможенница, крашенная такая блондинка с золотыми зубами, меня спрашивает: «Вы ключи и мелочь выложили?» «Естественно», – отвечаю. «Пройдите, – говорит она, – еще раз». Я прохожу – звенит. Тут она своим приборчиком по мне елозит начала – по животу, по спине, по всяким интимностям, даже про туфли

не забыла. Всё в порядке, ни звона, ни писка. Прохожу через ворота – звенит. «Ничего не понимаю», – говорит она. «Ой, – говорю, – извините, совершенно из головы вылетело...». Хлопаю себя как бы с досадою по затылку, и из носа у меня выскакивает гвоздь. «Вот, – говорю, – совсем память никудышняя стала. Сам же гвоздь с утра в ноздрю засунул и забыл напрочь». Таможеннице чуть дурно не сделалось. «Зачем же вы его себе в нос засунули?», – говорит. «А куда? – спрашиваю. – Карман он продырявит, в сумке затеряется...». Она посмотрела на меня нехорошо и, хоть мы с ней на брудершафт не пили, заявляет: «Ну, ты сволочь!». Вот я и думаю теперь: она меня назвала сволочью, и ты тоже. Кому же из вас двоих верить?

– Одному Богу известно, как я от тебя устала, – сказала она.

– Ты права, – кивнул я. – Ему это наверняка известно, потому что он, скорее всего, тоже от меня устал. Как это странно: я люблю его, люблю тебя, а что получаю в ответ? Порцию минеральной воды, выплеснутой в лицо. Ведь это Бог послал мне тебя, чтоб ты облила меня минералкой.

– А теперь, кажется, я ослышалась, – сказала она. – Причем по-настоящему ослышалаясь. Или ты действительно сказал, что меня любишь?

– Конечно, люблю, – подтвердил я, принимаясь за мясо. – Я вообще много чего люблю. И эту реку, и этих лебедей, и этот замок, скрытый деревьями. И это мясо. И тебя, разумеется. Только никто этого не может понять. Спроси у реки, понимает ли она, что я ее люблю. Спроси о том же вот у этого куска мяса. Река плеснет что-нибудь невнятное, а мясо брызнет кровью и если – не приведи Господь – вдруг заговорит, то на весь плавучий ресторан объявит меня убийцей.

В это время снова появился официант и поставил перед нами по рюмке водки.

– Это что? – удивился я.

– Ваша водка.

– И что мы с ней должны делать? Полоскать больной зуб?

– Простите?

– Неужели трудно было догадаться принести сразу граммов двести в красивом графинчике? У вас есть красивые графинчики?

– Есть, но они для вина.

– Тогда принесите нам двести граммов водки в красивом графинчике для вина.

Официант ушел, назвав меня сумасшедшим – мысленно, конечно, но я отлично услышал его мысли.

– Странные у вас в Германии официанты, – проговорила она, вращая в руках рюмку.

– Очень странные, – подтвердил я. – Сколько лет живу, столько удивляюсь – и странностям официантов, и тому, что в Германии – это, оказывается, «у нас». На кой черт ты приехала из Москвы? Мы несколько месяцев не виделись, могли бы еще столько же не видеться.

– И после этого ты, сволочь, говоришь, будто любишь меня?

– Зачем же всё время про сволочь? Ты совсем уже заездила это слово. Что, в русском языке других ругательств не осталось?

– Для тебя найдутся. Значит, любишь?

– Безумно люблю. Как звездное небо. Когда любишься им издалека, оно притягивает и восхищает тебя. Но стоит оказаться в нем, как ты погибаешь от холода и отсутствия воздуха. Знаешь, у меня в Киеве был еще один приятель...

– Он тоже научил тебя что-нибудь куда-нибудь засовывать?

– Господь с тобою. Он ничего никуда не засовывал. Он вообще был очень застенчивый человек. И однажды познакомился с девушкой, такой же застенчивой. Месяца три они жили непринужденно и нежно, а потом смертельно друг другу надоели. Но оба были слишком застенчивы, чтобы сказать об этом вслух. Мой приятель так мучался, так метался между этой неприкаянностью и нерешительностью, что однажды взял молоток и стукнул свою сожительницу по голове. Та, по счастью, осталась жива, но дело всё равно передали в суд. На суде он признался, что сделал это из застенчивости. Его отправили на психическую экспертизу, и та признала его невменяемым. Я пару раз навещал его в сумасшедшем доме. Место, конечно, интересное, но действует угнетающе. Знаешь, что он мне сказал? Он сказал, что лучше бы она ударила его молотком. Может, в его голове что-нибудь от этого сместилось бы и он бы изменился в лучшую сторону. А так, хоть он чуть не убил человека и сидит теперь в сумасшедшем доме, но так и не избавился от робости и нерешительности. – Извините, – я окликнул официанта, – принесите, пожалуйста, счет.

– И ты смог бы ударить меня по голове молотком? – поинтересовалась она.

– Ни в коем случае, – возразил я. – Ни молотком, ни топором, ни чем-нибудь другим. Мне для этого не хватит застенчивости. Я не мой приятель. И не Раскольников, который глядел на труп старухи-процентщицы и думал про себя: топорная работа. Поэтому я просто возьму тебя за руку, – я взял ее руку в свою, – и скажу: дорогая, мы

знакомы без малого три года. За это время ты пять раз приезжала ко мне из Москвы и трижды я приезжал к тебе в Москву. Каждая наша встреча превращалась в издевательство друг над другом и над здравым смыслом. Не довольно ли преумножать бессмыслицу в этом и без того не лучшем из миров? Можешь не отвечать. Можешь ответить. Можешь назвать меня, как угодно. Только, умоляю, не сволочью, а как-нибудь по-другому.

– Ваш счет. – Над нами вырос официант.

– Угу, спасибо.

Я глянул на счет и полез за бумажником.

– Может, каждый заплатит за себя? – ядовито поинтересовалась она. – По-вашему, по-немецки. Раз уж мы теперь друг другу без пяти минут посторонние люди...

– Милая моя, – сказал я, – мы друг другу не посторонние, а потусторонние. А за это удовольствие надо платить. Возьмите, пожалуйста, – я протянул официанту деньги.

Тот принял их с какой-то обидой.

– Что-нибудь не так? – спросил я.

– Всё в порядке. – Официант восстановил на лице профессиональную учтивость.

– Мы уже не ваши клиенты, – усмехнулся я, – так что валяйте, выплескивайте наболевшее.

– Это, конечно, не мое дело, – проговорил официант, – но... Зачем же вы заказывали двести граммов водки, да еще попросили принести ее в графине, если даже не прикоснулись к ней?

– Вас, наверное, именно графин так разобидел?

– Я...

– Вы, – перебил его я, – видимо, решили, что если мы разговариваем по-русски, то мы, конечно же, алкоголики?

– Нет, что вы.... Я даже не знаю, на каком языке вы разговаривали.

– Вы не ошиблись, – не слушая его, продолжал я. – Мы разговаривали по-русски. И, конечно же, мы алкоголики. Я, по крайней мере. Ваше здоровье.

Я взял со стола графин с водкой и залпом его выпил.

– Вот, – сказал я, ставя пустой графин на стол. – Надеюсь, вы больше не в претензии?

– Да... То есть, нет.... Я хотел сказать... Доброго вам дня!

Мы вышли из ресторана и зашагали по набережной. Следом за нами двинулась, скользя по воде, пара лебедей.

- Красивые птицы, – сказала она. – Как ты думаешь, почему они плывут за нами?
- На запах водки, – ответил я. – От меня водкой разит. Вода у них уже в печенках сидит, наверное.
- А ты знаешь, что лебеди не расстаются до самой смерти?
- Так они и живут недолго. И всю жизнь глядятся в воду, отчего весь мир кажется им перевернутым.
- Она замолчала.
- Ты чего приумолкла? – спросил я.
- Чтобы не повторяться насчет сволочи.
- Жаль. Я думал, ты мне что-нибудь еще расскажешь о лебедях. Про лебедя и Леду. Про Зигфрида и Одилию. Про Царевну-Лебедь и про гадкого утенка... Ты знаешь, мне в этой сказке утенок до превращения нравился больше. Как только он сделался лебедем, о нем и рассказывать-то стало нечего. Сразу нашел себе такую же белоснежную компанию и полетел с нею в Африку красоваться перед бегемотами и дразнить крокодилов.
- Зачем ты мне это рассказываешь?
- Хочу, чтоб ты запомнила меня мерзавцем. Чтоб тебе было легко и приятно думать о том, что мы расстались. Хочешь прямо здесь, у реки, полной лебедей, поцеловаться с винокурным заводом?
- Я обхватил ее, прижал к себе и поцеловал в губы. Она не отстранилась, но и на поцелуй мой не ответила.
- Поехали домой, – сказала она.
- Поехали, – согласился я.
- Когда мы вернулись в квартиру, уже стемнело. На месте сентябрьского солнца в небе желтела сентябрьская луна, окруженная компанией созвездий.
- А ведь есть такое созвездие – Лебедя? – проговорила она, глядя на небо в окно.
- Есть, – сказал я. – Его еще называют Северным Крестом. Правильно называют. Большой жирный крест, поставленный на северном небе.
- Знаешь, чем ты отличаешься от гадкого утенка? – неожиданно спросила она.
- Формой клюва.
- Утенок сначала был гадким, а потом превратился в прекрасного лебедя. А ты сперва прикинулся лебедем и только потом превратился в гадкого утенка.
- В сволочь, – уточнил я.

– В сволочь.

– И кому же этот упрек? Выходит, я был прекрасным лебедем, а ты сделала из меня гадкого утенка. Но, по-моему, ты к себе несправедлива. Я, наверно, всегда был утенком и, кажется, прегадким.

– Врешь, – сказала она. – причем глупо и бездарно. Тебе зачем-то нужно, чтобы тебя считали хуже, чем ты есть на самом деле.

– Просто меня всегда тошнило от людей, которые хотят казаться лучше, чем они есть.

– А от людей, которые хотят казаться хуже, чем они есть, тебя не тошнило? Ведь это то же самое, только в перевернутом виде. Это не лебеди, это ты всю жизнь видишь мир перевернутым. Зачем казаться, если можно быть?

– Казаться легче.

– Только тем, кто никогда не пробовал быть. Попробуй.

– Не хочу. Боюсь подсесть. Бытие вызывает привыкание.

– Знаешь что, – сказала она, – через три дня я улетаю в Москву. Вряд ли мы снова увидимся. Раз тебе это не нужно – черт с тобою. Но даю тебе слово, что за эти три дня я из тебя все соки выжму. Хочется сохранить хоть какое-то приятное воспоминание.

– Да я и не возражаю. – усмехнулся я. – Не будем казаться, будем собой. Я – тот еще фрукт, а ты – отличная соковыжималка. И к черту все эти разговоры.

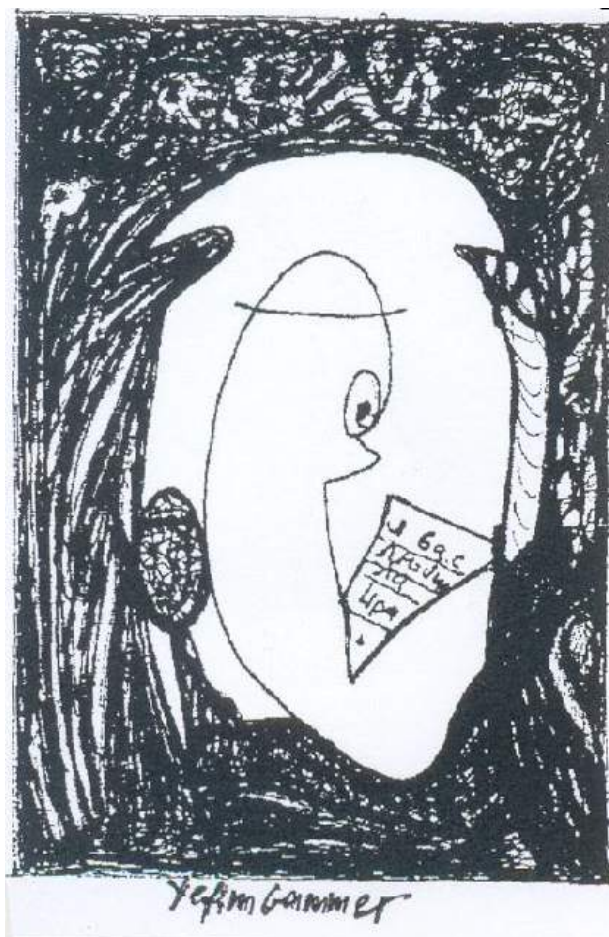
Через три дня она улетела. Через три недели я почувствовал, что, кажется, соскучился по ней. Через три месяца забыл о ней совершенно. А через три года получил от нее открытку, в которой она приглашала меня прилететь в Москву на ее свадьбу. Открытка была написана от ее имени и от имени ее будущего супруга. В конверте с открыткой я обнаружил маленькую записку, написанную уже ею лично, где она сообщала, что счастлива, вспоминает обо мне с теплом и улыбкой и будет искренне рада видеть меня на своей свадьбе в качестве старинного друга. Я разорвал и записку, и открытку. Затем смел обрывки на ладонь и выкинул их в мусорное ведро.

«Вот так-то, – подумал я. – Казаться, всё-таки, легче, чем быть.

Особенно, чем быть счастливым. Счастливые люди не рассылают бывшим любовникам приглашения на свою свадьбу. И, тем более, не прилагают к ним записок, где сообщают, как они счастливы».

Честно говоря, мне было немного жаль, что она не видела, как я рву ее приглашение и записку. Потому что в этот момент я, наверно, не старался казаться сволочью, а был ею на самом деле.

ВЕРНИСАЖ
ЖАСИНРЕВ

НАУМ БЕЛОГ

Рисовать начал в 6 лет.. Закончил институт в 28 лет.Рвботал конструктором, изобретал и рисовал по выходным. В 1987 эмигрировал в Австралию, в Мельбурн. Первую работу маслом продал в Италии. В Мельбурне до 70 работал инженером, писал картины и выставлялся. Теперь пишу рассказы, перевожу с русского на английский и продолжаю выставляться . Имею дочку художницу, трёх внуков и трёх правнуков, чтоб они все были здоровы.

Стр.380 – 382

ФАИНА ЗИЛЬП

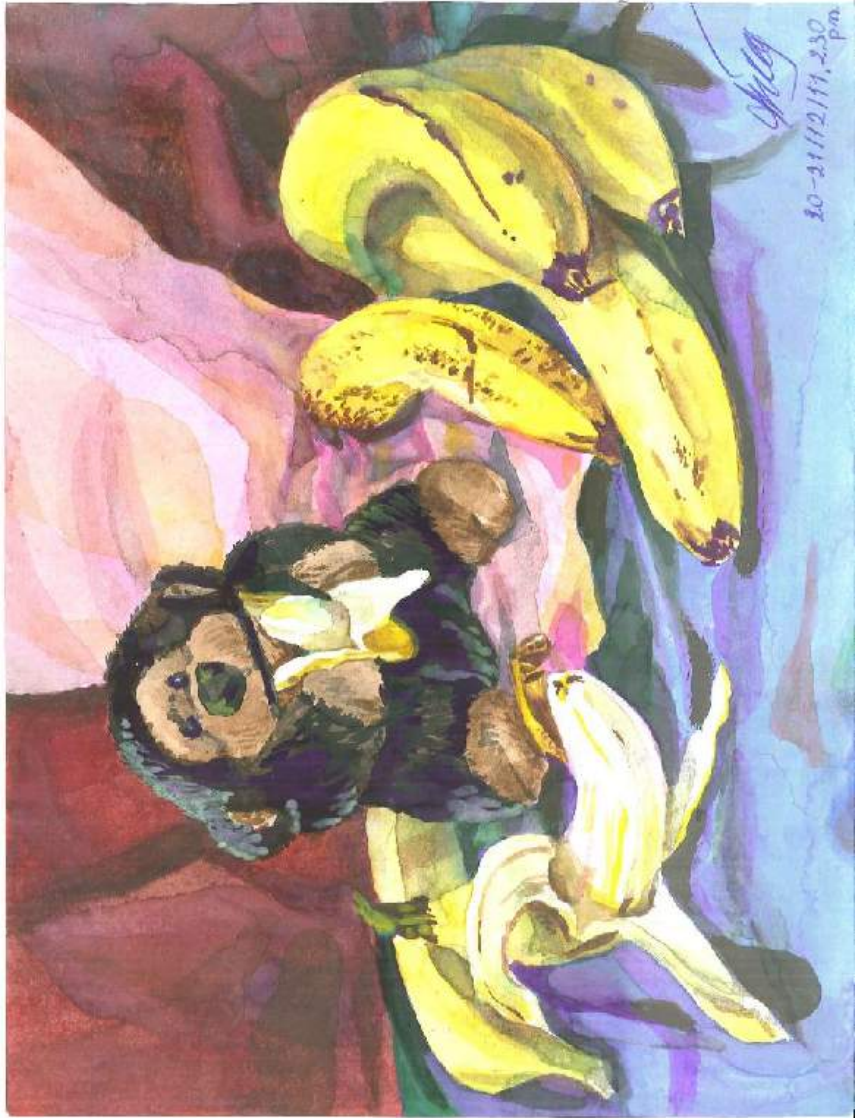
Стр 383. Обезьяна с бананами.

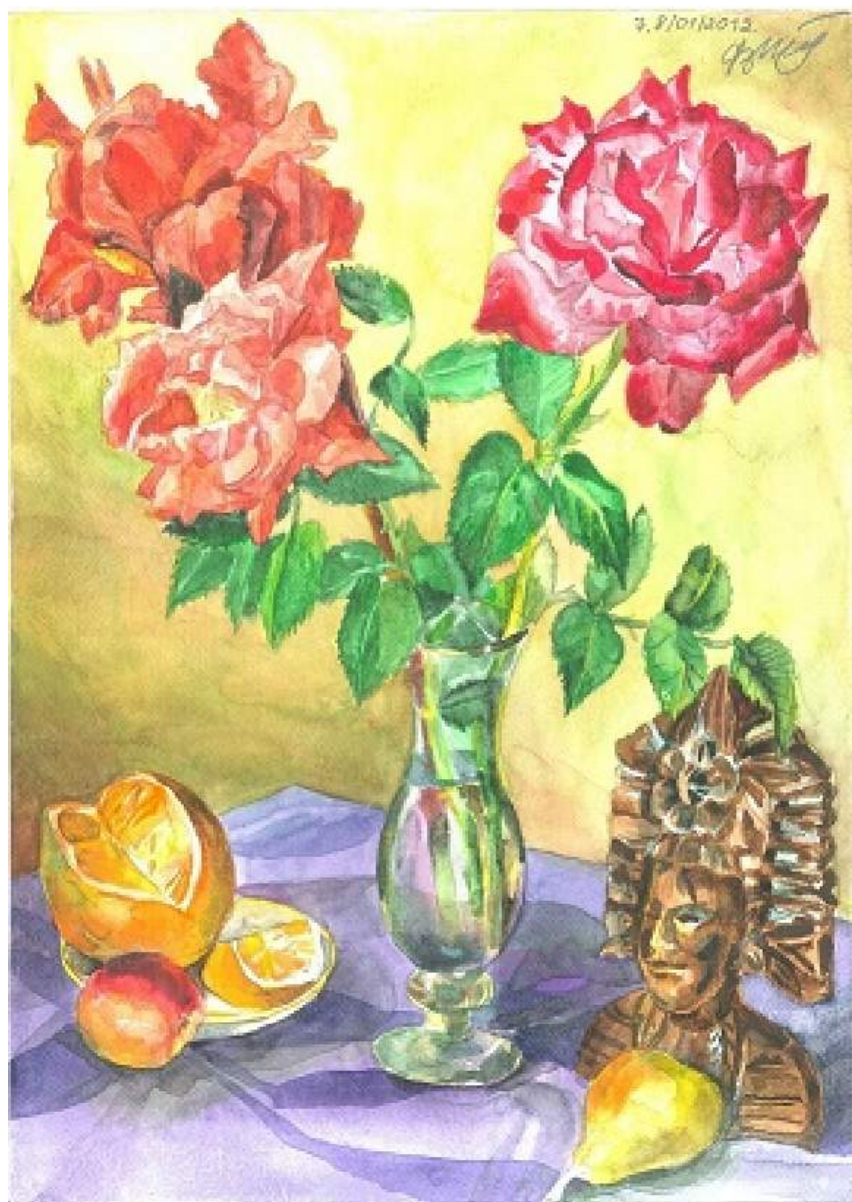
Стр 384. Цветы.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	4
ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ.....	10
ГРИГОРИЙ АМБУРГ.....	15
АЛЕНА БАБАНСКАЯ.....	17
ОЛЬГА БЕЛОУС.....	20
ЮРИЙ БЕРДАН.....	24
ИГОРЬ БИРЮКОВ.....	31
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	35
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	40
ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН.....	43
ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ.....	47
МИХАИЛ ГОФАЙЗХЕН.....	52
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	59
ОЛЬГА ГУЛЯЕВА.....	62
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	66
ТАТЬЯНА ЖИЛИНСКАЯ.....	68
ВЛАДИМИР ЖУКОВ.....	73
ФАИНА ЗИЛЬП.....	79
СВЕТЛАНА ИЛЛАРИОНОВА.....	84
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	89
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	92
ИРИНА КАРПИНОС.....	98
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	103
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН.....	109
АЛЕКСАНДР КУЛИКОВ.....	114
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	118
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА.....	122
АЛЕКСАНДР КУШНЕР.....	126
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	130
СЕРГЕЙ ЛАЗО.....	134
ГОРАН ЛАЗОВИЧ.....	139
АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК.....	144
ВАДИМ МЕСЯЦ.....	149
ЕВГЕНИЙ МИНИН.....	155
БЕРТА МИХАЙЛИЧ.....	160
ВАЛЕНТИН НЕРВИН.....	163
ВИТАЛИЙ ОВЧАРЕНКО.....	167
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	171
МАРИЯ ПАСИКА.....	176

ИЛЬЯ ПОКЛОНСКИЙ.....	180
ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ.....	184
СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН.....	189
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	193
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	197
ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА.....	201
ЛЮДМИЛА ШАРГА.....	204
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	209
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	214

ПЕРЕВОДЫ

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ.....	218
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	225
ОЛЕГ БАБИНОВ.....	228
ВЛАДИМИР СЕВРИНОВСКИЙ.....	230

ПРОЗА

ЕФИМ ГАММЕР.....	237
ЕКАТЕРИНА ДАНОВА.....	244
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	246
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	249
МАКС НЕВОЛОШИН.....	254
ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА.....	266
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	276
СИМА ЦИСКИНА.....	281

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ВОЛШЕБНИКИ

ДАРЬЯ ГЕРАСИМОВА.....	291
ОЛЕГ БАБИНОВ.....	296
ВИКТОРИЯ ГРЕКОВА.....	299
ИРИНА ПОЗОВСКАЯ.....	301

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

ЛЕВ ГУРЕВИЧ.....	305
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ.....	311

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	321
АЛЕКСАНДР КУШНЕР – ВЛАДИМИР КОРКУНОВ.....	328
ЛЕВ КРОФТС – НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	333
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	345
СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН.....	350

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД – НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	357
МИХАИЛ РАБИНОВИЧ.....	359
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	362
МАША РУБИНА.....	367
МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ.....	371

ВЕРНИСАЖ.....	378
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	379
(НАУМ БЕЛОГ, ФАИНА ЗИЛЬП)	

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ	
ЮРИЙ ВАЙСМАН	
ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД	
ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ	
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ	
НАТАЛЬЯ КРОФТС	
ВАДИМ МОЛОДЫЙ	
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА	
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР	

